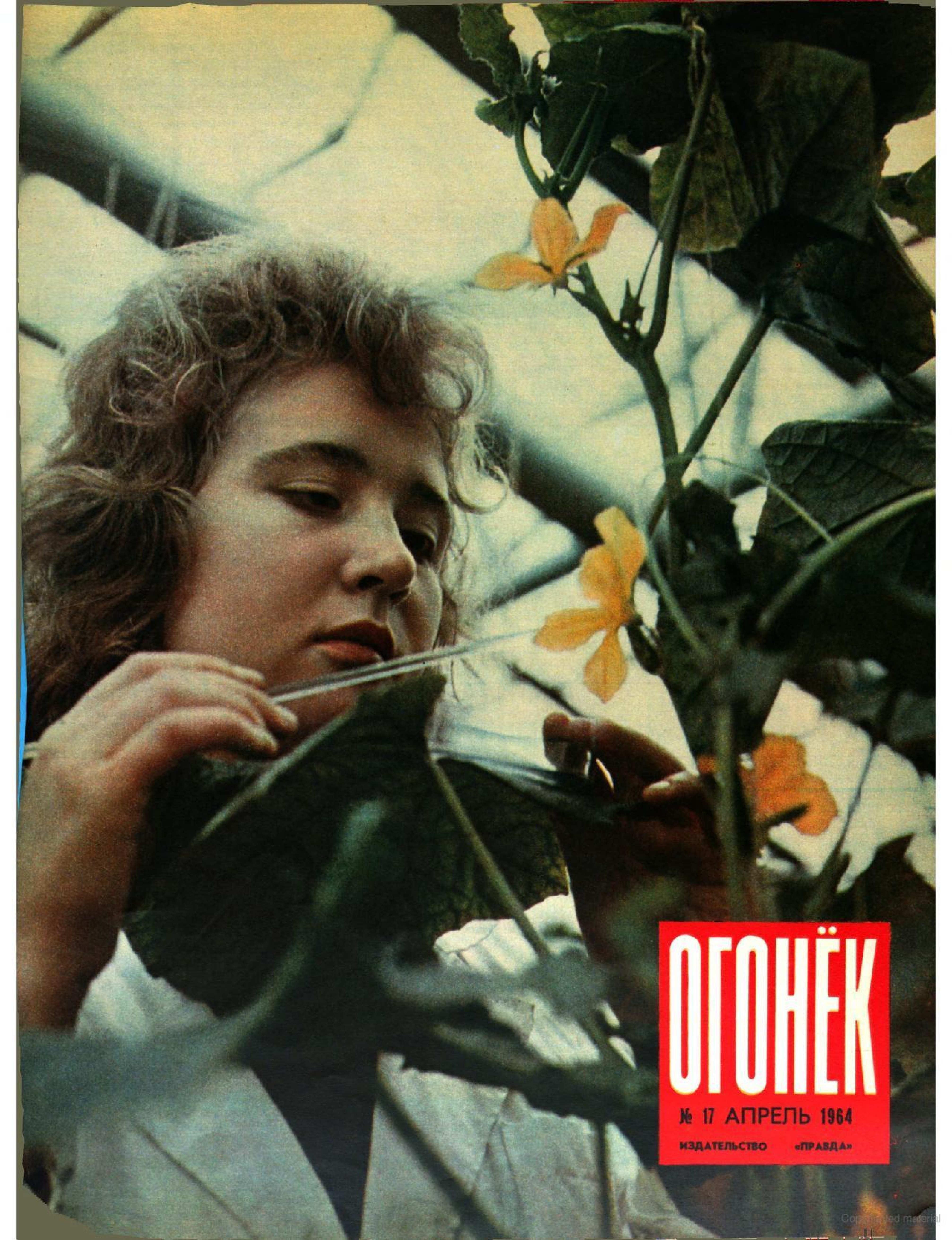

ОГОНЁК
№ 17 АПРЕЛЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 17 (1922)

19 АПРЕЛЯ 1964

По Ленинским местам. Весна в Разливе.
Фото Н. АНАНЬЕВА.

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ.

К 70-летию со дня рождения.

Фото И. Филатова.

Товарищу
ХРУЩЕВУ
Никите Сергеевичу

Дорогой друг и товарищ!

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР в день Вашего семидесятилетия сердечно и горячо поздравляют Вас, верного ленинца, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, мужественного борца против империализма, за мир, демократию, национальную независимость и социализм.

Славный сын героического рабочего класса, Вы, Никита Сергеевич, прошли суровую школу труда и борьбы пролетариев старой России. Ваша сознательная жизнь неразрывно связана с революционной деятельностью Ленинской партии, нашего великого народа. В годы гражданской войны, находясь на политической работе в Красной Армии, Вы с оружием в руках сражались против интервентов и белогвардейской контрреволюции. После окончания гражданской войны Вы отдаете все свои силы социалистическому строительству, возглавляя в течение многих лет партийные организации Украинской ССР и столицы нашей Родины — Москвы.

В грозные годы Великой Отечественной войны, вместе с другими деятелями нашей партии, Вы непосредственно на боевых фронтах руководили самоотверженной борьбой советских воинов против гитлеровских захватчиков. Будучи членом Военных советов ряда фронтов Действующей армии, Вы принимали самое активное участие в разработке и осуществлении главных военных операций, в исторических битвах под Волгоградом, Курском и Орлом и в других сражениях.

Свыше десяти лет назад Вы были единодушно избраны Первым секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и с 1958 года возглавляете Советское Правительство. Находясь на этих важнейших постах, Вы с неутомимой энергией выполняете свои исключительно сложные и ответственные обязанности перед партией и советским народом.

На своем XX съезде наша партия по Вашей инициативе взяла твердый курс на ликвидацию тяжелых последствий культа личности, на восстановление и развитие ленинских принципов партийной и государственной деятельности, осуществление коллективности руководства. Партия проводила в жизнь этот курс в ожесточенной борьбе против антипартийной группы, разгромленной и единодушно осужденной всей партией. Хорошо известно, какую огромную роль и какое мужество революционера-ленинца Вы проявили в борьбе за торжество ленинских норм государственной и партийной жизни.

Вступление нашей Родины в период развернутого строительства коммунистического общества потребовало от партии творческой разработки новых теоретических проблем, научного определения никем не изведанных путей движения к коммунизму. Центральный Комитет под Вашим руководством должен был проявить глубокое понимание событий, революционную смелость и ленинскую мудрость, чтобы выработать правильную генеральную линию партии.

Созданная великим Лениным Коммунистическая партия Советского Союза оказалась на высоте стоящих перед нею исторических задач, успешно решила и решает сложнейшие теоретические и политические проблемы современности, опираясь на великое учение Маркса — Энгельса — Ленина. При непосредственном Вашем участии партия разработала и приняла на своем XXII съезде Программу построения коммунизма в СССР, представляющую собой новый этап в творческом развитии марксизма-ленинизма. Братские коммунистические и рабочие партии назвали Программу КПСС Коммунистическим манифестом современной эпохи.

Жизнь полностью подтвердила правильность теоретических установок нашей партии, ее генеральной линии, ее практической деятельности.

В годы минувшего, поистине великого десятилетия в нашей стране были осуществлены колоссальные преобразования в промышлен-

ности и сельском хозяйстве, в руководстве экономикой, обеспечившие высокие темпы развития народного хозяйства. Партия и весь советский народ знают, с какой энергией, с каким выдающимся организаторским талантом и знанием дела занимаетесь Вы, Никита Сергеевич, назревшими вопросами хозяйственного и культурного строительства, развития науки и техники, совершенствованием общественных отношений, вопросами коммунистического воспитания советских людей.

Для всей Вашей многогранной деятельности характерны тесная связь с народом, неиссякаемая инициатива и энергия, глубокий анализ жизненных процессов, стремление все быстрее и быстрее двигаться вперед к заветной цели — коммунизму, не обольщаясь при этом достигнутыми успехами. Вся Ваша жизнь, дорогой Никита Сергеевич, является ярким примером беззаветного служения Ленинской партии и советскому народу. Под Вашим руководством партия обеспечила невиданное усиление экономического, оборонного и идейно-политического могущества нашей Родины и добилась крупных успехов в повышении благосостояния народа.

Минувшее десятилетие убедительно доказало великую жизненную силу ленинской принципиальной и гибкой миролюбивой внешней политики СССР. Как никогда, высоки ныне международный авторитет Советского Союза, его роль в решении коренных проблем современности. Все народы высоко ценят Ваш выдающийся вклад, Никита Сергеевич, в борьбу за укрепление дела мира, за уничтожение колониализма, за освобождение рабочего класса и всех трудящихся от социального и национального гнета.

Коммунистическая партия провела и проводит огромную работу по укреплению содружества стран социалистической системы, единства мирового коммунистического движения на принципах марксизма-ленинизма, получивших дальнейшее развитие в документах братских коммунистических и рабочих партий — Декларации 1957 года и Заявлении 1960 года. Опираясь на ленинские принципы, ЦК КПСС под Вашим руководством, Никита Сергеевич, ведет непримиримую борьбу против ревизионизма, догматизма, сектантства, неотроцкизма, за чистоту марксизма-ленинизма, за укрепление рядов международного коммунистического движения.

Ленинская внутренняя и внешняя политика, проводимая Центральным Комитетом КПСС и Советским Правительством во главе с Вами, еще более укрепила монолитное единство нашей партии и всего советского общества, привела все народы нашей страны к расцвету их экономики и культуры, сплотила трудящихся всех национальностей в единый братский коллектив строителей коммунизма.

Ваша деятельность на благо нашей Родины и всего прогрессивного человечества заслужила глубокую признательность, уважение и любовь советского народа, трудящихся всего мира.

Дорогой Никита Сергеевич!

В день Вашего славного юбилея Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР желают Вам доброго здоровья, бодрости, многих лет жизни и новых свершений во имя процветания нашей великой Отчизны, торжества дела социализма и коммунизма.

Центральный Комитет КПСС **Президиум Верховного Совета СССР** **Совет Министров СССР**

17 апреля 1964 года.

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О присвоении звания Героя Советского Союза товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу

За выдающиеся заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством в строительстве коммунистического общества, укреплении экономического и оборонного могущества Советского Союза, развитии братской дружбы народов СССР, в проведении ленинской миролюбивой внешней политики и отмечая исключительные заслуги в борьбе с гитлеровскими захватчиками в период Великой Отечественной войны, присвоить товарищу ХРУЩЕВУ Никите Сергеевичу в связи с семидесятилетием со дня его рождения звание ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА с вручением ему ордена ЛЕНИНА и медали «ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль.
16 апреля 1964 г.

Митинг советско-польской дружбы в Кремлевском Дворце съездов 15 апреля 1964 года.

КРЕПКАЯ ДРУЖБА,

Фото М. САВИНА.

НЕРУШИМОЕ ЕДИНСТВО

ГАЗЕТЕ «ЮМАНИТЕ» — 60 ЛЕТ

СТРАНИЦЫ БОРЬБЫ

Шестьдесят лет ведет газета французских коммунистов «Юманите» трудную борьбу. Нужно знать буржуазную прессу Франции — крикливую, беспринципную, чтобы понять всю сложность этой борьбы. На читателя Франции ежедневно обрушиваются потоки дезинформации, глупых сенсаций, сплетен, гороскопов, пошлых фельетонов, рассказов о похождениях убийц и кинозвезд. На 24 страницах выходит «Фигаро», на 18 — «Орор», тираж «Франс суар» превышает миллион экземпляров. Казалось бы, что такое по сравнению с тысячами тонн буржуазной бумажной пропаганды восемь страничек «Юманите»? Но сколько богатых и крикливых буржуазных газет умерло за те же 60 лет! Куда делась газета «Тан», задававшая тон во французской политической жизни перед второй мировой войной? Где «Об» — орган партии МРП, когда-то один из самых крупных во Франции? А «Юманите» живет, потому что правда не может умереть.

Я разговаривал с распространителями «Юманите», нашими друзьями, коммунистами из парижского пригорода Нантерра. Каждое воскресенье члены партийных ячеек выходят на улицы своего квартала с пачками «Юманите». Они ходят от двора к двору, из дома в дом. Среди этих людей есть рабочие, инженеры, врачи. Преподаватель английского языка местного лицея не считает для себя зазорным продавать газеты на овощном рынке. Мэр Нантерра, бывший рабочий, ныне депутат Национального собрания Франции, Барбэ тоже распространитель «Юманите». Мне рассказывали о старом рабочем типографе товарище Тореле, который продавал «Юманите» еще до войны. Теперь он тяжело болен, на пенсии, но, как только ему становится легче, он приходит в партийную ячейку и просит дать ему несколько номеров газеты, которые он продает на улице.

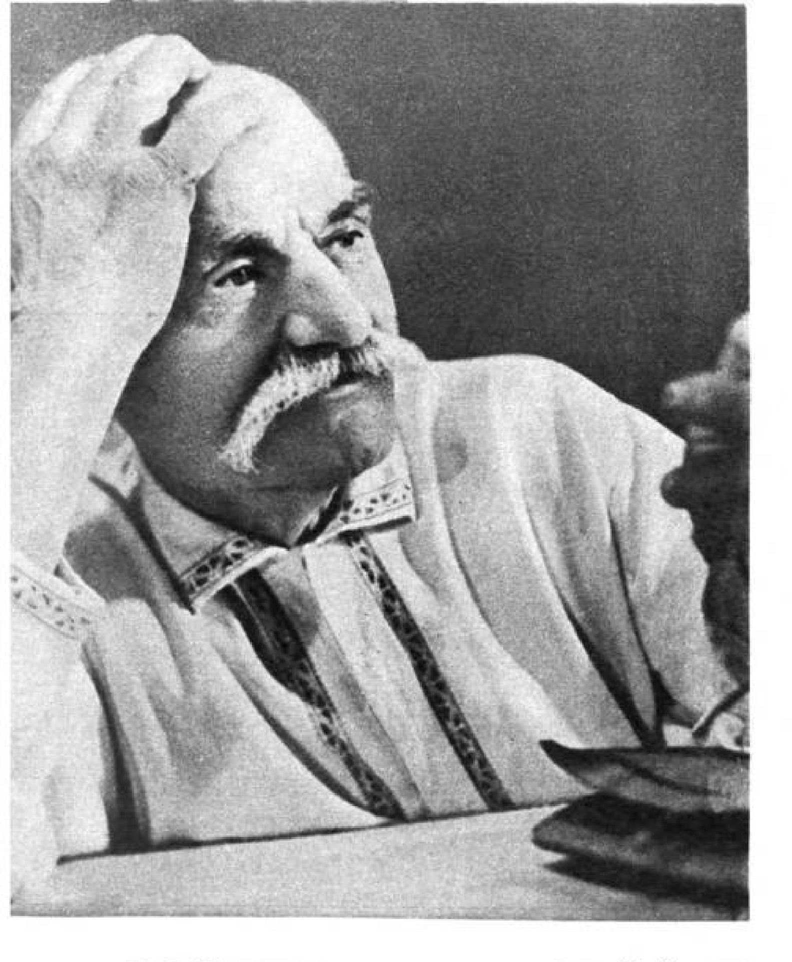
«Юманите» — это не только газета, это друг и помощник рабочего класса Франции. Ее издают в 200 тысячах экземпляров, но ее правда живет в миллионах сердец. В эти дни, накануне 60-летия, в доме «Юманите» на бульваре Пуассоньер идет своим чередом обычная будничная работа. Ответственный секретарь Раймонд Лавинь склонился над макетом очередного номера. Частый автор «Огонька» Андре Вюрмсер торопливо отстукивает на машинке очередной политический фельетон. Худенькая, хрупкая Мадлен Рифо машет нам рукой из конца коридора. Она бесстрашная героиня французского Сопротивления, перенесшая жестокие пытки в застенках гестапо. Заместитель главного редактора «Юманите» Жан Меро был приговорен гитлеровцами к смертной казни, когда ему было 19 лет.

Приветствия, присланные на имя главного редактора «Юманите» Рене Андрие, иногда начинаются словами: «Дорогой Ален...» Это кличка Андрие в годы оккупации.

— Мы подводим сейчас итоги борьбы рабочего класса Франции,— сказал нам Андрие.— Она вся отражена на страницах «Юманите». Шестьдесят лет истории, и какой истории! В 1904 году, когда Жорес создал «Юманите», еще не было Октябрьской революции. Это было мечтой. Мир в эти шестьдесят лет развивался быстрее, чем раньше за тысячелетия. Это быстрое революционное изменение мира — главная идея, которую хочется связать с нашей шестидесятой годовщиной.

Г. ДАДЬЯНЦ,
соб. корр. АПН

Париж, по телефону.

Я. В. Жестовский. Фото Ю. Антонца.

Борис КАУРОВ

Свет далеких костров

1

В одну из майских ночей 1954 года мы допоздна засиделись у костра под самым боком зеленой рощи урочища Глядень. Мой новый знакомый, ленинградский заводской паренек, накинув на плечи уже изрядно замасленную фуфайку, то и дело подбрасывал в огонь сухие ветки. Схваченные пламенем, они весело потрескивали, и рыжий чуб парня вспыхивал в темноте.

Звали паренька Лешкой. Фамилию он носил Катков, но ребята — и в шутку и всерьез — называли его Мудрым. Это за то, что Лешка мог в любом спокойном разговоре или горячем споре «нокаутировать» друзей своими не подлежащими сомнению знаниями. Перед тем, как поехать на Алтай, Лешка целыми днями пропадал в библиотеке, прочитал немало книг и мог, по мнению ребят, дать любую историческую справку по местам, где теперь работала их целинная бригада. Называл себя он «питерским» — так, как в этих местах звали рабочих-коммунистов, строивших колхозы в годы коллективизации.

Тогда я впервые был в Кулундинской степи. Поразила она меня своей неоглядностью, белыми озерами, дальними струящимися миражами и непролазными зарослями ковыля. И ночными кострами. Их тогда было много, по всей весенней степи горели костры новоселов-добровольцев.

Об этом говорилось в стихах, которые я прочел Лешке Каткову. Мне думалось, что стихи должны понравиться: в них Лешка и его друзья назывались первооткрывателями сибирской целины. Но Лешка не выразил восторга. Развеселив костер, он наставительно заговорил:

— Скажу так: историческая сторона освещена. Были тут и набеги диких орд, и пугачевцы проходили — на рудники их гнали, и гражданская война была, будь здоров! Но не освещен один важный исторический момент. А именно: целину подымали раньше нас. Конечно, масштаб был не тот, а все-таки мы не первые. Тут я навел кое-какие справки у стариков. Вот эта роща — тополя, березы и фруктовый сад — ты думаешь, сама по себе растет? Нет, друг, посадили ее тридцать с лишним лет назад, после гражданской войны. И кто посадил? Целинники. И первые поля распахали они же. И чем, думаешь, распахали? Трактором!

Я усомнился: откуда взялся трактор в Кулунде после гражданской?

— Да, трактором,— повторил Лешка, махнув своим рыжим чубом.— А подарил его крестьянам кто, ты думаешь? Владимир Ильич Ленин. Как поле распахали, так назвали его Ильичевым. И теперь так же зовут. Да вот беда: распашем всю степь, затеряется это поле, жаль...

Я пристал к Лешке с расспросами, но Катков, как он сам выразился, «не вошел еще в курс дела».

— Говорят, что руководил этим один приезжий большевик, толковый человек, видать, был, а вот жив ли, неизвестно. Кончим целину, тогда займусь этим,— сказал мне на прощание Лешка.— А фамилию этого человека знаю точно: Жестовский...

Шло время, но я никак не мог забыть этот ночной разговор. Через год летом снова поехал в МТС, где работал Катков. Но Лешки уже не было. Он хорошо поработал на целине, получил медаль и ушел в армию. Прислал Лешка два или три письма ребятам, писал о службе и об истории тех мест, где расположена их часть.

Где сейчас Лешка, не знаю. Вошел ли он «в курс дела», узнал ли что-нибудь о том «толковом человеке», о котором говорил мне звездной весенней ночью 1954 года?

Если нет, то я рад рассказать ему далекую и близкую быль степной Кулунды, собранную по крупицам за десять лет, с той поры, когда у целинного костра он заронил во мне искорку поисков.

2

Зимним, на редкость безветренным солнечным днем по степной дороге одиноко и неторопливо цокала крестьянская подвода. На санях, прикрывшись тулупом, сидели двое: хозяин подводы — покровский мужик с реденькой рыжеватой бородкой и его случайный попутчик — выписанный из лазарета солдат со щетинкой усов над обветренными губами. На перекрестке дорог возница остановил лошадь, достал кисет, задымил самосадом. Распрощались.

Солдат взял свою котомку, накинул на плечо и, прихрамывая, пошел прямо, а мужик повернул влево.

Поднявшись на заснеженный взлобок, солдат увидел село — бревенчатые избы и белые украинские хаты с сизоватыми дымками. Орлеан... Войдя в село, солдат невольно прибавил шаг, подтянулся. Вот и отцовская низкая, закопченная хата. Снял котомку, толкнул дверь. Обнял батьку, прижал к холодной, жесткой шинели мать.

Через час весь Орлеан знал: к Василию Матвеевичу Жестовскому, екатеринославскому батраку, переселившемуся в 1908 году в Сибирь, вернулся с фронта сын Яков.

Потянулись длинные зимние дни. Хата Жестовских всегда многолюдна. Приходят сельчане, заезжает беднота из других сел. Слушает отец речи сына и диву дается: откуда у него, пастуха немецкой колонии Шейнбрун, что осталась где-то далеко на Екатеринославщине, такие речи? И про царя, и про войну, и про революцию, и про землю — все-то знает. И невдомек ему, батраку Василию Жестовскому, что сын его давно перешагнул свои два класса церковноприходской школы...

Еще на действительной службе в Иркутске довелось Якову Жестовскому бывать на митингах, что устраивали ссыльные большевики в лесу. Бывал он и на подпольных сходках, когда работал ковалем у частника Майера. А потом фронт... Мировая бойня открыла глаза солдату. Революцию встретил с радостью. Окопные сотоварищи выбрали его в солдатский комитет и послали своим делегатом на Полоцкий армейский съезд.

Тут, в деревне, засиживаться он не собирался. «Раны затихнут,— вернусь в армию...»— думал Яков, а революция позвала его в другой строй.

В феврале 1918 года сельский сход Орлеана послал Якова Жестовского своим делегатом на I Славгородский уездный съезд Советов. Здесь избрали его заместителем председателя исполкома и заведующим уездным земельным отделом. Суток не хватало — спал в холодной комнате бывшей земской управы, мотался по селам степного уезда, охрип на митингах и все думал-думал: «Где же она, заветная дорога крестьянина, неужели он снова будет в одиночку ковырять свой старопахотный клочок земли?»

А потом эти думки оборвал первый выстрел, громыхнувший за околицей села. В Орлеан ворвались колчаковцы, разом сожгли более семидесяти крестьянских дворов. По уезду, по всей Кулунде заметалось пламя гражданской войны. Яков и его товарищи были схвачены и брошены в колчаковскую тюрьму. Ночные допросы, пытки, короткие приговоры... Но не успели каратели расправиться со всеми. Вспыхнуло Чернодольское восстание, ощетинилась голь штыками да пиками. Освобожденный чернодольцами, Яков Жестовский снова берется за оружие и в составе Злато-Родинского партизанского полка в конце 1919 года входит в уездный город Славгород.

И тут хочется мне поведать Лешке Каткову и тем, кто сегодня продолжает его дело, о пер-

вых целинных кострах, о первом рокоте трактора, о первых зеленых деревьях в урочище Глядень...

Осенью 1920 года в кабинет секретаря Славгородского укома вошел среднего роста, коренастый человек в серой солдатской папахе с красной ленточкой. Вручая партийный билет, секретарь крепко стиснул руку партизана и сказал:

— Ну, Яков Васильевич, беляков и чужеземцев побили, теперь партия посылает тебя в село, езжай и думай, как начинать мирную жизнь.

И уехал коммунист Жестовский в Ново-Троицкое, чтобы возглавить сельревком и выполнять мирное поручение партии. И опять стала его бессонницей та давняя думка, что осталась безответной в восемнадцатом и полузабытая в боях-походах в девятнадцатом и двадцатом. По какой дороге идти, где оно, крестьянское счастье?

Было ясно одно: в одиночку целину не возьмешь, однолошадной силой не осилишь. А выход? Он тоже один: нужно объединяться. Пошел Яков Васильевич к ново-троицкой бедноте. Слушают, скребут лохматые бороды, прикидывают. Согласие же нашлось только в четырех семьях. Поехал в соседний Верхний Незамай. Там сагитировал семь дворов. Мало. Одиннадцать тощих лошадок, одиннадцать плугов. И тогда пришла счастливая мысль.

В Камышенке, в недальнем селе, уже существовала артель по совместной обработке земли. Состояли в ней в основном переселенцы — полтавчане и куряне. Примкнули к артели и крестьяне из Вячеславки и Чернявки. 34 двора плюс 11 — это уже сила!

Холодным февральским днем 1921 года председатель Ново-Троицкого сельревкома Яков Жестовский и активист Даниил Блажко пришли на общее собрание камышинских артельщиков и изложили просьбу о приеме в артель. Камышинцы обрадовались: они знали соседей как хороших кузнецов, пахарей, портных, сапожников. И уже собирались проголосовать. Но тут поднялся Яков Жестовский и сказал:

— Мы рады, что нас так, поселянски привечаете. Но вот в чем дело... Артель ваша числится только по названию, а ладу в ней нет. Ведь робите-то вы всяк по себе. Давайте организуем коммуну, обобществим хозяйство, подберем землю и начнем жить поновому...

Разгорелся спор, длившийся до вторых петухов. Многих пугало обобществление. По селам уже ходили шепотки кулаков, что «в коммуниях и бабы будут совместные». Яков Жестовский не был силен в громких речах, он говорил тихо, но убедительно, и сумел склонить большинство артельщиков на свою сторону. Первым вопросом проголосовали за коммуну, вторым — прием новых членов, третьим — состав Совета коммуны. Назвали ее «Свобода». Председателем Совета избрали Якова Жестовского.

К весне на пустыре задымили дома, застучала вальцовая мельница, заработали мастерские. Умельцы наладили старый паровик и динамо-машину, реквизированные у ключевского кулака. В домах и мастерских вспыхнул электросвет.

Это были трудные и радостные дни. По округе рыскали летучие кулацкие банды, грозившие «пустить петуха коммунии». Днем у рабочих мест коммунаров стояли винтовки, по ночам сторожили тишину боевые посты...

В мае на старопахотных участках провели сев. Зелеными островками зашумели хлеба, а вокруг них—серая ковыльная степь. Пробовали пустить плуги — куда там, лемеха лишь чертили задубелую почву.

Секретарь партячейки Николай Полошков собрал коммунистов и спрашивает: «Что будем делать?» Молчат. Тогда поднялся Жестовский.

— Слыхал я тут от одного мужика. Служил он в охранной команде в Москве. На Ходынском поле, говорит, уйма всяких трофейных машин. Привезли их из Архангельска, у интервентов захватили. Есть, говорит, и тракторы. Вот бы нам такую махину!..

— А что ж, давайте пошлем делегатов в Москву, может, дадут нам трактор, испыток — не убыток,— загорелся Полошков.

Общее собрание выбрало ходоков: председателя коммуны и секретаря партячейки. С Полошковым поехала жена Мария Николаевна. Прикомандировали к ходокам инженера Славгородской электростанции Ремнякова.

В ноябре выехали в Москву. На станции Кунгур Жестовского сняли с поезда: сыпной тиф. Через три недели встал он и поехал дальше. Где его друзья, что с ними, не знал. В Москве разыскал Ремнякова. Полошкова не было: положили в больницу в Вятке. Жена его, Мария Николаевна, в слезах. Что делать? Пошел в Московский комитет партии, договорился о переводе Полошкова в Кремлевскую больницу. Сам съездил за ним в Вятку и привез в столицу. Двадцать суток не отходили от постели больного. Но спасти секретаря партячейки коммуны не удалось. Похоронили его на Новодевичьем кладбище...

И вот наступил долгожданный, незабываемый день. Жестовского пригласили в Кремль.

Все было, как во сне. Вызывали по списку, тихонько поскрипывала дверь. Ожидающие говорили шепотом. И вдруг спокойный женский голос: «Жестовский, приготовиться!»

Вошел в кабинет, замер у двери, смял в руках шапку.

— Вы проходите, садитесь,— сказал невысокого роста человек со знакомым прищуром глаз, узнал бы его среди тысяч. Подал руку.— Здравствуйте!

— Здравия желаю, товарищ Ленин,— вытянулся в струнку, все еще не веря, что это явь, а не сон.

А потом вдруг стало просто, легко, по-домашнему уютно. Подал заявление, рассказал о жизни коммуны, ответил на все вопросы Ильича, слушал, стараясь запомнить каждое слово. Да, тракторы нужны, без них России не обойтись, особенно у вас, на целине. Жаль, отечественных машин у нас нет, но будут, обязательно будут. Пока имеем трофейные, создали тракторную колонну, отправили на Волгу; там засуха, голод. Будем строить свои заводы, а пока дадим вам один трактор... И стал что-то писать на заявлении коммунаров.

— Владимир Ильич,— осмелел Жестовский,— а как я его доставлю? Денег-то нема...

Ленин улыбнулся, быстро что-то дописал, вручил бумагу и пожал руку:

— Стройте коммуну!

— Спасибо, Владимир Ильич, передам коммунарам.

Из Кремля не шел, летел, будто выросли крылья. Бумагу спрятал в левый карман, там, где партбилет. Лез горячей рукой, щупал: цела ли? И все повторял вслух ленинскую резолюцию, которая предлагала ВСНХ отпустить один трофейный трактор коммуне «Свобода» и отгрузить его за счет государства.

Трактор доставили на станцию Славгород в марте 1922 года. Привезли к нему десятикорпусный плуг и запчасти. Сгрузили с платформы и на лошадях отвезли во двор Ремнякова. Почти два месяца ремонтировали его. Наконец мотор заработал. И запылил по проселкам гусеничный трактор английской фирмы «Рустон-проктор» в 75 лошадиных сил, выпущенный в 1919 году. Вот уже включены плуги, лемеха медленно вгрызлись в землю и отвалили первые целинные пласты.

Кто-то развел костер, потом второй, третий... А поле все чернело, вздымалось, и падали срезанные лезвиями лемехов сизые сухостойные ковыли.

Поле назвали Ильичевым.

3

Напрасны были опасения Лешки Каткова. Нет, не затерялось Ильичево поле среди распаханной земли.

Недавно я снова побывал в местах, где впервые услышал об этом поле.

...Потомки коммунаров готовятся к весне. Никогда еще земля их не принимала столько удобрений, сколько в нынешнем году. Шумит машинами Ильичево поле, хранимое в памяти народной, взлелеянное добрыми руками нынешних целинников.

В селе Родино, бывшем районном центре, создан музей, где хранятся дорогие реликвии — старые фотографии первых коммунаров. На одной из них запечатлены шесть хлопцев у трактора, подаренного коммунарам В. И. Лениным. Вот сидит парень с кудрявым чубом. Это один из первых механизаторов коммуны, Виктор Шевченко, тот самый, что и сейчас трудится тут — работает шофером в РТС. На музейной фотографии и другой коммунар — Павел Прядко. Живет он сейчас на Днепропетровщине, слесарит в колхозе имени В. И. Ленина. Сын же его, Леонид, крепко осел на целине, куда уехал по путевке комсомола.

Смертью храбрых погибли на фронтах Великой Отечественной войны коммунары Александр Михайлович Федоров, Даниил Маркович Ховрич, младший брат Я. В. Жестовского — Павел Васильевич. А старший сын его, Иван, продолжает дело отца — работает в целинном совхозе.

А что с Яковом Васильевичем Жестовским? Как сложилась его судьба?

— Жив-здоров, часто пишет нам,— радостно сказали мне бывшие коммунары.

И я, взяв адрес, поехал на Украину.

На окраине Днепропетровска начинаются земли овощеводческого совхоза «Нижнеднепровский». Здесь, на одной из тихих улиц, живет Яков Васильевич Жестовский. Среднего роста, широкоплечий, с белыми запорожскими усами, он вытирает замасленные ладони и приветливо здоровается. Рука у него сильная, тяжелая, дай бог такую руку любому хлопцу. А лет ему сейчас семьдесят восемь.

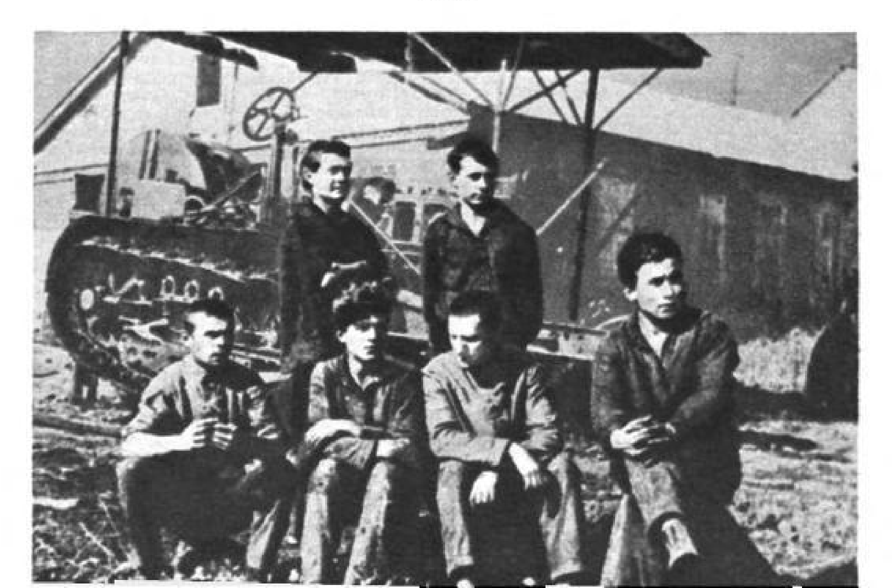
Яков Васильевич достает из комода несколько объемистых папок — личный архив: документы, фотографии, переписка с друзьями.

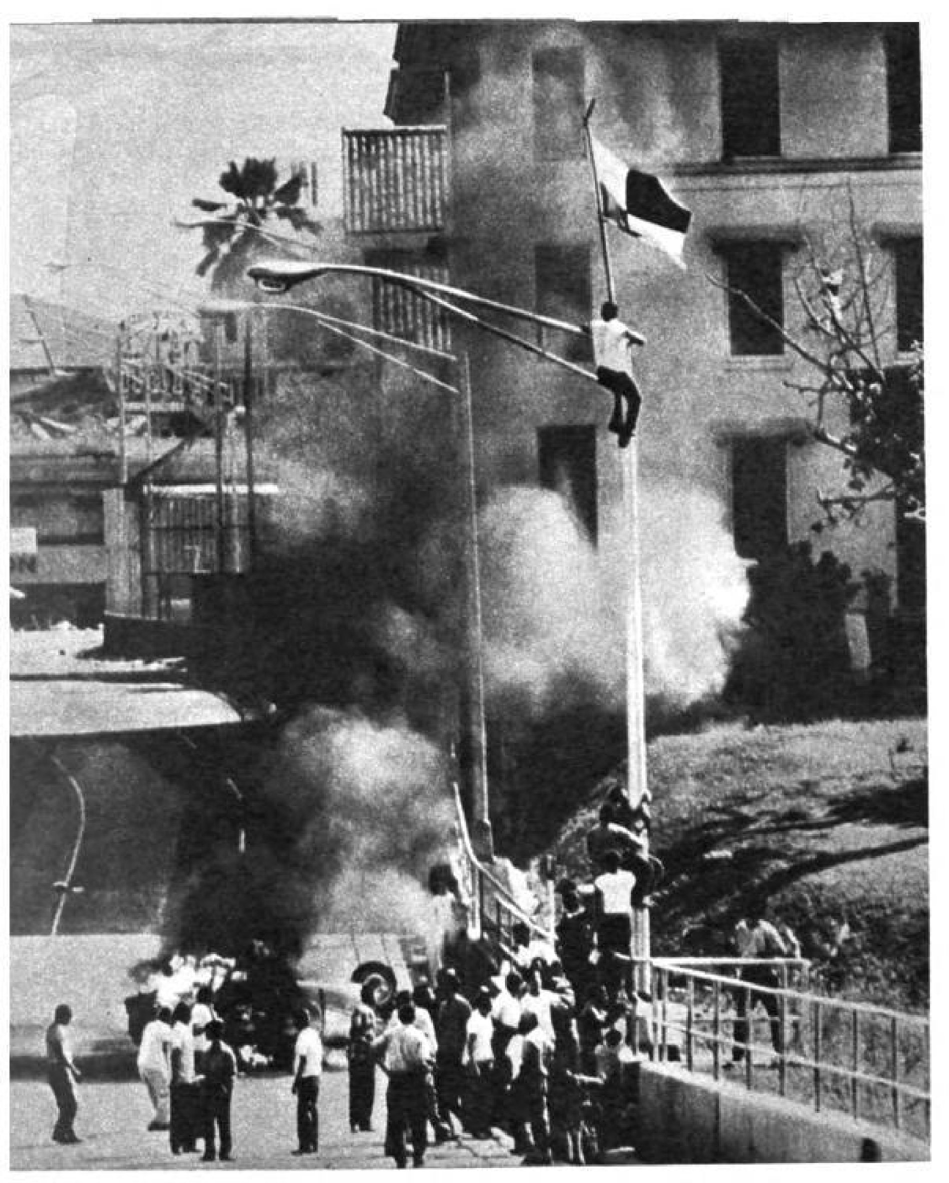
После коммуны Жестовский работал председателем райисполкома, затем много лет, до пенсии руководил передовым на Днепропетровщине совхозом «Дружба». Орденом Трудового Красного Знамени увенчан труд его.

Яков Васильевич рассказывает о давнем времени, о друзьях, о себе. Слушаю его и снова мысленно переношусь на Алтай.

...Когда-то Владимир Ильич мечтал о ста тысячах тракторов для России. А я вижу двухсоттысячный алтайский трактор, новенький, яркий, вышедший три года назад из ворот Алтайского тракторного и подаренный бригаде знатного целинника Героя Социалистического Труда Александра Беккера. Вижу чистый, благоустроенный поселок в урочище Глядень, который по-прежнему зовется именем бывшей коммуны — Свобода. И молодых целинников, готовящих Ильичево поле к весне. Несут они эстафету отцов. И пусть светят и согревают их души первые костры, по слову Ленина зажженные коммунарами в глухом алтайском далеке!..

Механизаторы коммуны «Свобода» у трактора, подаренного В. И. Лениным.

На другой день после кровавых событий панамская молодежь снова подняла национальные флаги в разных районах «зоны». Еще выше! Национальный флаг должен развеваться над всей суверенной территорией Панамы!

«Зонцы» набросились на молодежь.

Президент Панамы Роберто Чиари с разорванным национальным флагом. «Это разорванное знамя символизирует нашу родину...»

Ю. ГВОЗДЕВ

Фотоснимки из мексиканского журнала «Сиемпре» и французского журнала «Пари матч».

24 апреля — Международный день солидарности молодежи против колониализма, за мирное сосуществование.

Синяя лента межокеанского канала изображена на гербе Панамы. За пятьдесят лет по этой водной магистрали проследовали тысячи судов. Более двух миллиардов долларов было получено с них за пользование кратчайшей дорогой из Атлантического в Тихий океан. Но из золотого потока очень мало перепадает Панаме, потому что ключи от канала находятся в цепких руках дяди Сэма.

Но дело не только в этих доходах. Чужестранцы вместе с каналом вырвали у панамцев сердцевину страны — большой кусок земли с городами, поселками, дорогами. Здесь, за высокой оградой из стальной проволоки, развевается звездно-полосатый флаг властелинов. Под его сенью притаилось детище Пентагона — отборная армия в десять тысяч солдат, готовая ударить по Панаме и любому району Латинской Америки. Среди зеленых холмов зоны укрылись многочисленные базы и полигоны, в пышных парках и садах разбросаны коттеджи, в которых живут потомственные «зонцы».

«По одну сторону,— писал недавно журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»,— за проволочной оградой расположена зона с ее безупречными скверами, домами с кондиционированным воздухом, кинотеатрами, школами и площадками для игр. По другую сторону, менее чем в 100 ярдах, находится Панама-Сити, усеянный деревянными лачугами, в которых ютятся многие из 300 тысяч его жителей. На атлантической стороне перешейка, в городе Колоне, этот контраст еще более очевиден».

И этот контраст, это свое привилегированное положение в Панаме янки намерены сохранять «навечно», как сказано в кабальном договоре о канале, который они навязали в 1903 году маленькой стране. «Изгородью позора» называют панамцы пограничный забор, отсекающий зону от других районов республики. «Договором позора» называют они соглашение 1903 года.

Велика ненависть народа маленькой страны к угнетателям. И эта ненависть продолжает расти, потому что сейчас такое время, когда рушатся последние твердыни колониализма в Африке и Азии, когда вспыхнул яркий маяк кубинской революции. Особенно остро и больно реагирует на произвол оккупантов молодежь Панамы. Ее сердце закипает негодованием, ее совесть требует немедленного ответа на жгучий вопрос: почему священную землю родины до сих пор попирает сапог Пентагона?

«Панама не протекторат! Канал должен принадлежать панамцам!» — таковы были лозунги молодых патриотов во время недавних событий в Панаме. Американская военщина ответила так же, как отвечают колонизаторы в Анголе, в Омане или далекой Родезии,— пулями.

Военщина стреляла в школьников только потому, что они захотели видеть флаг Панамы на флагштоке здания в Бальбоа (зона канала). Еще за то, что они пожелали спеть свой национальный гимн. «Зонцы» переломили древко флага и с дикими воплями растерзали его полотнище. Они избивали школьников и студентов. Для «подкрепления» прибыли танки и войска. Проклиная оккупантов, юноши грудью встали на защиту достоинства своей родины. Солдаты деловито целились и стреляли в худые смуглые тела подростков. Кровь убитых и раненых обагрила пограничную авеницу, отделяющую столицу республики от Бальбоа.

В Панаме более 400 разновидностей орхидей. Но только одна из них, белая, считается национальным символом. Белые цветы положили на грудь павших. Охваченная гневом и горем, вся страна вышла хоронить своих молодых патриотов — 13-летнюю школьницу Росу Элену Грасе, ее товарищей, студентов, молодых рабочих, годовалую девочку Марицу Абарка, задохнувшуюся на руках матери от слезоточивого газа оккупантов.

«Такова их демократия,— писала крупная буржуазная панамская газета «Ла пренса».— Демократия, построенная на пулях и слезоточивых газах...»

Колонизаторы далеки от мысли покаяться в своих злодеяниях. Высокопоставленные лица в Вашингтоне назвали преступление военщины в Панаме «прекрасным поведением». Когда тела расстрелянных патриотов опускали в могилу, радиостанции армии США в зоне канала непрерывно повторяли: «Это чудесный день! День для музыки и танцев. Так давайте же танцевать!»

Но слишком рано празднуют колонизаторы, уповая на бомбы и пули. Маленькую Панаму, как и всю Латинскую Америку, нельзя сломить, нельзя заставить смириться с глумлением угнетателей. Кровь молодых борцов за свободу пролита не напрасно. Все с большей решимостью патриоты провозглашают: «Полный суверенитет или смерть!»

СТРЕЛА, НАЦЕЛЕННАЯ В МОРЕ

А. ГОСТЕВ, О. КУПРИН

Сегодня на берегу Волги будут ставить опору электропередачи. Раньше такие опоры монтировали на высоте по частям. Эту сварили на земле и поднимать будут целиком. Одна такая уже стоит на противоположном берегу Волги. Только ту поднимать было легче: там ровное место, а здесь овраги, а за ними речной обрыв.

Утром небо по-весеннему голубое. Опора лежит на перекрестке двух улиц, длинная и неуклюжая, рядом с аккуратными домиками. Ее стальные переплетения кажутся грубыми в соседстве с резными наличниками окон. Городец издавна славился резьбой по дереву.

От фундамента опоры вверх уходит высоченный треугольник стрелы. Через ее вершину стальные тросы тянутся к системе полиспастов, а через них — к тракторам. Получится так, что по мере того, как опора будет подниматься, вершина стрелы начнет клониться вниз. Отсюда и название — «падающая стрела».

Прикатил на «Волге» начальник мехколонны Павел Степанович Скляров.

По обе стороны опоры длинные вереницы болельщиков — старики и дети. Бесконечные разговоры.

— Эку столбищу поднять, а? Сто четыре метра!

— Знатная штука! Факт.

— А если б руками тянуть, всем городом подняли б, а?

— Не-е. Кишка тонка.

Сварщик в замызганной робе лазает по опоре, ставит на ней последние ослепительные точки. Делает он это степенно, пожалуй, даже с каким-то смаком.

Тракторы стоят в упряжке, греют моторы. Трактористы как по команде начинают протирать стекла кабин. А один, чубастый, заодно еще и причесывается.

Скляров ведет последний инструктаж, очень похожий на боевой приказ.

— Командовать подъемом будет Храмов. Ясно? А ты, Игнат Дмитриевич, гони лишних в шею и советов не слушай.

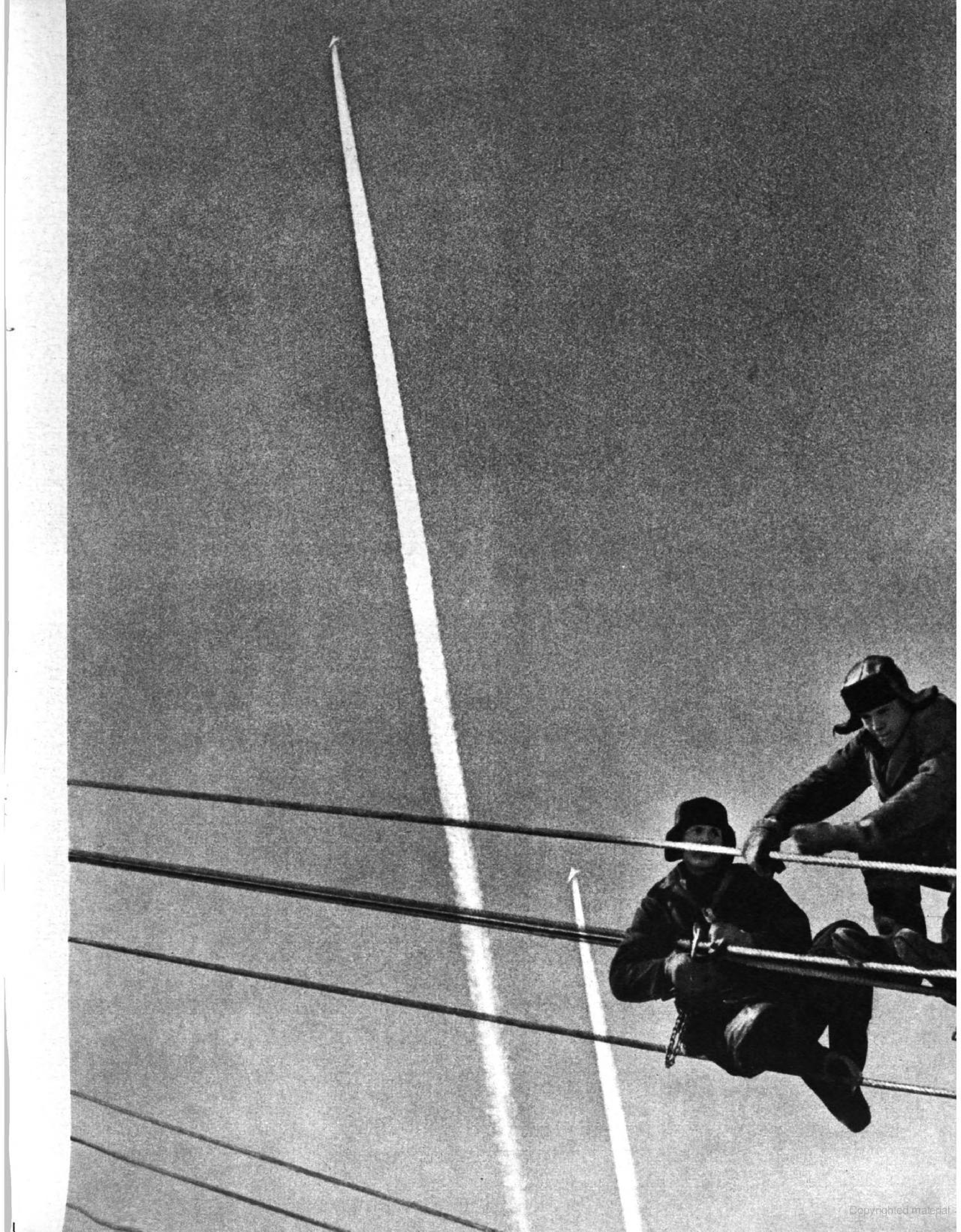
Игнат Дмитриевич Храмов — старший прораб. На его счету уже не одна сотня опор, и в советах он действительно не нуждается. Он стоит перед начальством насупленный, с непроницаемой миной, а из-за голенища сапога задорно поблескивает головка серебристого штангенциркуля.

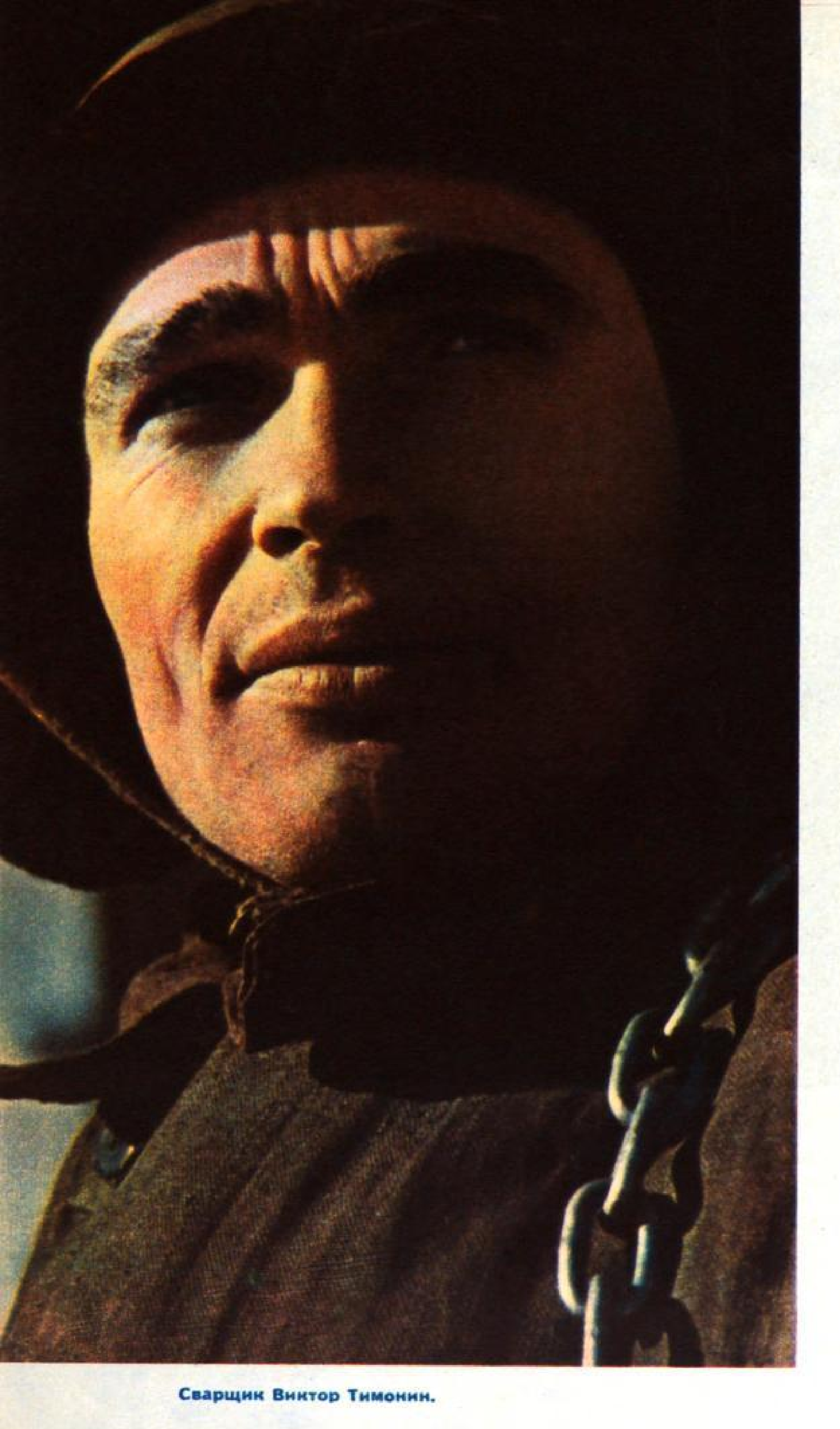
На фундаменте появляется забавная фигура с красным флажком — сигнальщик. Он стоит под стрелой, устремленной в небо, маленький и очень неуклюжий в своей грубой робе, вскидывает флаг. Началось!

Громада опоры медленно поднимается с изрытой, перепаханной и изуродованной тракторными гусеницами земли в чистое, прозрачное небо. Там, на головокружительной высоте, реактивные самолеты чертят белые стрелы. А тут земная, стальная стрела начинает клониться вниз, словно исполинский стрелок наводит ее на цель.

Опора врезается в небесную голубизну, и только сейчас замечаешь ее могучее изящество. Теперь она кажется легкой, воздушной и будто ажурным орнаментом рассекает голубое небо. Стрела замерла, нацелившись на опору, стоящую на противоположном берегу Волги. Она указывает направление, по которому скоро пойдет ток от Горьковской ГЭС в единую энергетическую систему европейской части нашей страны, еще одна электрическая река в энергетическое море.

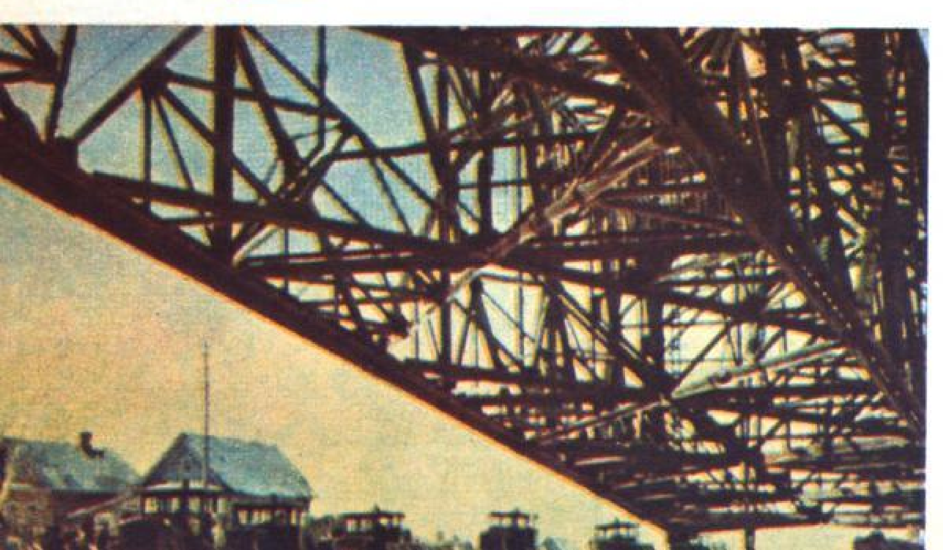

Сварщик Виктор Тимонин.

Монтажники прокладывают русло электрической реки над Волгой.

Началось!

В. ГОРДЕЙЧЕВ

После дальней дороги

ПЛАЙЯ ХИРОН

Хищно клацают затворы аппаратов,
и под возгласы восторженные — Ах!—
так и кажется: поблекшие квадраты
проступают на кубинских берегах.
Эти пальмы, чьи стволы прямее копий,
океана Атлантического вал
поместят потом в альбом десятком копий,
чтоб по ним припоминать оригинал.
Но покажут ли проявленные фото
то, что мы сейчас увидели,— Хирон?..
Я ступаю по обломкам самолета
и качаю уцелевший элерон.
Я из тех, кому красивостей не надо,
кто умеет рассудить о красоте
по автографу зенитного снаряда
на разорванном дюралевом листе.
Здесь недаром за воронкою воронка
наливается соленою водой
и у взорванных фундаментов щебенка
гуще прочего одета лебедой.
Здесь, когда полночный берег заклубился
и затрясся под накатами атак,
встали насмерть, как панфиловцы, кубинцы,
только кровью побеждая. Только так.
Мы молчим. Затворы щелкать перестали.
Мой сосед снимает темные очки.
И распахнуты сверкающие дали
от Хирона до Хабаровска почти.

ПРОЩАНИЕ С КУБОЙ

Растроганно, и покаянно,
и даже горестно слегка
глядим на берег океана
с навалом желтого песка.
Прощай, ревущая громада,
что мало побыли, прости.
Нам уезжать сегодня надо,
скажи нам:— Доброго пути!
Мы от поездок не устали,
нам Куба так еще нова!
Побыть бы здешними гостями,
ну, год по крайности, ну, два,
людей по-дружески запомнить,
погладить гаубиц стволы,
как их поглаживал полковник,
панфиловец Момыш-Улы.
Сказал он медленно и строго,
его слова слыхали все:
— На Кубе каждая дорога —
Волоколамское шоссе...
И до конца дороги, светел,
глядел и слушал, как поем,
когда мы, шумные, как дети,
неслись в автобусе своем.
Тут будешь светел поневоле:
кто с этим прежде был знаком,—
когда бежит крестьянин с поля
за привозным твоим значком?
Он и у нас, как символ, ценен,
но слезы скатятся со щек,
когда кубинец крикнет: «Ленин!»—
и поцелует твой значок.
Дорога пылью заклубится,
но, где бы ни случилось быть,
ты даже в Арктике кубинца
уже не сможешь позабыть.
Различны климат и широты,
но тех, кто дружбою силен,
сближает общая работа,
стирая разницу времен.
Когда в России утром рано
заводов голос зазвучит,
встает на пост милисиано
в набитой звездами ночи.
Когда над Кубой полыхают
горячим солнцем дни забот,
не над кубинскими ль стихами
сижу я ночи напролет?
Так здравствуй, Куба!
Брызгай солью
и ветром воли в душу вей,
которым на твоем раздолье
взахлеб дышал Хемингуэй.
Я видел дом его. Понурясь,
он словно плакал оттого,
что мы обидно разминулись
с седым хозяином его.
Слепило небо, огневея,
в минуту тягостную ту,
с куста в саду Хемингуэя
мы отщипнули по листу.
Да будет свято все, что в доме!
Но пусть не хмурится пурист,
когда в моем любимом томе
я положу зеленый лист...
И если жизнь обрежет грубо,
да так, что вдруг не устою,
я непременно кликну Кубу —
любовь и молодость мою.
Я позову — и твердо знаю:
ко мне, сдаваться не веля,
придет обильная, парная,
кирпично-красная земля.
Она появится и свяжет
слова мои в железный ритм.
Она появится и скажет,
что лишь она и говорит.
И очень многих тема эта
застыть заставит, не дыша,
не тем, что хороши поэты,
а тем, что Куба хороша.

БАЛЛАДА О КРАСНОМ ЗНАМЕНИ

Звезды лет вонзаются, как вехи,
в долгую историю Земли...
Было время: в Прагу белочехи
знамя из России привезли.
Взятое в Самаре ли, Уфе ли —
хочешь, подойди и поглазей,—
в качестве военного трофея
отдали полотнище в музей.
Удивлялись многие пражане:
чем он, флаг пробитый, дорог так
что под ним Советы отражали
натиски бесчисленных атак?
И, конечно, помнили ночами,
тайных дум катая жернова,
что́ на алой ткани означали
Ленина призывные слова...
Время ход истории торопит.
Распахнувший двери для друзей
в самом сердце Праги и Европы
встал сегодня Ленинский музей.
И в музее блещет перед нами —
на такое стоит посмотреть —
старое чапаевское знамя
лозунгом «Победа или смерть!».
Всей Земле знакомо знамя это.
От его багряного крыла
полоса победного рассвета
широко планету обняла.
Алый стяг, как алая зарница,
выломил из сумрака зарю,
и приходят люди поклониться
родине рассвета, Октябрю.
Вот и мы у знамени толпимся.
Справившись с волнением едва,
я гляжу, как в ахнувшем кубинце
стяга отзываются слова:
ведь и там, на самой дальней тверди,
гулкое, как колокола медь:
— Патриа,— грохочет,—о муэртэ!
Русское:— Победа или смерть!..

Гавана — Прага — Воронеж.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ „ОГОНЬКА"

ПИОНЕРЫ РЕАКТИВНОЙ АРТИЛЛЕРИИ

Очерк «Судьба первых «катюш», напечатанный в журнале «Огонек» № 9 за прошлый год, вызвал многочисленные отклики читателей.

Написали в «Огонек» и свидетели последнего боя и гибели батареи капитана Флерова — жители деревни Богатырь, Вяземского района, Смоленской области; Виктор и Валерий Базулкины и Иван Кащеев.

Спустя два-три дня после тревожной ночи 7 октября 1941 года братья Базулкины и Кащеев вместе с жителями деревни похоронили погибших воинов. Втайне от оккупантов они сняли с капитана Флерова и других офицеров пистолеты, извлекли из карманов погибших воинов пластмассовые патрончики с записками, в которых указано звание, фамилия, имя, адрес семьи. Все это передали учительнице с просьбой сохранить до возвращения наших войск.

Жители деревни Богатырь рассказали, что работала тогда в начальной школе учительница комсомолка Шура Ерощенкова. После возвращения наших войск, в 1943 году, она уехала из деревни. Где она живет теперь, никто не знал.

Александру Михайловну, ныне ее фамилия Лихачева, с помощью адресных столов удалось найти под Москвой. Она подтвердила, что ей передали оружие и опознавательные знаки капитана Флерова и его товарищей. Брат Шуры Николай вместе с сыном председателя колхоза Николаем Бойковым зарыл их.

Вскоре по доносу предателя оккупанты расстреляли комсомольцев Николая Ерощенкова и Николая Бойкова, обвинив их в связях с партизанами. Найти спрятанные ими оружие и опознавательные знаки погибших воинов батареи не удалось.

На вторую или третью ночь после гибели батареи жители деревни подобрали в поле, на месте последнего боя флеровцев, тяжелораненых. Всех их перенесли в пустой дом на окраине деревни. Раненых было много. Пришлось уложить бойцов прямо на полу, застланном соломой.

Той же ночью Шура Ерощенкова привела к раненым врача Марка Никитовича Богатырькова. До рассвета трудился он при свете коптилки. В дело пошли сохранившиеся у некоторых батарейцев индивидуальные перевязочные пакеты, небогатые запасы деревенского медпункта, принесенные колхозницами простыни и белье. К утру все раненые были перевязаны. Колхозницы накормили их и напоили горячим чаем.

Через два-три дня оккупанты обнаружили раненых и перевезли их в село Знаменку, районный центр.

— В больницу, для лечения,— объявили колхозникам.

А двумя днями позднее всех раненых расстреляли. По доносу предателя, погубившего комсомольцев Ерощенкова и Бойкова, гитлеровцы убили врача М. Н. Богатырькова, его жену и детей.

Жители деревни вспоминают: наутро после гибели батареи гитлеровцы собрали обломки взорванных боевых установок, стащили их в кучу и поставили охрану. Несколько дней в обломках рылись какие-то фашистские чины, наехавшие в деревню. Затем обломки снова разбросали и сняли охрану — разгадать секрет нового советского оружия гитлеровцам не удалось...

По ходатайству редакции журнала «Военные знания», поддержанному Министерством обороны СССР, Президиум Верховного Совета СССР посмертно наградил капитана Ивана Андреевича Флерова орденом Отечественной войны I степени. Имя отважного воина навсегда вошло в историю возникновения и развития могучей советской ракетной техники.

Генерал-майор артиллерии Д. З. Воробьев от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил орден Отечественной войны I степени Валентине Трофимовне и Юрию Ивановичу Флеровым. А жена и сын капитана передали орден на вечное хранение Центральному музею Советской Армии, в котором открыта постоянная экспозиция для увековечения памяти пионеров реактивной артиллерии.

Н. АФАНАСЬЕВ

Встреча советских парламентариев на аэродроме в Дели.

Флаг над Красным ф

М. СТРЕПУХОВ,

главный редактор журнала «Советы депутатов трудящихся»

Фото автора.

Человек, впервые собирающийся в Индию, естественно, ждет чудес. Он вспоминает мелодию «Не счесть алмазов в каменных пещерах» и прикидывает, куда лучше укрыться при встрече с тигром или диким слоном. Ничего не поделаешь: впечатления от книжек, прочитанных в детстве, очень живучи, и при слове «Индия» всегда всплывают в воображении сказочные джунгли и не менее сказочные дворцы.

Однако действительность часто находится в некотором разладе с воображением. Это неплохо подметил Маяковский, сказавший: «Бросьте представлять себе: жизнь жестче». В данном случае жизнь не жестче, просто она иная, нежели ее рисовало ваше воображение. В сегодняшней Индии вы действительно увидите немало диковинно-экзотического, но все же не это будет вам вспоминаться главным образом, когда вы вернетесь домой.

* * *

Автору этих строк довелось сопровождать в поездке по Индии парламентскую делегацию СССР, возглавляемую Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР И. В. Спиридоновым. Наша делегация направлялась в Индию с ответным визитом по приглашению парламента этой страны.

Сколько ни пишут в наши дни о достижениях современной авиации, привыкнуть к ним все же невозможно. Мы сели в «ТУ-114» морозной ночью в Москве, а через семь часов сходили по трапу в Дели, где ртутный столбик термометра стоял выше двадцати. Была индийская зима...

В первый день, после официальных визитов и возложения венка на Раджгхат — место кремации Махатмы Ганди, наша делегация знакомилась с городом. Знаменитый Красный форт. 15 августа 1947 года Джавахарлал Неру поднял над ним индийский государственный флаг и провозгласил независимость страны. С тех пор ежегодно премьер-министр поднимается в этот день на стену форта и произносит перед народом речь.

Советская делегация присутствовала на заседаниях обеих палат индийского парламента — Народной и Совета Штатов. Когда мы вошли, был час ответов на вопросы. Спрашивают депутаты, а отвечают руководители министерств и ведомств. Нередко разгораются споры. Депутаты подают реплики, вскакивают с мест и вообще довольно бурно выражают свои чувства. Спикер вынужден призывать наиболее темпераментных к порядку. Перед молодой республикой стоит много проблем, а почти каждый парламентарий убежден в глубине души, что только он мог бы разрешить их наилучшим образом.

В Дели началось наше знакомство с тем новым, что составляет сегодняшний день Индии. Мы посетили Национальную физическую лабораторию и Индийский сельскохозяйственный институт. Для нас все эти названия звучат очень привычно. Однако не забывайте, что речь идет об Индии, находившейся совсем недавно под колониальным гнетом.

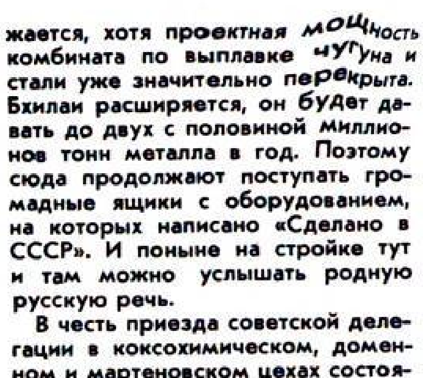
В Национальной физической лаборатории самые оживленные беседы вел член нашей делегации депутат У. Арифов — президент Академии наук Узбекской ССР и физик по специальности, в Индийском сельскохозяйственном институте — депутат К. Касумов, председатель колхоза из Азербайджана. Это были дружеские, деловые разговоры коллег.

А на следующий день — Бомбей. Город океанских пароходов и машиностроительных предприятий, текстильщиков и кинозвезд. Это один из самых крупных индийских городов, через который проходит до сорока процентов внешнеторгового товарооборота. Здесь находится Бактериологический институт имени Хавкина, основанный русским ученым в 1896 году. А Индийский технологический институт — уже более позднее свидетельство дружбы наших двух стран: институт создан недавно с помощью Советского Союза.

Очень запомнилась поездка на государственную механизированную ферму близ Бомбея, которую посетил товарищ Н. С. Хрущев. Он посадил там деревце. Рабочие и служащие ухаживали за деревцем с трогательной заботой и любовью, и теперь это уже мощное дерево с чудесной кроной. Возле него — табличка с надписью, указывающей, кем и когда посажено дерево.

Разумеется, каждый школьник в нашей стране знает, что такое Бхилаи. Металлургический комбинат мощностью в миллион тонн стали в год — символ самых добрых отношений между Советским Союзом и Индией. В разработке проекта комбината принимали участие тридцать советских организаций, оборудование поставляли четыреста предприятий. Да, это была стройка!..

Была? Да нет же, она продол-

жается, хотя проектная мощность комбината по выплавке чугуна и стали уже значительно перекрыта. Бхилаи расширяется, он будет давать до двух с половиной миллионов тонн металла в год. Поэтому сюда продолжают поступать громадные ящики с оборудованием, на которых написано «Сделано в СССР». И поныне на стройке тут и там можно услышать родную русскую речь.

В честь приезда советской делегации в коксохимическом, доменном и мартеновском цехах состоялись митинги дружбы. А потом, во время осмотра этого гигантского современного предприятия, у наших депутатов завязывались десятки интереснейших деловых бесед с индийскими друзьями. Как рыба в воде, чувствовали себя здесь депутаты И. А. Чернецкий и А. К. Антонов.

Не удивительно: один из них — металлург из Днепродзержинска, другой руководит Советом народного хозяйства Ленинградского экономического района, откуда поставляются в Бхилаи оборудование и материалы.

Вечером в заводском клубе, до отказа заполненном людьми, состоялся митинг дружбы, а потом концерт художественной самодеятельности. На сцене танцевали, пели индийцы и русские. А нам вспомнился обелиск советско-индийской дружбы в Бхилаи. На нем высечены слова Н. С. Хрущева: «Пусть будет крепка наша дружба, как металл, выплавляемый на Бхилайском заводе». И слова премьер-министра Неру: «Мечта становится явью. Бхилаи — одно из тех мест, которые запечатлелись в сознании народа, как полный значения символ новой эпохи».

Подобных символов эпохи мы видели много. В Ранчи Советский Союз помогает строить огромный завод тяжелого машиностроения. В будущем году он должен уже дать продукцию. В штате Мадрас с помощью советских людей построена крупная тепловая электростанция, которая уже выработала миллиард киловатт-часов энергии. Здесь же — и тоже с нашей помощью — вскоре поднимется завод медицинских инструментов.

В Индии идет перестройка народного образования — и делегации индийских ученых и педагогов отправляются в Советский Союз, а их советские коллеги едут в Индию. Подобных примеров дружеского, бескорыстного сотрудничества можно привести десятки и сотни.

У нас было много встреч на индийской земле. С членами парламента, с губернаторами, министрами, деятелями науки и культуры, с простыми тружениками. Все они с особой теплотой отзывались

Дерево, посаженное Н. С. Хрущевым на государственной механизированной ферме под Бомбеем. Заботливо, с любовью ухаживают за ним рабочие и служащие фермы.
— Это символ дружбы наших народов,— говорят они.

Музей Виктории в Калькутте. Здесь среди экспонатов есть полотно замечательного русского художника В. В. Верещагина.

ОРТОМ

На одной из улиц Калькутты.

Известная танцовщица Индии Индрани Рахман, член Индийско-советского общества по развитию культурных связей.

о советском народе, говорили о необходимости еще больше крепить дружбу и добрососедские отношения между нашими странами, не жалея сил, бороться за предотвращение войны, за разрядку международной напряженности.

Накануне отъезда делегацию принял президент республики Сарвапалли Радхакришнан. Он высоко оценил вклад Советского правительства и его главы Н. С. Хрущева в укрепление дружеских отношений с Индией.

— Никита Сергеевич Хрущев,— сказал президент,— большой друг Индии. Он много делает для сохранения и упрочения мира, проявляя при этом большое мужество и выдержку.

* * *

На древней и сказочной земле мы видели немало такого, на что туристы обычно изводят все запасы фотопленки. Памятники древности и старинные обряды, базары, каких больше нигде не увидишь. Но больше всего нам запомнились новостройки.

— Послушайте,— спросил меня один знакомый.— А это правда, что в Индии есть еще очень бедные, бездомные люди?

— К сожалению, да, и чтобы убедиться в этом, не надо быть особо наблюдательным человеком. Но я уверен, что настанет время, когда у каждого индийца будет постоянный заработок, кров и еда. После августа 1947 года прошло всего семнадцать лет, а скатерти-самобранки, как известно, есть только в сказках. Сегодняшний день Индии — порука в том, что эта страна еще покажет миру свои вполне реальные чудеса.

Служитель Тадж-Махала.

Это не воин, облаченный в ратные доспехи. Жених в сопровождении друзей направляется к невесте.

В самом центре крупных городов Индии можно встретить и такое. Коровы не подчиняются никаким правилам уличного движения.

Укротители змей.

Это рассказ о событиях, которые произошли в апреле 1922 года. Автор использовал воспоминания Н. К. Крупской, В. Д. Бонч-Бруевича, В. Н. Розанова и другие материалы и документы. Некоторые детали событий удалось восстановить с помощью Анны Павловны Розановой, жены В. Н. Розанова, и бывшей медсестры больницы имени Боткина Т. П. Смирновой.

Пациент Х

Борис ВОЛОДИН

Рисунок И. ГРИНШТЕЙНА

1

Владимир Николаевич был в обходе, когда ему сообщили, что приехал профессор Борхардт. Накануне они виделись с Борхардтом в Физическом институте у академика Лазарева, где Ленину делали рентгеновские снимки, чтобы уточнить расположение пуль, уже четыре года сидевших в его теле после покушения Каплан. Договорившись, что операцию будут делать в двенадцать, Розанов пригласил немецкого коллегу к одиннадцати, надеясь за час показать ему клинику.

Когда Розанов вошел в свой кабинет, Борхардт, тихо чертыхаясь, пытался открыть крышку большого чемодана. «Откуда чемодан? Зачем?» — удивился про себя Владимир Николаевич.

— Доброе утро, господин профессор,— сказал он по-немецки. Он хотел, как и накануне, сказать «коллега Борхардт», но, вспомнив, что Борхардт вместо «коллега Розанов» все время отвечал ему официально «герр доктор», решил назвать его полным титулом. Видимо, Борхардт предпочитал именно титул.

— Mor-rgen,— рокоча, отозвался Борхардт.— Доброе утро, герр доктор... Проклятый замок!

Борхардт распахнул чемодан. Владимир Николаевич увидел в нем множество аккуратно разложенных по специальным гнездам инструментов.

— Инструменты уже простерилизованы,— чуть улыбнувшись, сказал Розанов.— Вы зря беспокоились.

— Да?.. О, благодарю вас,— отозвался растерянно Борхардт и закрыл чемодан.— Благодарю, герр доктор.

— Может быть, вы хотите осмотреть наш хирургический корпус? — спросил Владимир Николаевич.

— Право, не знаю,— ответил берлинский коллега после небольшой паузы.— Может быть, уже время готовиться к операции?..

— Что вы! Рано,— сказал Розанов, провел пальцами по усам и предупредительно распахнул перед Борхардтом дверь.

ирурга Розанова

2

Неспокойное чувство не покидало Владимира Николаевича третий день — с вечера 20 апреля, когда ему на квартиру позвонил нарком здравоохранения Николай Александрович Семашко и попросил «не отказать в любезности приехать утром в Кремль, проконсультировать Владимира Ильича вместе с профессором Борхардтом, приглашенным из Берлина, так как нужно удалить пули».

— Почему? — удивился Розанов.— Разве пули стали беспокоить?

— Да нет, не беспокоят, но у Владимира Ильича все время головные боли, и Клемперер определенно предположил (Семашко особенно выделил слово «определенно»), что это из-за пуль, что пули вызывают свинцовое отравление.

Розанов заволновался. Он назвал мысль Клемперера странной и сослался на свой опыт военного хирурга. Он лечил тысячи раненых... Пули обрастают капсулой, и никакого окисления и отравления происходить не может.

— Согласен, мысль странная, но на консультацию прошу,— ответил Семашко, давая понять, что спорить по телефону не стоит.

У Розанова не было оснований сомневаться в добрых намерениях Клемперера, маститого берлинского терапевта, осмотревшего Ленина. Но так же было для него очевидным, что Клемпереру попросту не удалось распознать причины плохого самочувствия пациента.

К вызову Борхардта Владимир Николаевич отнесся спокойно. Какая бы операция ни предстояла, близким любого пациента она представляется очень серьезной, и они хотят, чтобы все прошло заведомо безупречно. В конце концов люди вправе выбирать себе врача, а немецкая хирургическая школа знаменита: Бильрот! Кохер! Бир... И все же... Ведь четыре года назад лечили Ленина он, Розанов, и Минц...

...Его вызвали тогда в Кремль ранним августовским утром. О покушении еще не было известно.

Не знай он, к кому едет, да не проезжай сквозь Спасские ворота, ни за что не предположил бы, что здесь живет семья главы правительства: просто интеллигентная семья и крайне небогатая — в таких он нередко лечил. Обычная картина беды... Растерянные близкие, беспомощно пытающиеся хоть что-то сделать... В ванной — «Вам нужно помыть руки? Пожалуйте...» — какая-то женщина, явно не прислуга, видимо, из друзей раненого, полощет окровавленный бинт...

В небольшой, в одно окно комнате со скрипучим расшатанным паркетом — раненый на простой железной кровати. Четверо врачей, все знакомые — Минц, Обух, Вейсброд, Семашко,— стоят слева от пациента: видимо, ранение в левую половину тела, видимо, метились в сердце... Коллеги Минц и Обух сразу пошли навстречу, зашептали: «Вчера вечером... Из машины поднялся сам... Теперь стало хуже: слабость, падение пульса... Одна пуля в левом плече. Перелом... Вторая задела верхушку левого легкого, прошла слева направо шею, наверно, по средостению... Пальпируется теперь справа, близ articulatio sterno-clavicularis...» [1].

Ленин лежал, чуть склонившись на правый бок, дышал часто, поверхностно. Он был очень бледен. Розанов взял его правую руку посчитать пульс. Ленин пожал руку врача, с трудом проговорив: «Да ничего, они зря беспокоятся...» «Молчите, молчите, не надо говорить»,— прервал его Розанов... Пульс был очень плохой. И этот пот на бледном лице — холодный, липкий, мелкими капельками... Шок... Классическая картина шока... Розанов откинул простыню, осторожно ощупал раненое плечо. Ленин поморщился, но не застонал. Это уже характер... Обычно в таких случаях вскрикивают, а в шоке стонут, хоть легонько... Пальцы с привычной осторожностью двигались по груди. Звук при выстукивании слева был тупым. Коллеги, прислушивавшиеся к этому звуку, печально кивали, будто в ответ. Розанов отмечал про себя: раненый худощав, но крепок, держится хорошо, хоть ему худо, крайне худо — нечем дышать и сердце сдавлено и сдвинуто кровью, скопившейся в груди... Пытается говорить... Он прерывает раненого снова: «Молчите, молчите!..» Что он говорит?.. А-а!.. «Ничего, ничего, хорошо... со всяким революционером... это... может случиться...» «Вам не надо говорить!..»

Когда Розанов вышел в другую комнату, тотчас к нему приблизились две женщины, одетые весьма скромно и подчеркнуто аккуратно (потом он уже узнал, что одна, выглядевшая старше,— Надежда Константиновна, жена Ленина, а другая, помоложе, — его младшая сестра). «Как, доктор?..» «Тяжелое ранение, очень тяжелое...» — сказал Розанов. И это было правдой. Эффективных средств против шока тогда не существовало, а если бы организм Ленина и справился с шоком сам — больше ни на что рассчитывать было нельзя,— то далее маячила новая угроза: возможность гнойной инфекции от пуль... «Очень тяжелое,— сказал Розанов,— но он сильный». Ему очень хотелось утешить этих женщин, бледных, испуганных бедой, хоть и удивительно сдержанных в проявлении своих чувств, но в словах Владимира Николаевича «он сильный» было больше надежды, чем уверенности...

Подошел Семашко, вежливо взял под локоть: нужно было идти совещаться, писать заключение. Розанов, как прибывший на консилиум последним, говорил первым: «Полагаю, нужно пуль не извлекать. Руку, полагаю, тоже пока не трогать. Не травмировать до выхода из шока. Поддерживать сердце».

...Когда Ленину стало легче, он и Минц регулярнейшим образом появлялись в кремлевской квартире каждое утро и каждый вечер. И вскоре Владимир Ильич начал ворчать: «Не понимаю, зачем вас заставляют навещать меня дважды в день, отрывают от других больных!» «Ведь вы тоже больной, и больной серьезный,— отвечал Розанов, добавляя не без умысла: — Серьезный со всех сторон». (Минц молчал.) «А разве от «этих сторон»,— подхватил однажды Ленин,— болезнь течет иначе? Ведь это все товарищи пристают...» «Обязательно иначе, Владимир Ильич». Ленин засмеялся: «Вас не переспоришь!»

...В конце сентября Владимир Николаевич, сделав последнюю перевязку, посоветовал своему пациенту отправиться для отдыха в деревню. Ленин уехал в Горки. Вернулся через три недели, выглядел посвежевшим. (Из Кремля за врачами снова прислали машину.) Ленин расспрашивал о больничных делах, о пайках, которые выдают врачам и сестрам, беспокоился, как с отоплением. Розанов и Минц поочередно прослушали сердце, легкие, осмотрели рубцы. Справа, над ключицей, четко прощупывалось твердое тельце пули. «Не беспокоит?» «Нет! — сказал Ленин.— А вынимать мы с вами их будем в 1920 году, когда с Вильсоном справимся».

Но ни в двадцатом, ни в двадцать первом об операции никем слова не было произнесено. Розанов своего пациента видел редко. Они лишь переписывались с ним насчет огорода. То была целая история: в голодное время сотрудники стали добиваться разрешения распахать «Петровский огород», что неподалеку от Солдатенковской больницы [2]. Заявление обросло в инстанциях резолюциями, и без толку. Тогда Федор Александрович Гетье, главный врач больницы, лечивший Крупскую, передал Ленину письмо Розанова, и все решилось в два дня. Но с тех пор в больнице время от времени появлялись кремлевские курьеры-самокатчики. На трескучих мотоциклах они привозили записочки: «Тов. Розанов, как дела на огороде, что нужно?» «Тов. Розанов, будет ли урожай, сколько придется на каждого? Привет»...

Гетье рассказывал, что Ленин чувствует себя сносно, только очень переутомился. Поэтому разговор с Семашко насчет операции был для Розанова неожиданным, а отрицательное мнение на этот счет сложилось сразу.

Он заехал за профессором в «Националь» на присланной из Кремля машине. Оттуда до ленинской квартиры рукой подать.

Ленин появился тотчас, как вошли к нему в кабинет, и, бойко сказав по-немецки, что с Борхардтом они сговорятся сами, отпустил врача-переводчицу, прикомандированную к профессору Наркомздравом. «Наверное,— так подумалось Розанову,— постеснялся, что его станут осматривать при женщине».

— Клемперер посоветовал удалить пули: они, мол, своим свинцом вызывают отравление и головные боли,— сказал Владимир Ильич.

Розанов не без удовлетворения увидел, как лицо коллеги удивленно вытянулось.

— Unmöglich! [3] — рявкнул профессор, но тотчас спохватился и предложил сначала осмотреть больного, бормоча, что, впрочем, в последнее время после войны, кажется, появились некоторые данные об интоксикациях свинцом пуль. Розанов горько усмехнулся: Борхардт просто не захотел подводить коллегу-берлинца.

— Необходимости операции не вижу,— сказал Владимир Николаевич.— Пули в соединительнотканных капсулах. Ту, что на шее, еще удалить легко. А искать пулю в глубоких тканях плеча трудно, травматично, нецелесообразно...

Борхардт невольно кивнул, а Ленин усмехнулся:

— Ну, одну-то давайте удалим, чтобы ко мне не приставали и чтобы никому не думалось.— Может быть, и он поверил Клемпереру в какой-то мере, вдруг действительно после операции голова перестанет болеть, и сызнова можно будет работать, как и прежде, напролет дни и ночи...

3

Что к двенадцати приедет на операцию Ленин, знали и сестры милосердия и санитары: на первом этаже «случайно» оказались все сотрудники хирургического. Ленин прошел по коридору. Он улыбался, почти каждому говоря

[1] Грудинно-ключичное сочленение (лат.).

[2] Ныне больница имени С. П. Боткина.

[3] «Невозможно!», «Невероятно!» (нем.).

«здравствуйте». В предоперационной ему предложили раздеться, и здесь произошел инцидент: старый санитар Устинов попытался снять с него ботинки, а Ленин запротестовал, сказав: «Что вы! Что вы! Я сам всегда это...» Устинов смешался: «Да ведь это не только вам, я всем больным помогаю...»

Борхардт и Розанов мыли руки жесткими прокипяченными щетками. Берлинский профессор все шептал тихонько, неожиданно перейдя от «герр доктор» к более душевному «коллега»:

— Лучше оперируйте вы, а я буду вам, коллега, ассистировать.

— Полноте,— отвечал ему Розанов.

— Да нет, мне даже кажется неудобным. Я уверен, вы не хуже меня все сделаете.

Розанову казалось, что Борхардт предлагает ему первую роль из одной галантности, да, кроме того, если бы хотели, чтобы эту операцию сделал он, не стали бы, ничего предварительно ему не сказав, вызывать хирурга из Берлина.

— Нет, нет, герр профессор,— мягко сказал Розанов.— Я ассистент.

Когда они оба облачились в стерильные халаты, в операционную ввели Ленина. Ленин подошел к операционному столу, тронул ладонью табурет, стоявший подле него, и, сев, сказал: «Я готов!»

— Да нет, Владимир Ильич, нужно лечь на стол.

— Зачем?

— Да так полагается.

— Полноте! — ответил Ленин.— Ради чего?.. Операция-то пустяковая.— И он бросил через плечо короткий взгляд на операционный стол.

— Warum? — Борхардт смотрел непонимающе.

— Он не хочет ложиться,— пояснил Розанов и снова обернулся к пациенту.

— Нам будет просто неудобно работать,— с некоторой растерянностью произнес Владимир Николаевич. Он не ожидал, что возникнет такой эксцесс.

— Это вам неудобно?.. Да вы бы так и сказали! — Ленин улыбнулся и стал укладываться.— А я считал, что вы из-за меня!..

Простыня на операционном столе была холодной, и Владимир Ильич невольно поежился. Розанов обильно смазал йодом его шею и грудь, отгородил операционное поле салфетками. Борхардт снова сказал, что лучше пусть оперирует коллега, а Розанов ответил: «Нет, нет, ни к чему... Эта роль ваша».

В операционную, завязывая на ходу тесемки марлевой маски, вошел одетый в халат Семашко, за ним — другие врачи, которых уполномочили присутствовать при операции.

— Кто будет оперировать? — спросил нарком.

— Борхардт, конечно. Для чего же он тогда приехал! — ответил Владимир Николаевич, перевел глаза на Борхардта и увидел, что его рука, держащая наполненный новокаином шприц, слегка дрожит.

4

— Аграфена! Дайте второй шприц!..— сказал Розанов операционной сестре и первым вколол иглу в кожу. (Это никак не нарушало субординации. Анестезию может проводить и ассистент.)

Он понял, что думалось Борхардту. Оперировать главного человека чужой, да еще и непонятной страны... А если что-нибудь случится?..

Но у Владимира Николаевича уже не было времени рассуждать дальше над всем этим, и он сказал операционной сестре:

— Скальпель... Господину профессору...

Борхардт, видимо, подавил нахлынувшее беспокойство. Он сделал разрез одним движением, точно вдоль «ножки» мышцы, в которой застряла пуля, точно в три сантиметра, точно такой длины — ни на йоту меньше или больше, — что и была нужна. Тотчас он опустил в рану салфетку, а только отнял, Розанов мгновенно захватил зажимами кровоточившие сосудики, и Борхардт стал искать пулю пинцетом.

Переложив из правой руки в левую тупой фарабефовский крючок — он оттягивал край раны, чтобы Борхардту было удобно,— Розанов заглянул за дугу, через которую была переброшена простыня, отгораживавшая лицо пациента. Ленин морщился. Розанов снова перевел взгляд на рану. В эту секунду Борхардт нащупал пулю... Пинцет соскочил. Тотчас на лбу профессора выступили капли. Тогда Розанов взял другой пинцет и извлек пулю сам.

Они быстро перевязали пережатые сосудики, Борхардт сшил кожу двумя аккуратными швами и, сбросив простыню, сам стал накладывать повязку.

Операция кончилась.

Ленин сел на столе. Он был чуть бледнее, чем прежде.

— Danke! Danke schön! — сказал он Борхардту.

Профессор закивал головой в ответ.

— Я думал,— шепнул Ленин Розанову,— что все будет проще...— И затем сказал уже громко:

— Можно идти одеваться? Пора ехать! Auf Wiedersehen! — Владимир Ильич поклонился Борхардту и направился к дверям.

— Он хочет уехать? — удивился профессор.

— Не сейчас,— ответил Розанов.— Часа через два. Нужно немного отдохнуть, выждать.

Ленин кивнул и вышел в предоперационную, чтобы одеться.

— Unmöglich!— запротестовал профессор.— Невозможно! Ни в коем случае!.. В конце концов, если считается, что оперировал я, то дайте мне возможность предписывать,— зашептал он Розанову и Семашко.— Минимум сутки в стационаре под неусыпным наблюдением! Персональная сиделка! Такой пациент!..

— Как вы считаете? — спросил Розанова Семашко.

— Наблюдать за больным, Николай Александрович, всегда удобнее в стационаре. Удобнее и покойнее. Вы же это отлично знаете...

Он вышел и стал думать, где же приготовить отдельную палату. Нужно было сделать так, чтобы палату можно было хорошо охранять. Этого потребуют обязательно: после ранения да после нападения на машину Ленина бандитов без охраны его уже не оставляли ни за что. Розанов посоветовался с Беленьким[4] и решил, что Ленина поместят в маленькой 44-й палате при входе на женскую половину корпуса. К ее скромному убранству — обычная койка, железный столик и кресло — добавили лишь настольную лампу. Владимир Ильич наверняка станет читать или писать — пусть не портит глаза.

... Ленин замахал руками.

— Ну, нет! Чего я буду тут оставаться из-за пустяков?

— Может быть тошнота, рвота из-за новокаина... Головная боль,— пояснял ему Борхардт.

— Нам удобнее наблюдать,—вмешался главный врач больницы Владимир Иванович Соколов.

Он уже держал в руках заготовленный бланк истории болезни, какие заполняют на каждого пациента, который пробыл в больничном стационаре хоть половину суток. Главный врач решил сам ее заполнить.

— Я даже для вас, Владимир Ильич, палату приготовил на женском отделении,— шутливо протянул Розанов.

— Да ну вас! — засмеялся Ленин.

— ...И двух сестер назначил...

— Э! Нет!..— Улыбка сползла с лица.—Ни за что. Незачем. Мне ничего не нужно. А будет нужно, попрошу дежурную сестру, которая ухаживает за всеми... И, кстати, скажите ему,— Ленин показал на начальника охраны,—...чтобы они не волновались и больных бы не стесняли...

5

Ленин провел в этой палате всего сутки. Некоторое время он лежал, видимо, не тяготясь неожиданно появившейся возможностью ненадолго отключиться от обычных дел. Вечером заглянул в соседнюю с палатой столовую и долго разговаривал с дежурной сестрой: выспрашивал, как идет жизнь, да как кормят больных, да почему она такая худенькая... Он спросил, к слову, где Розанов. Сестра — Екатерина Алексеевна Нечкина — сказала, что Владимир Николаевич сейчас оперирует. Его сын, двенадцатилетний Игорь, сильно поранил ногу, вот он и оперирует его сам.

Владимир Николаевич освободился только к одиннадцати, заглянул в 44-ю. Ленин спал. А утром, когда подходил к дверям, издалека услышал настойчивые вопросы:

— Почему вы наливаете мне кофе? Откуда такой завтрак? Ведь вы сами сказали, что больных кормят бурдой!

Розанов поспешил вмешаться:

— Этот завтрак прислала Анна Павловна, моя жена... Надежда Константиновна, когда я с ней говорил по телефону, очень волновалась насчет питания, и я обещал, что мы,— он подчеркнул это слово «мы»,— обязательно накормим и напоим вас лучшим образом.

Ленин посмотрел на него, прищурившись.

— А скажите, как же это так?..— Он кивнул головой в сторону сестры.— Вчера около меня была сестра, ночью та же сестра, и сегодня она же опять осталась... Почему вы мучаете людей, разве так можно?..

— Такой порядок везде,— покривил Розанов; он специально попросил Нечкину, одну из лучших сестер, остаться еще на одну смену.— Дни дежурств компенсируются днями отдыха...

Нечкина покраснела и вышла.

— Послушайте, Владимир Николаевич,— зашептал Ленин,— я могу что-нибудь сделать для сестры?.. Отблагодарить...

6

Розанов вспомнил минуты большого неудобства, испытанные им в 18-м году, когда он лечил Ленина после ранения. Ему несколько раз говорил по телефону Обух, что «товарищи из ЦК» — он именно так это формулировал — «хотят знать о компенсации за лечение». Розанов уклонялся от ответа.

На последнем из тогдашних визитов в кремлевскую квартиру, уже осмотрев с Минцем Владимира Ильича, они сидели и просто говорили о разных делах. Кажется, Розанов рассказывал, как он, чтобы развить чувствительность своих пальцев, учился прощупывать малейшие шероховатости сквозь ткань. Сначала сквозь тонкую, потом сквозь все более и более грубую. И еще как учился накладывать швы на разваренную брюкву. («Уж если тут будут держаться, значит, везде будут держаться»). Ленин и Надежда Константиновна смеялись. Потом Ленин, сказав жене «извини, Надюша», позвал врачей «на минутку» в спальню, закрыл двери, и, взяв со столика два заранее приготовленных конверта, протянул их Розанову и Минцу, и, страшно смутившись, проговорил: «Это за лечение. Я глубоко вам благодарен: вы так много на меня тратили времени...»

Непринужденность, что была до этой секунды, исчезла. Это почувствовали все сразу. Произошла немая сцена. Потом Розанов сказал:

— Владимир Ильич, может быть, можно без этого? Поверьте, мы рады, что вы выздоровели, искренне рады...

И Минц тоже проговорил что-то в знак согласия.

Ленин кинул конверты на кровать и сказал с облегчением:

— Бросим это. Спасибо, еще раз благодарю.

— ...Видимо, ей нужно отдохнуть,— сказал Владимир Ильич о сестре.— Вы смотрите, как она плохо выглядит. И вам, наверное, тоже надо отдохнуть. Вид у вас, товарищ Розанов, тоже скверный... Кстати, как ваш сын?.. Вам не страшно было оперировать своего сына?

— Понимаете, Владимир Ильич, если я уверен в своих руках, то мне страшнее, когда близкого человека оперирует кто-то другой, даже очень маститый. Впрочем, на этот счет есть разные мнения...

...24 апреля 1922 года пациент Ленин был выписан из больницы.

7

И сейчас в этой палате на втором этаже хирургического корпуса Боткинской больницы стоит простая, крашенная белым железная кровать, аккуратно застеленная пикейным одеялом, стоят железный столик, каких давно уже нет, и кресло.

На двери маленькая табличка, на ней написано совсем немного: «Палата В. И. Ленина».

[4] Начальник охраны Ленина.

Вл. КРУПИН

Атынча-биби и ее дочери Гуля и Хадыча Сулаймановны.

УЛЬМАНГ, АНАМ!

Люблю приходить в этот дом. Узнать последние семейные новости, поспорить о футболе и литературе, послушать какую-нибудь давнишнюю историю и просто посидеть за пиалой кок-чая.

У этого дома — три адреса в Ташкенте: Новомосковская, Хорезмская, Советская... Но если по любому из них вы пошлете письмецо на одно и то же имя А. Кельгинбаевой, не сомневайтесь: оно попадет в ее собственные руки.

Ее настоящего имени никто не помнит. Но все зовут «Атынча» — так, впрочем, записано и в паспорте. Так уважительно звали в старину учительниц и женщин, умеющих читать и писать. «Атынча» значит «грамотейка». Прозвище это она заслужила почти полвека назад, в тревожное и грозное время гражданской войны.

В ту пору ее муж Сулайман Кельгинбаев был членом Андижанского ревкома. Человек новых взглядов, он прекрасно знал русский язык, много читал. В 1918 году он настоял, чтобы жена сняла паранджу. Тогда это было неслыханным вызовом вековым традициям. Проклятиями или зловещим молчанием встречали молодую женщину соседи и прохожие. А Сулайман поплатился за свое инакомыслие и дерзость самой дорогой ценой—жизнью. Его убили на Ферганском фронте. Убили предательски, в спину, когда он возвращался после переговоров с басмачами.

Четверо осталось у вдовы на руках: Мухтабар, Хадыча, Нияз, Гулечка. Что ждало их в той нелегкой, смутной, круто меняющейся жизни? Сиротская доля? Нет. Мать заменила им и отца. Сулайман часто говорил ей: «Наши дети должны быть грамотными. Они должны знать не только родной, но и русский язык!» И она стала учиться читать. По-русски. Чтобы помочь малышам, когда придет время пойти в школу.

Паранджу вновь не надела. Тогда басмачи назначили за ее голову немалую цену... Детей отдала в русскую школу. Тогда мулла отлучил неверную от мечети. Обойдемся без помощи аллаха, решила вдова.

По утрам она читала соседям «Правду». И люди прозвали ее Атынчой. А потом еще ласковее— Атынча-биби. «Биби» означает «бабушка». Так говорят о женщине в знак особого почтения, чтобы подчеркнуть ее зрелость и мудрость.

Пять ртов прокормить не просто. Атынча перевезла малышей в детдом под Чимкентом. Там же и сама устроилась работать. Уборщицей.

— Учились мы неплохо. Мать помогала,— вспоминает с улыбкой Нияз.— Она у нас великая артистка. Умела сыграть на чувствах. Принесешь тройку — она в слезы: был бы отец, не посмели бы меня так огорчать.

Первой школу окончила Мухтабар. Тогда всей семьей перебрались в Ташкент, чтобы старшая смогла продолжить образование. Мухтабар вскоре стала учительницей.

А там и пошло! Хадыча получила диплом юриста. Нияз стал врачом. За ним в медицину подалась Гуля. Когда она привезла из Алма-Аты диплом об окончании института, Атынча опять плакала: в люди вышли дети... Но детям комиссара Сулаймана этого было мало. И они все ринулись в науку.

Нияз отстал от сестер. В июне сорок первого он ушел на фронт. Волгоград, Курская дуга, Прибалтика... На одной из семейных фотографий (между прочим, ее сделал в 1944 году возле селения Падуры писатель Борис Полевой) Нияз снят со своей женой Лидией Васильевной, тоже военврачом.

Полевой госпиталь. Непрерывная борьба за жизнь человека. Врач делает все, но иногда сердце раненого не выдерживает. И, быть может, нужна только секунда, чтобы поддержать его сердце, только капля крови, чтобы влить в него силы. Найти их! Найти средство, которое даст эти силы человеческому сердцу в минуту слабости! С этой мыслью возвращался Нияз домой. За плечами уже почти сорок, а впереди еще столько работы! Опыты и неудачи, ошибки и снова поиски... Кандидатская диссертация казалась недосягаемой вершиной.

А Хадыча Сулаймановна к тому времени стала доктором наук, крупным специалистом в области права. Ее приглашали читать лекции в Москву и Лондон, Гаагу и Рим. Когда на кафедру поднималась элегантно одетая смуглая женщина восточного типа, светила европейской юриспруденции и студенты слушали ее особенно придирчиво. И хотя профессор носила еще и звание академика Узбекской Академии наук, многим звание это казалось неправдоподобным.

...Гуля Сулаймановна тоже не теряла времени даром. Едва успел Нияз написать кандидатскую, как Гуля тут же обогнала его. Посвятив себя борьбе с лучевой болезнью, она уже в 1952 году защитила докторскую диссертацию.

Порадовавшись успеху младшей сестры (но скрипнув все же про себя зубами: опять отстал, а от женщин отставать стыдно!), Нияз с новой энергией взялся за дело.

Химики Узбекистана в то время развернули усиленные поиски новых лекарственных средств и источников сырья. Особый интерес представлял строфантин. Ничтожная капля этого вещества усиливает сердечную деятельность.

Строфантин покупали за границей. Платили, разумеется, немало, потому что, кроме как в Африке, его нигде не находили. Советские исследователи нашли его под боком, в Ташкенте, в ботаническом саду.

Есть такие растения — адонис золотой и кендырь. Именно из них и был получен отечественный строфантин. Лекарство должно было пройти строгую и тщательную проверку. За это взялся Нияз Сулайманович Кельгинбаев.

Зайдя как-то к ним, я не застал его дома. С трудом разыскав бабушку, я узнал, что все «уехали защищаться». Всегда живая, подвижная, улыбчивая, Атынча-биби в тот вечер больше молчала и изредка посматривала в окно грустными, тревожными глазами.

Но потом пришла телеграмма всего из трех слов. И Атынча снова не смогла сдержать слез. А потом приехали дети. И я читал бумагу, которую перед этим ласково разгладила своей сухонькой ладонью Атынча-биби и которая начиналась словами: «Работа доктора медицинских наук Н. Кельгинбаева имеет большое значение»... Подпись под бумагой гласила: «Действительный член АМН СССР, профессор А. Л. Мясников».

Можно было подвести еще один итог большой, трудной, полной испытаний и все-таки удавшейся жизни!

Нияз подошел к матери, обнял ее и сказал:

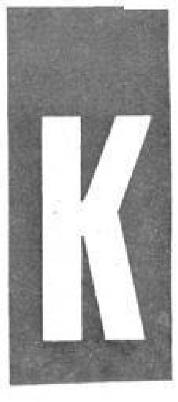
— Ульманг, анам!

И Атынча — в который раз! — заплакала. Почему? Наверное, потому, что сын сказал ей то, что обычно говорят узбеки самому дорогому человеку: «Ульманг, анам! Не умирайте, мама!»

...Атынче-биби исполнилось восемьдесят лет. Я подумал и решил: пусть этот рассказ о ее сбывшейся мечте будет моим скромным подарком на день рождения. И я тоже хочу сказать ей сегодня:

— Ульманг, анам!

Р. САВИЦКАЯ,
сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Коммунистический вексель

Что Владимир Ильич делал в течение такого-то дня? В каких заседаниях он участвовал? С кем беседовал? Какие давал распоряжения и указания? Что писал?

На подобные вопросы дает ответы биографическая хроника В. И. Ленина, которая готовится Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. К этой работе привлечены также центральные государственные архивы, местные государственные и партийные архивы, филиалы института, Центральный музей В. И. Ленина и его филиалы.

Оказывают помощь в составлении биографической хроники В. И. Ленина институты марксизма-ленинизма и истории коммунистических и рабочих партий стран социалистического содружества.

В результате этой работы воссоздается полная картина жизни и деятельности В. И. Ленина, день за днем, час за часом. Уточняются ранее известные, но недостаточно документированные данные, сводятся воедино факты, разбросанные по различным архивным и литературным источникам, устанавливаются совершенно новые события жизни и деятельности В. И. Ленина, о которых до сих пор ничего или почти ничего не было известно.

Событие, о котором пойдет речь, было известно и раньше. При составлении биохроники требовалось только уточнить некоторые детали.

В конце 1921 года рабочие Петровского (Енакиевского), Макеевского и Юзовского заводов выдали В. И. Ленину «Коммунистический вексель» — первое коллективное социалистическое обязательство.

До последнего времени было известно, что выдаче этого векселя предшествовала беседа В. И. Ленина с председателем правления металлургического треста «Югосталь» И. И. Межлауком и что «Коммунистический вексель» датирован 7 ноября 1921 года. Вексель этот был найден несколько лет назад в архиве научным сотрудником Киевского филиала Центрального музея В. И. Ленина — Ш. Левитом. Оригинал векселя хранится в фондах этого музея, а копия экспонируется в одном из залов. Вот его текст:

«Коммунистический вексель. Москва, 7 ноября 1921 г.

Вексель на 10.000.000. п. черного металла.

С 1-го января 1922 г. по 1 янв. 1923 г., работая на основаниях, изложенных в утвержденном 3 ноября с. г. Президиумом ВСНХ Положении о Югостали,

повинен я,

по получении определенных Югостали на сей предмет **27 октября с. г. Президиумом ВСНХ оборотных средств**, поставить тов. Владимиру Ильичу Ульянову (Ленину) через Президиум ВСНХ с Петровских, Макеевских и Юзовских заводов Югостали 6.000.000 п. чугуна и 4.000.000 п. катанного металла, а всего 10.000.000 п. черного металла.

Директор — распорядитель Югостали Иван Иванович Межлаук».

Когда состоялась беседа В. И. Ленина с И. И. Межлауком, когда именно В. И. Ленину был вручен «Коммунистический вексель», точно мы не знали. Сам И. И. Межлаук вспоминал, что это было осенью 1921 года. Ш. Левит, нашедший вексель, писал, что В. И. Ленин принял И. И. Межлаука сразу же после создания треста «Югосталь». Трест же был создан решением объединенного заседания президиума Украинского Совета Народного Хозяйства и Южного бюро ВЦСПС 28 сентября 1921 года. Лишь в процессе подготовки биографической хроники были установлены точные даты этих событий.

Оказывается, беседа В. И. Ленина с И. И. Межлауком состоялась 22 октября 1921 года. Запись об этом была обнаружена в календаре работы В. И. Ленина, составленном в свое время ныне покойной Марией Игнатьевной Гляссер, которая была секретарем Совнаркома.

Во время этой беседы в ответ на просьбу Межлаука утвердить решение президиума ВСНХ об ассигновании 10 миллионов рублей золотом на техническое оснащение заводов треста Ленин потребовал предоставления гарантий успешной реализации этой суммы. Вот что писал о встрече с В. И. Лениным в своих воспоминаниях И. И. Межлаук:

«Осенью 1921 года он задал мне вопрос:

— Сколько нужно вам денег, чтобы поднять южную металлургию до довоенного уровня?

— Сколько для этого нужно денег, не знаю... Очень много надо... Но если миллионов десять золотых рублей получили бы, то шесть миллионов пудов чугуна в 1922 году мы взялись бы дать.

— Ну, что ж, идет,— сказал Владимир Ильич,— давайте подпишем условия. Дайтека мне вексель... И правление «Югостали» выдало Владимиру Ильичу «Коммунистический вексель».

Письмо И. И. Межлаука В. И. Ленину с извещением о посылке ему векселя датировано 27 ноября 1921 года. «Глубокоуважаемый Владимир Ильич! Согласно В/желанию,— писал в нем И. И. Межлаук,— шлю Вам форменный вексель на десять милл. пудов металла...»

В. И. Ленин в то время находился в отпуске по болезни, жил в Горках. «Коммунистический вексель» он получил лишь 9 декабря 1921 года. И в тот же день В. И. Ленин ответил И. И. Межлауку запиской, в которой обещал поручить управляющему делами СТО проверить выполнение решения о выдаче заводам «Югостали» обещанной суммы и сообщить Межлауку об этом письменно или когда он приедет на Всероссийский съезд Советов.

Во входящей книге документов, поступивших на имя В. И. Ленина в 1921 году, за 10 декабря 1921 года мы читаем лаконичную запись: «Межлаук. О работе Петровских заводов и рудников». Там же сделана отметка, что письмо направлено управляющему делами СНК Н. П. Горбунову.

Ответное письмо В. И. Ленина И. И. Межлаук получил уже в Москве, приехав на съезд.

В докладе на съезде Советов В. И. Ленин 23 декабря 1921 года хорошо отозвался о работе И. И. Межлаука в «Югостали», привел цифры роста выплавки чугуна и выразил уверенность в дальнейших успехах.

И рабочие Петровского, Макеевского и Юзовского заводов треста «Югосталь» оправдали надежды Ильича. Они не только выполнили, но и перевыполнили обязательства. Уже 15 января 1922 года И. И. Межлаук информировал В. И. Ленина запиской о росте выплавки чугуна.

Всего за 1922 год металлурги трех заводов «Югостали» дали 5 362 370 пудов чугуна и 5 207 020 пудов проката, то есть почти 10 миллионов 600 тысяч пудов металла вместо обещанных 10 миллионов по «Коммунистическому векселю».

СОВНАРКОМ ЗАСЕДАЕТ

Ольга ВЫСОТСКАЯ

Зеленым сукном покрытый
Стол
и графин на нем.
Просто все,
деловито —
Здесь собрался
Совнарком.
Готовься,
слово бери!
Но время здесь берегут,
Дают оратору три,
Докладчику — пять минут!
С иным болтуном наказанье —
Низал бы строку к строке!
Но Ленин встает с часами,
С часами
в левой руке.
Он строго следит за всеми,
Не терпит он лишних слов.
Когда истекает время,
К оратору он суров.
Умей уложиться в сроки!
Умей успевать во всем!
За темп невиданной стройки
Ответственность мы несем!
Минуты,
мы знаем сами,
Текут,
как вода в реке...
Но Ленин
стоит с часами,
С часами
в левой руке!

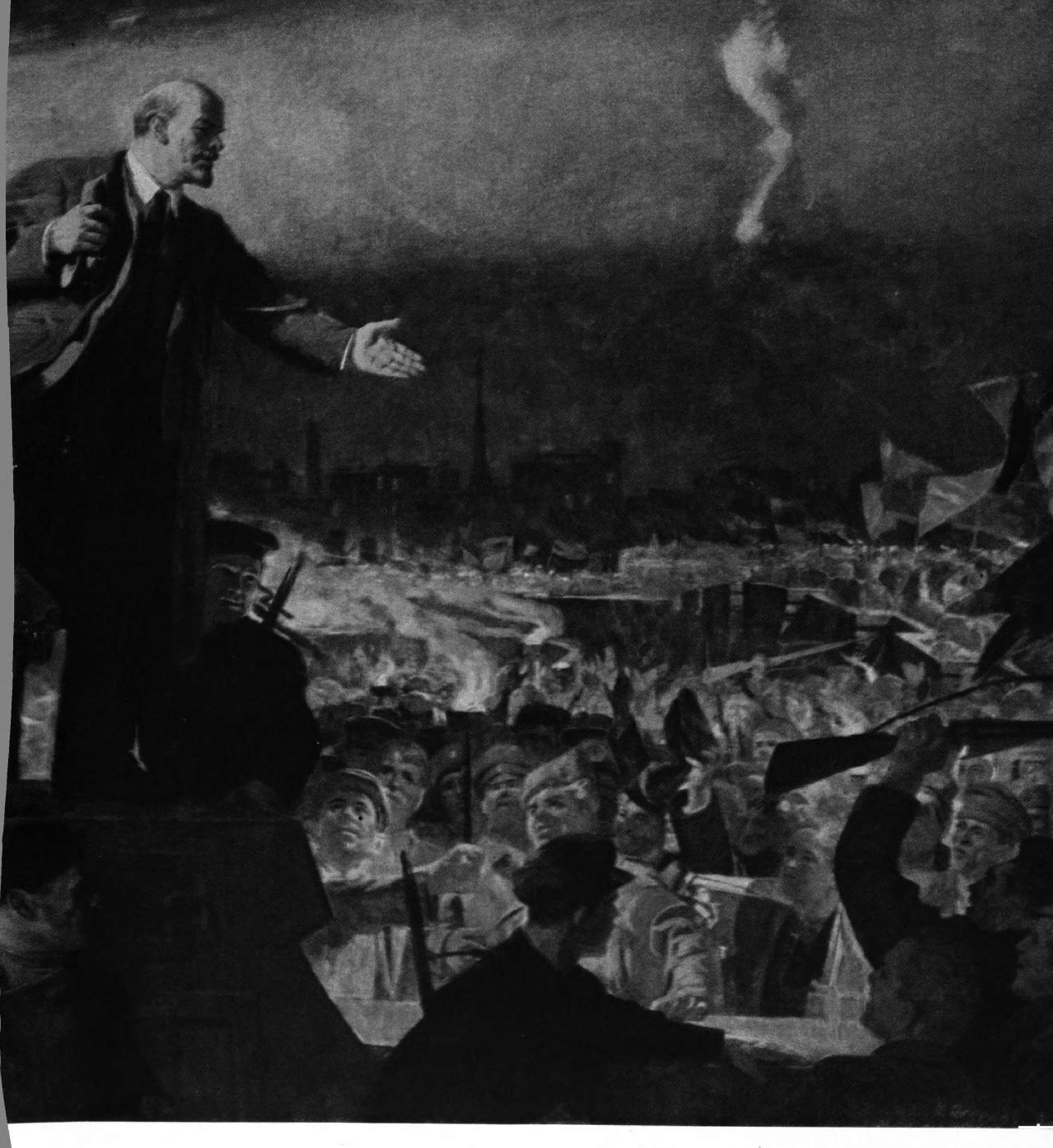

Н. Андреев. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

К. Аксенов. ПРИЕЗД В. И. ЛЕНИНА В ПЕТРОГРАД 3 АПРЕЛЯ 1917 ГОДА.

Музей революции СССР

В. Серов. ВЕСТИ ИЗ ДЕРЕВНИ.

Свердловская картинная галерея

23 апреля исполняется 45 лет со дня образования Коммунистической партии Югославии (с 1952 года — Союз коммунистов Югославии). Передо мной письма от боевых партизанских друзей, югославских коммунистов, вместе с которыми довелось воевать в горах Югославии против фашистских оккупантов. Прошло уже девятнадцать лет с момента нашей разлуки, но каждый раз, когда я получаю письмо от кого-нибудь из товарищей-партизан, я снова и снова вспоминаю то трудное и славное время, вспоминаю эпизоды партизанской жизни и борьбы.

Г. ЖИЛЯЕВ

Югославские и советские бойцы в Словении.

ЗАЛПЫ В ГОРАХ

Летом 1942 года вместе с группой сверстников — шестнадцатилетних подростков — я работал на строительстве оборонительных сооружений в районе Харькова.

Когда наша группа оказалась в тылу наступавших гитлеровцев, на оккупированной врагом земле, я и многие мои товарищи попали в лапы оккупантов. Произошло это в декабре 1942 года.

Австрия. Горный район Фельдкирхен. Кругом, насколько видит глаз, громоздятся заснеженные горы, покрытые лесом. У их подножия, в долине, вдоль колючей проволоки выстроились вышки часовых. Они охраняют лагерь пленных. Каждое утро в шесть утра нас гонят на строительство дороги.

Рядом с нами работают югославы. Это военнопленные, угнанные гитлеровцами в первый год оккупации Югославии. Их здесь около двухсот. Узнав, что мы из России, югославы дружелюбно улыбаются. Многие из них пытаются объясняться с нами, но грубые окрики и оплеухи конвоиров не дают возможности делать это.

В конце марта охрану лагеря почти полностью сменили. Немцев осталось мало, да и те калеки, со следами тяжелых ранений. Все боеспособные солдаты понадобились Гитлеру для фронта. Новые конвоиры были немного снисходительней. Теперь нам удалось узнать от югославских друзей, что неподалеку проходит австро-итальянская граница. Все чаще и чаще появлялись у нас мысли о побеге. В середине августа 1943 года нас — четверых советских юношей и двух югославских пленных — послали вместе с конвоиром за инструментом. По дороге один из югославов нагнулся. «У меня развязался башмак»,— заявил он конвоиру. С недоверчивым видом приблизился к нему гитлеровец и тут же был оглушен ударом камня по голове.

Мы бросились в горы. Нашего вожака-серба звали Стояном. Его товарищ Милош оказался хорватом. Мы едва поспевали за югославами, которые с детства привыкли шагать по горным тропам. Они то и дело подбадривали нас: «Само напред, другови! Тамо е слобода!» — и показывали в сторону границы.

Около двух недель продолжалось опасное путешествие по северо-восточной Италии. Мы бы и не добрались до цели, если бы не простые люди, которые всячески помогали нам. Здесь, на северо-востоке Италии, в районе Тарченто, в гарибальдийском батальоне «Фрателли Фонтанот», я и стал партизаном.

В конце сентября 1943 года к нам, в батальон «Фрателли Фонтанот», прибыл связной словенец из освобожденного партизанами района Словении, Кобаридской свободной республики. Нам он сообщил радостную весть: при 30-й дивизии 9-го корпуса Народно-освободительных войск Югославии формируется советская партизанская рота.

К вечеру третьего дня мы вошли в поселок Кобарид — сердце Кобаридской свободной республики. Над крышами домов реяли национальные словенские и красные флаги с пятиконечными звездами.

Поднимая тучи белой пыли, сновали по дорогам мотоциклы и автомобили с вооруженными партизанами. То здесь, то там звенели веселые песни. Вдруг до нашего слуха явственно доносится родной мотив боевой революционной песни Шкулева «Мы — кузнецы, и дух наш молод». Только поют ее по-словенски.

Чувством великой радости наполняются наши сердца. Мы среди братьев, братьев по оружию!

Мы познакомились и подружились с югославскими воинами. Удивительным человеком был политкомиссар 2-го батальона 18-й бригады. Его звали Станчо. Старый коммунист, боец одной из интернациональных бригад в Испании, Станчо был настоящим политическим и военным руководителем. А сколько в нем приветливости и простого человеческого обаяния! Станчо говорил по-русски. Под Барселоной и на Гвадалахаре, а впоследствии на улицах Мадрида бок о бок с товарищами из России сражался Станчо против фашистов. После победы фалангистов ему удалось пробраться во Францию, а оттуда с превеликим трудом — на родину. Неутомимый коммунист продолжал свою борьбу. Летом 1941 года итальянские фашисты арестовали его и отправили в концлагерь в Турин. Станчо бежал из лагеря и вступил в ряды Народно-освободительных войск Югославии.

Не могу забыть и другого замечательного человека — врача из Белграда. Его партизанская кличка — Ястреб. Это был кадровый военный врач, взятый фашистами в плен. Ему удалось бежать к партизанам. Золотые руки этого талантливого хирурга спасли жизнь не одному советскому партизану. Вместе с советским врачом Германом Маловым и фельдшером Микаелом Кулибековым Ястреб делал сложные операции в труднейших условиях, зачастую даже под вражеским обстрелом.

Ястреб носил в походном рюкзаке книгу. Напечатана она была на серой бумаге где-то в одном из районов Югославии, освобожденном партизанами, и называлась «Као се калио челик». Это была книга Николая Островского «Как закалялась сталь».

За работой и в минуты досуга Ястреб напевал песенку:

С едне стране Русия,
А са друге Србия,
С трече е Црна Гора —
Хитлер пасти морá! [1]

Однажды вечером несколько бойцов из нашей роты отправились в Кобарид, чтобы послушать новости по радио. В просторном доме, наполненном густым табачным дымом, около радиоприемника собралось человек двадцать. Здесь мы услышали голос родной Москвы:

«Югославия, слушай! Слушай! Смоленск и Рославль опять стали советскими. Пусть эта новая победа будет для югославских партизан приветом братского советского оружия. Смерть немецким захватчикам!»

Со слезами радости на глазах мы обнимались и поздравляли друг друга.

«Живела братска Русия!», «Живела Рдеча Армада!» — крепко пожимая нам руки, восклицали югославские друзья...

На редкость лютой выдалась последняя военная зима в Словенском Приморье. Много трудностей принесла она партизанским войскам и населению Словении. К этому времени в словенских селах было сожжено две трети домов. Нам пришлось почти всю зиму провести под открытым небом, на морозе, в жестоких боях и трудных переходах.

27 апреля 1945 года мы услышали нарастающий гул орудий, доносившийся с юго-востока. Это по направлению к гитлеровской твердыне в Адриатике — Триесту — двигалась 4-я югославская армия. В тот же день бригада 30-й дивизии 9-го корпуса получила приказ сосредоточиться в северных пригородах Триеста. Предстоял последний боевой поход Советской ударной бригады — так к тому времени называлось наше формирование,— предстояли последние жаркие схватки с врагом.

По пути к Триесту мы наголову разбили в Винавской долине крупный отряд четников. Путь к Триесту был открыт.

Торжественным, триумфальным был этот поход. Реяли над колоннами 30-й дивизии советские и югославские флаги. Восторженно встречали своих освободителей жители сел Словенского Приморья.

Гитлеровцы в Триесте оборонялись упорно, пытаясь контратаковать при поддержке танков. Много югославских и советских бойцов пало в этом жестоком пятидневном бою.

Наконец в мае 1945 года части Народно-освободительных войск вошли в Триест. И к шапочному разбору в тот же день с запада явились англо-американские мотомеханизированные колонны.

За храбрость и самоотверженность, проявленные в борьбе с врагом, 256 бойцов и командиров Советской ударной бригады были награждены югославскими орденами и медалями. Около 150 советских бойцов спят вечным сном в горах и долинах Словенского Приморья. Многие из них лежат в братских могилах рядом со своими югославскими братьями. Свежие цветы украшают эти могилы — могилы героев.

---

[1] С одной стороны Россия,
С другой — Сербия,
С третьей — Черногория.
Гитлер должен пасть!

Член-корреспондент Академии наук СССР Герой Социалистического Труда Леонид Федорович Верещагин.

Герой Социалистического Труда токарь Владимир Иосифович Гургаль: «Это алмаз!»

Успех начинается с пресс-формы.

Это бывший 11-й класс «В».

Любой банк позавидует сокровищам этого сейфа: в нем хранятся сотни тысяч каратов алмазов!

АЛМАЗНЫЙ КРУГ

Вл. ПАВЛОВ

Фото А. УЗЛЯНА.

Леонид Федорович раз, еще раз и еще со все возрастающим волнением просмотрел рентгенограмму. Взглянул на щепоть невзрачного, свинцово-серого порошка, который тускло поблескивал на лабораторном столе. Поднял голову. И люди, обступившие его плотным кольцом,— сотрудники, товарищи — сначала угадали по выражению лица ученого, а потом уже услышали сдержанное:

— Это алмаз!

...Владимир Гургаль, осторожно поворачивая ручку, подвел зажатый в суппорте резец к бешено вращающемуся кругу. В мягкий, равномерный гул станка вплелся посторонний шорох. Меж гранью резца и кромкой круга на минуту вспыхнул тонкий слой неярких оранжевых искр. Гургаль нажал кнопку «стоп», потом протянул резец обступившим станок парням и девчатам в рабочих спецовках:

— Это алмаз!

Какая связь между этими двумя событиями? И почему член-корреспондент Академии наук СССР Герой Социалистического Труда Леонид Федорович Верещагин и известный львовский токарь-новатор Герой Социалистического Труда Владимир Иосифович Гургаль в разных городах, не сговариваясь, один с волнением, другой с восторгом, произнесли одни и те же слова: «Это алмаз»?

...Когда коллектив Института физики высоких давлений АН СССР, руководимый Леонидом Федоровичем Верещагиным, приступил к разработке метода получения искусственных алмазов, ни он, ни его сотрудники и не думали о тех красивых, переливающихся светом кристаллах, которые сияют в скипетрах владык или хранятся в стальных банковских сейфах.

Ученых интересовали другие разновидности алмазов — так называемые «борт», «карбонадо», «баллас», встречающиеся в алмазных россыпях и незаменимые в современной промышленности. Именно эти невзрачные, мелкие и непрозрачные кристаллы составляют главную часть мировой добычи алмазов и главный ее смысл: лишь пять процентов редчайших камней, добытых во всем мире, идет на ювелирные изделия, а остальные употребляются в технике. Самая же большая доля добычи алмазов — примерно семьдесят процентов — используется в виде абразивного порошка для шлифовки и доводки деталей машин и заточки фрез, резцов, сверл. Без алмазного порошка невозможно достичь высокого класса точности обработки металла и, следовательно, высокой надежности и долговечности, необходимых современной машине.

Именно алмазный порошок, нанесенный при помощи связующего состава на алюминиевый или пластмассовый круг, делает его режущим инструментом, который не знает границ использования. Твердосплавные резцы, заточенные на алмазных кругах, обладают в несколько раз большей устойчивостью, чем заточенные на абразивах, которые к тому же изнашиваются вдесятеро быстрее.

Алмазным кругом можно, как масло, резать бетон, гранит, стекло, мрамор, отделять и обрабатывать тончайшие пластинки полупроводников — германия и кремния, не поддающихся ничему другому.

Но добыча естественных алмазов — дело весьма долгое и дорогостоящее. Даже в богатых россыпях для получения каких-нибудь семи сотых карата алмаза (один карат равен двум десятым грамма) надо переработать по крайней мере кубометр породы.

Именно поэтому знаменитые ученые во всем мире (не считая средневековых алхимиков) сотню лет кряду безуспешно пытались «сделать» алмаз. Лишь крупнейшему капиталистическому концерну «Дженерал электрик» — единственному из четырех крупных американских фирм, приступивших к разрешению этой проблемы, после пятнадцати лет усилий удалось синтезировать искусственный алмаз.

Л. Ф. Верещагин и его сотрудники установили, что некоторые вещества, в обычных условиях никогда не изменяющие свою кристаллическую структуру, при огромном давлении и высокой температуре подвержены полиморфным превращениям. Иными словами, в их кристаллических решетках возможна перестройка атомов.

Таким образом, удалось выяснить, что именно требуется для получения перестройки кристаллов графита в алмаз. Эти требования схожи (но не одинаковы!) с теми, при которых драгоценные кристаллы образовывались в вулканической магме во время древних извержений. Однако создание

«естественных» условий в лаборатории — задача не из легких. Где, например, достать такую «посуду», которая была бы способна выдержать давление и температуру, необходимые для сжатия кристаллической решетки графита? В природе такая «посуда» есть — сам земной шар, в ядре которого, как известно, температура и давление достигают чудовищных величин. А ведь земная кора, выдерживающая всю эту огромную нагрузку, состоит из материалов, не обладающих особой прочностью! Дело, оказывается, в том, что так называемый градиент — перепад давления от центра к поверхности земли — невелик, давление понижается постепенно и в верхних слоях сходит на нет.

Маленькую модель (и не одну!) такой «посуды» с высокой точностью и очень быстро сделали в мастерских института по схемам и расчетам Леонида Федоровича и его сотрудников.

Не обошлось, конечно, и без многих неудач, ошибок. Сотни опытов не дали никаких результатов. Несколько раз происходили взрывы, начисто уничтожавшие аппаратуру, которую приходилось делать заново. В других случаях все обходилось благополучно, но вещество, полученное в результате опыта, не имело ничего общего с алмазом...

И вот наконец в один из дней ранней весны Леонид Федорович Верещагин, просмотрев рентгенограмму, произнес долгожданные слова:

— Это алмаз!

Способ изготовления алмазов был передан Украинскому институту синтетических сверхтвердых материалов и инструмента, возглавляемому Героем Социалистического Труда В. Н. Бакулем. Из стен этого института алмазный порошок, впервые полученный учеными, вышел в промышленное производство.

Одним из предприятий, которые начали изготовление алмазного инструмента, был Львовский машиностроительный завод.

Первые порции алмазов уже поступили на завод, а машиностроители еще должны были совершить серьезную перестройку: перебазировать целый цех и на освободившемся месте установить «алмазное» оборудование; найти людей для вновь создаваемого цеха да еще научить их совершенно новому тонкому и хитрому делу — технологии изготовления алмазоносной смеси, искусству наносить ее на алюминиевый или пластмассовый круг.

Тут требуется поистине фармацевтическая, прямо-таки ювелирная химия! Стоит, например, на ничтожные доли процента изменить содержание одного из элементов, из которых состоит алмазоносная смесь, и круг идет в брак. Перегрев под прессом — брак. Недогрев — брак. Перестояла смесь, излишне увлажнилась — брак. Неравномерно засыпана в пресс-форму — тоже брак!.. А счет алмазов в каждом круге идет на десятки и даже сотни каратов.

И план освоения алмазов, которые должны были до конца года переработать в алмазный инструмент,— план не ждал...

Шел июнь. В школах заканчивались выпускные экзамены. По вечерам счастливые одиннадцатиклассники, только что переставшие быть школьниками, с песнями бродили по зеленым улицам Львова. Может быть, именно это обстоятельство, а может, и то, что директор машиностроительного завода Виктор Антонович Чечель сам молод — ему нет еще и тридцати пяти,— натолкнуло его на мысль отправиться на выпускной вечер подшефной средней школы номер одиннадцать и пригласить выпускников идти работать в алмазный цех. И слова директора, а главное, желание взяться за новое, еще почти неизвестное дело и в числе первых пройти нехоженой дорожкой открытий возымели действие. Семьдесят выпускников — молодых девчат и хлопцев — пришли на завод.

Теперь, когда множество алмазных кругов разных размеров и форм, надфилей, пил, хонов уже выпущены и разосланы потребителям, работники завода с улыбкой вспоминают, как засыпали в пресс-форму первую порцию алмазоносной смеси. Магическое слово «алмазы» сжимало сердца, заставляло дрожать пальцы, осторожно стряхивавшие смесь в пресс-форму. И хотя до этого для отработки технологии были выпущены десятки кругов-макетов без алмазов, никто не решался засыпать первую порцию настоящей смеси...

В цеху около стола, на котором была установлена первая, так сказать, промышленная пресс-форма, собрался весь завод. Были тут и директор, и главный технолог Зиновий Бирман, и уж, конечно, молодые инженеры — начальник цеха алмазного инструмента Григорий Михалев и его заместитель Борис Двораковский.

— Давай! — негромко проговорил директор.— С алмазами!

Михалев кивнул двум лучшим бригадирам — Богданне Кволик и Любе Белинской, которым было предоставлено право засыпать первую порцию смеси. В цехе наступила тишина.

— Стоп! — сказал вдруг директор.— Вы какую смесь засыпаете? Опять без алмазов? Ведь я же сказал!

Девушки опустили головы.

— Боязно, Виктор Антонович! А вдруг брак? Пропадет алмаз!

— Сыпьте с алмазами! — жестко распорядился Чечель.— Сыпьте! Я отвечаю!

И вот первая пресс-форма в счет плана засыпана. Один из лучших мастеров завода, начальник участка Федор Гоин, собственноручно «выпек» алмазный круг под прессом. А потом, тепленький еще, круг этот через весь завод гурьбой понесли к рабочему месту Героя Социалистического Труда Владимира Гургаля. Прославленный токарь заточил свежевыпеченным кругом первый резец, попробовал пальцем зеркально отполированную поверхность режущей части — поверхность, какой не получишь другим способом,— и протянул резец затаившим дыхание зрителям.

— Это алмаз!

Да, это был алмаз. Алмазный круг. Круг новой победы советской науки и нашей отечественной промышленности.

Известные широкому читателю первая и вторая книги романа «Открытие мира» Василия Смирнова рассказывают о русской деревне в предреволюционные годы. Третья книга, над которой сейчас работает автор, повествует об Октябрьской революции в деревне, о рождении нового, справедливого мира на земле. Этот мир открывается нам по-прежнему пытливыми глазами деревенского парнишки Шурки — будущего юного хозяина новой деревни.

В публикуемом отрывке описываются события начала 1917 года.

Полностью третья книга романа «Открытие мира» будет напечатана в журнале «Знамя».

Василий СМИРНОВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Еще сбегая с крыльца, Шурка и Яшка заметили, что народ торопится по шоссейке к мосту. Там, у водопоя, на повороте к барской усадьбе, как недавно, толпились опять мужики и бабы. Они окружили три заиндевелые подводы с дровами, которые стояли как-то странно, ни на что не похоже: поперек дороги. Оттуда, от подвод, неслись крики и тонкий жалкий бабий плач. Сельские ребята, побросав у Гремца, под горой, санки, лотки и козули, шныряли тут же возле взрослых целой стаей, иные смельчаки уже продирались изо всех силенок между гневно распахнутыми сборчатыми шубами и взлетающими рыжими рукавами, лезли в самую сутолоку, в середку, где все кипело. А на мосту торчала, как на привязи, собака Милка лавочника Быкова и, задрав лохматую морду, выла, точно по покойнику. Ну, такого еще не бывало! Почему Милка на мосту и воет? А подводы будто дорогу кому перегородили. Что бы это значило?

Приятели сбили нетерпеливо шапки набекрень, чтобы ловчее бежалось, и припустились во весь дух. Засвистело в ушах, нечем стало дышать, так они неслись, обогнали запыхавшуюся красную Марью Бубенец и тетку Апраксею в разных валенках: одна нога в сером, другая в черном валенке. Еще не разобрав, в чем дело, бабы голосили на ходу, и чем ближе подбегали к подводам, тем громче. Обогнали ребята книголюба, умницу Никиту Аладьина в праздничном, аккуратно застегнутом полушубке и новых чесанках с галошами. Никита, щурясь от солнца и снежного блеска, шел медленно, выбирая дорогу, ступал галошами осторожно по наезженной, скользкой шоссейке и словно прислушивался и приглядывался ко всему впереди.

Милка действительно была привязана к перилам моста школьным знакомым ремнем вместе с завидными, очень известными ребятне городскими санками Олега Двухголового; собака свалила санки на бок железными полозьями, рвалась прочь и не могла убежать и оттого выла, поджав хвост, перепуганная криками.

Дальше! Дальше! Туда, где народ, брань, скрип...

С моста уже хорошо видны подводы с дровами, две гнедые лошади и одна саврасая, они бьются в оглоблях, задирают к небу почище Милки косматые, в инее морды, трясут низкими, облезлыми, без колоколец дугами, фыркают, пятятся, встревоженные обступившим их народом, гомоном, дерганьем за вожжи, за путаные гривы, за распустившиеся чересседельники. В центре толпы, у подвод, виден работник из усадьбы хромой Степан в своем ватном австрийского сукна пиджаке и солдатской новой папахе, надвинутой угрюмо на глаза, с двухстволкой-шомполкой за плечами. Ого, вот кое-что и понятно ребятам! С мрачным остервенением Степан рвет за уздцы, заворачивает с шоссейки на проселок, к усадьбе, саврасую и одну гнедую шарахающиеся лошади. А на третьей подводе, взгромоздясь на дрова, посиживает на кинутом хозяйском армячишке долговязый австриец, пленный из усадьбы. Австрияк в грязно-голубой шинели смешно повя-

МУЖИКИ И БАБЫ СМЕЮТСЯ

зан поверх голубой кепчонки платком, как баба, неумело дергает вожжами и чмокает, понукает по-своему: «Гэ! Гэ!». Яшка уверенно признает: это Франц. И плачет навзрыд, причитает, как на похоронах, какая-то тетка в темной шали со светлой заплатой во всю голову, в старой, с оторванной полой шубенке, повиснув на оглоблях саврасого мерина. А другая, простоволосая, в распахнутом мужском пальто с барашковым воротником, багровая от злобы, молодая, верткая, молча рвет из рук Степана узду гнедого. И знакомый ребятам глебовский гуляка-мужичонка, тот самый беспутный, что корил однажды напрямки лавочника Устина Павлыча богатством в его же доме и заставил-таки нахально, на глазах у Шурки, дать ему взаймы на телку десять целковых, толчется попусту возле подвод, около австрийца, хлопает себя бестолково рукавицами по худым, затрапезным штанам. Он в короткой жениной душегрейке и теплой шапке, надетой задом наперед, все оглядывается на народ и громко жалуется:

— А? Видали, дуй тя горой? Все врет... Нету свидетелей, нету! Чего он понимает, твой австрияк? Чей лес, откуда ему знать... Ах, бес тебя заешь, что же это такое?!

Дед Василий Апостол, с палкой, с узелком, собравшийся куда-то по своим надобностям, не может пробиться к подводам.

— Что делаешь, дурак? Креста на тебе нет! — сердито кричит он из-за народа Степану, грозит палкой.— Я тебе, балда, что толковал? Попугай маленько, чтобы строевой с корня не валили... А ты? Ах, балда-а пустоголовая, безжалостливая! Народу-то взбулгачил скоко... Отступись, тебе говорят, слышь?

— Как приказано Платоном Кузьмичом, так и делаю,— мрачно отвечает Степан.— Им токо дай волю — рощу вырубят, спилят задарма. Ловкачи-и! Так-то и я бы... Шалишь! Заворачивай на усадьбу, там разберутся!

И все рвет за уздцы, тянет на себя бьющихся лошадей, так что снег визжит под тяжелыми, двигающимися взад-вперед санями.

В снежном солнечном блеске, в морозном мареве, в брани и криках полыхали неугасимым знакомо-оранжевым яростным огнем шубы и полушубки сельских мужиков и баб. В этом пожаре отчаянно летали, метались, будто дело какое делали, Олег Двухголовый с Тихонями, Аладьины и Солины ребятишки, Колька Сморчок и Катька Растрепа, щеголявшая в дареном и перешитом учительницей коричневом, невозможно красивом пальто с лисицей. Счастливицу-форсунью следовало бы, как обещано, вывалять в снегу, чтобы обновка дольше носилась, да не было совсем времени, и Катька скоро отошла к бабам, заважничала. Народ все сбегался отовсюду к подводам, взбудораженный криками и десятским Косоуровым. А с крыльца лавки, с открытой галереи уже грузно спускался гостивший, должно, у Быкова, сам управляющий усадьбой Платон Кузьмич в меховом картузе и одном легком пиджачишке, выкатив пузо: видать, прямо от самовара, такой горячий. Задело за живое, как же: три воза сухостоя глебовские украли!

Прежде сельские только завидовали, глядя на подводы, пробиравшиеся тайком из барской сосновой рощи. «Худо ли,— говорили,— раздобыть лишний воз сосняку, зевает, чер-те дери! Один бог без греха, право... Свой-то валежник подобран дочиста, а зима, гляди, ноне будет долгая, лютая, припасай поленьев откуда хошь... Эх, кривы господские дровишки да прямо горят!» И зло радовались, когда лесник-объездчик ловил глебовских: «Так им и надо, ворюгам, стыда во лбу нет! В своем Заполе палку берегут, а в чужом лесу строевой на дрова изводят... Вот оштрафуют судом целковых на пять, дай-то бы бог, на всю красненькую, небось, заежатся, не очень тепло покажется в избе».

Да, раньше бы в таком зазорном случае сельские мужики и бабы бровями не повели, чтобы помочь глебовским выпутаться из беды. А нынче, смотрите, во всем заодно — что в хорошем, что в плохом. Не коров, не телок спасают от земства, не на барском лугу дерутся из-за травы, нет, скопом отстаивают, спасают три воза гнилых жердей да вдобавок еще ворованных! Этого никогда не бывало на Шуркиной памяти. Вот новость, рождественская, не скоро ее раскусишь, сообразишь, что к чему!

Шурке тревожно и весело. Они с Яшкой, толкаясь, пробиваются правдами и неправдами в середину толпы, поближе к подводам, чтобы все видеть и слышать, ничего не пропустить.

— Франц, здоро́во! — приятельски кричит во все горло Яшка пленному, хвастаясь перед всеми знакомством с австрийцем и тем, что он умеет разговаривать по-ихнему: — Гутан морган, Франц!

Пленный встрепенулся на возу, отыскал Яшку взглядом и неловко улыбнулся.

— Морген, морген!..

Шурка, конечно, позавидовал, что он не умеет разговаривать с австрийцем. Яшке Петуху везет: пленные живут рядышком, слушай их каждый день и научишься, сам скоро станешь австрияком. «Надо будет почаще заглядывать в усадьбу»,— подумалось ему мельком. Подумать как следует было некогда: такое творилось вокруг.

Тетка в шали с заплатой все еще висит на оглоблях саврасого мерина, мешает Степану заворачивать воз на проселок, жалко голосит, причитает:

— Ой, родимые, что же теперича будет? Мужика мово убили на войне, добытчика, ребятеныши остались мал мала меньше, сиротами, есть нечего и топить нечем... Думаешь, от хорошей жизни на такое решилась? Да в избето у меня хоть тараканов морозь! Ребятеныши на печи простужаются, глотками болеют почесь с осени, кашлюн на кашлюне; как зальются, засвистят, страшно слушать, хоть вон беги из избы. Так что же, замерзать им заживо?.. А тут бают: поедем, Фекла, все, чу, сухостой подбирают в барском лесу, зазря гниет, валяется, даже спасибо говорят хозяева — бор чище, лучше растет... Ведь вот как подъехал, сбил пустобрех энтот, дьявол беспутный, его и забирайте с лошадью, а я тут ни при чем. Ну, поверила ему, разинула глупый рот — вот и весь с меня спрос... И мерин чужой, у Маланьи Лопатиной, соседки, выпросила, заняла. Спасибо, не отказала, с понятием, с сердцем человек... Как же я теперича без мерина ворочусь? С какими глазами?! Ой, родимые мои, а он еще из ружжа палит! Ты в немца паляй, а не в русскую бабу. Окопался, бесстыжая харя, в усадьбе, отожрался на даровых хлебах, отрастил усищи, демон хромой! Ну, что бельма-то вытаращил? Правду говорю! И нету права такого — палять в честной народ!.. Велит, слышь, полвоза питерщицам, кикиморам вашим, свалить, тогда, мол, прощает, остальное отдает... Да я сама, нечистая ты сила, кикимора и есть! Надо бы хуже жить, да нельзя... Ой, мужики миленькие, бабоньки ненаглядные, куда же я денусь без лошади?! Да провались он, сухостой, скину в канаву, ненадобно мне ничего, проживу, лошадь не трогайте!

А народ разговаривал со Степаном по-своему:

— Когда успел собакой стать? За какую сладкую кость служишь, стараешься, хо-луй?!

— В приказчики метит, на нашу шею, разве не видите!

— Вырядился, дармоед, обобрал пленных... Теперь одну бабу-дуру обхаживает... А та и радехонька!

Да они, сельские мужики и бабы, оказывается, больше зубоскалят, чем гневаются!

— На усы-то много фикстуару расходуешь? Аль дегтем мажешь? Ишь, проволокой торчат!

— Берегись, бабы, девки, колко!

— Заболит через девять месяцев!

— Обирало, объедало... ха, тьфу!

На все эти издевки Степан отвечал бессмысленно-злобно:

— Ничего! Ладно! Ничего!

— Ничего-то и у нас дома много.

— Ну, погоди, холуй, живы будем, не забудем!

— Да что вы с ним, мужики, разговариваете попусту? — закричала с досадой Минодора, проталкиваясь к подводам, размахивая кулаками.— Ткните ему в усы, в жирную морду покрепче да поверните лошадей в Глебово — вот и вся музыка!

Кажется, один Ваня Дух, богатей, был на стороне Степана. В романовской доброй шубе с плоским рукавом, засунутым за кушак, он легонько оттирал здоровым плечом баб от подвод, внушительно толковал:

— Постой, постой... Это как же: что плохо лежит, то и наше? А хотя бы и гнилье, щепки? Всему есть цена, порядок. Да-а, брат, порядок дела не портит, не-ет... Ну-кась, вези дровишки, кому они принадлежат! Сказано: не зарься на чужое, свое береги. Ай другому богу молитесь? И я этак-то умею, да не смею...

— Полно, Иван Прокофьич, зубы заговаривать! — насмешливо-весело крикнули ему.— И смеешь и умеешь, зна-аем! Аль завидки берут? Да ведь всего в одну лапу не загребешь. Оставь нам хоть чего маленько... тех же щепок, жердей!

Австрияк перестал чмокать, понукать по-своему мерина. Сидел неподвижно на возу, на армяке глебовского незадачливого мужичонки, который все бестолково кружился около, хлопал себя рукавицами. Пленный, горбатясь, пожимаясь в тонкой, нерусской шинели, потирал голубым рваным обшлагом бритый озябший подбородок, глядел из-под длинного ко-

зырька кепки, из белого от инея платка во все глаза, что делается вокруг него. Он точно не понимал ничего и все старался угадать, что кричат бабы и мужики, и что отвечает им хромой его начальник с двустволкой за плечами, и чего хочет от него простоволосая молодуха в мужском пальто, злобно, молча вырывая узду.

Откуда-то у нее, у молодухи, выпала на снег шапка-ушанка. Молодуха рывком, вертко подняла ее, нахлобучила привычно на голову, на свернутую пучком косу и сразу стала ужасно похожа на парня-забияку. Вот-вот замахнется, заедет по усам новому приказчику, как советовала Минодора, знавшая толк в кулаках.

Наверное, она бы не утерпела, послушалась Минодоры, да Степан, опасливо косясь на шапку-ушанку, выпустил узду. Тотчас узда очутилась в сильных, ловких бабьих руках, и мерин, почуя хозяйку, успокаиваясь, слушаясь, повернул визжащий воз вдоль шоссейки к Глебову. А Шурка радостно признал молодуху, вспомнил ее в малиновом платке, как она на волжском лугу в сенокос, в памятную драку чуть не распорола косой брюхо Ване Духу. Жалко, не успела, отскочил тогда Тихонов, спасся, а стоил он того, сейчас это слепому видно.

И коротконожке-холую обязательно надобно съездить по морде. Гляди, опять он схватился за узду, не побоялся, загородил подводам дорогу в Глебово. Выслуживаешься? На место дедки Василья метишь? Эвон, управляло-то торопится, подбегает,— стань на задние лапки перед ним, собака, грызи, обижай своих!

Не помня себя, Шурка подскочил к Степану ближе, вложил два пальца в рот и бесстрашно, с презрением и внезапно нахлынувшей на него ненавистью глядя ему в упор в бесстыжие бельма, пронзительно свистнул. «Понятно?— спрашивал этот свист.— На́ тебе, подавись дровами! И не ворованные они вовсе, подобранные, буреломом, в снегу валялась труха, на земле. Может, еще и не в бору, а в глебовском Заполе, в лесу». Шурка свистнул еще, на новый, самый презрительный и негодующий лад, и все ребята, понимая и разделяя его состояние, засвистели (даже Катька Растрепа, бросив баб, присоединилась к мальчишкам, засвистела, как умела, а ей в новом пальто не полагалось вовсе свистеть), заулюлюкали на Степана, заскакали перед ним, показывая языки, дразнясь и кривляясь, так что тот наконец заметил их, ощерился, зарычал и замахнулся на них вожжами.

Пришлось отскочить под защиту мужиков, которые, по правде говоря, не обращали на ребят, как всегда, внимания и свист их никак не оценили, а кривлянье и подавно. Напротив, Яшке даже попало. А он и не свистел вовсе, побаиваясь хромого: как-никак, рядышком живут, попадешься ему дома, в усадьбе, еще изобьет, и заступиться некому. Невиновный вовсе Петух подвернулся ненароком под ноги Павлу Фомичеву, и тот, праведник божий, недолго думая, пнул его больно валенком.

— Не лезь, паршивец, куда не следует!

И окрысился на всех ребят:

— П-шли прочь! Ну!

А бабы, не разобрав, в чем дело, радехоньки, подхватили:

— Да гоните их, баловней, подальше от лошадей! Задавят грехом, отвечай за них, сопляков!

Ребятня отлетела к дедке Василью Апостолу. Там их прогнал сам управляющий усадьбой Платон Кузьмич, хрюкавший боровом. Ребята мешали ему пробиваться вперед и ругать деда, что тот потакает ворам. Свинячьи лопухи грозно торчали у Платона Кузьмича из-под мехового картуза. Надвигаясь на деда грудью, клетчатым летним пиджаком, застегнутым на тугом животе на одну пуговицу, подрагивая обвислыми, в щетине складками щек, он грозил Василью Апостолу, что прогонит его с места, и топал белыми поярковыми сапогами, обсоюженными хорошей желтой кожей. Отдуваясь морозным паром, сопя и хрюкая, управляло расталкивал народ, продирался к подводам, к Степану, потому что никто не давал ему нынче дороги.

Опять это было новостью для ребятни.

А по следам Платона Кузьмича уж ступала, торопилась полосатыми своими тумбами Марфа-работница, неся в охапке дорогое мохнатое пальто черной стеганой подкладкой наружу. И с крыльца лавки, с галереи торопливо покрикивал выбежавший в жилете Устин Павлыч Быков — простудится, дорогуля Платон Кузьмич,— звал обратно, в горницу, повторяя, что здоровьице дороже всего и без него, Платона Кузьмича, тут обойдутся, а чаек простынет.

Тут к народу, к подводам добежали, запыхавшись, голося, Марья Бубенец и тетка Апраксея в разных валенцах. Марья, тяжело переводя дух, утираясь концом шали, как взглянула на подводы, увидела, что тут происходит, так и замолчала. Потолкалась сзади народа, послушала, о чем кричат мужики и бабы, и, выкатив безумно глаза, почернев, заорала вдруг низким, каким-то не своим, сдавленным голосом на всю зимнюю улицу:

— Сте-епка-а, негодяй, что делаешь?! Сердце-то куда девал? Неужто, верно, продал его вместе с совестью, подлец?!

Отчего-то заплакала, повернула обратно, к дому.

А Никита Аладьин, подойдя и словно все зная и все решив про себя еще дорогой, тронул шапку, поздоровался с народом и, посмеиваясь в редкую, нитяную бороду, принялся толковать с пленным австрийцем, приятельски хлопая его легонько по плечу. Будто главным тут был не Степан с ружьем, не Платон Кузьмич, неодетый, пробившийся к подводам, а это замороженное чучело в бабьем платке.

— Ты камрад, генаша, я камрад, генаша,— весело-громко и доверительно объяснял, втолковывал Никита, ударяя согнутым пальцем в грудь то пленному, то себе, ласково подмигивая для большей понятности, должно.— Чуешь? Ну, стало, и все герры-мужики, бабы, по-вашему, фрау,— товарищи, генаши, камрады.— Он показал на народ, сызнова постучал настойчиво согнутым пальцем по голубоватой груди пленного, по нездешней тонкой шинели и по своему праздничному, расшитому цветной шерстью полушубку.— Значит, все мы — ты, я, они — камрады, товарищи. Понятно?

— Я! Я! Геноссе, камрад!.. Я! — откликнулся обрадованно пленный, и напряженно-тревожное выражение исчезло с его побледневшего лица. Весь он засиял, засветился, кивал часто кепчонкой, бабьим заиндевелым платком, даже подпрыгивал на возу, на армяке от удовольствия, что он понял, что ему говорят.— О, камрад — гут, ка-ра-шо! — с восторгом сказал он и засмеялся, бросив вожжи, похлопал в озябшие ладони.— То-ва-рыч... О! Гут!

Мужики и бабы с интересом придвинулись к Аладьину, к пленному, иные заулыбались, как-то еще больше повеселели. Уж очень всем понравилось, что австрияк учится говорить по-русски, сказал «то-ва-рыч».

— Ой, батюшки-светы, понимает ведь по-нашему! — ахала тетка Апраксея.— Обучил Никита Петрович зараз! Гляди-ко, чудо какое!

— Чего ж тут не понимать? Все люди — одного отца дети, господа милостивого нашего,— пояснил набожно Максим Фомичев и перекрестился, не утерпел.

Брат его Павел немедленно сделал то же самое трижды, чтобы все видели, что он набожнее Максима и ни в чем ему не уступает. Перекрестясь, добавил, чтобы и последнее слово осталось за ним:

— Отец один, а убиваем друг дружку... Грешно-о-то как! А ить заставляют...

— Так надо тех убивать, которые заставляют!— не стерпела, подняла кулаки над головой Минодора.— Крести-ись, а моего-то уж не вернешь! Мой-то уж не перекрестится...

Но мужики и бабы заговорили о другом, опять весело, словно забыли, по какому такому случаю оказались тут, на шоссейке, возле подвод с дровами.

— Что, земляк, в плену-то у нас лучше, чем на войне? — спрашивал дружелюбно пленного десятский Косоуров, опираясь на клюшку.— Складней? Да?

— Сказа-ал! Ха-ха-ха!.. Еще бы! — засмеялись вокруг.— И нашим бы вот так лучше, в плен идти, чем умирать!.. Да так ли у них там хорошо пленным, как у нас, может, плохо?

— Не в плен идти, а войну надо кончать,— строго сказал Аладьин, оглядываясь на народ.

— Так за чем дело стало? — накинулись бабы.— Коли всем миром вздохнуть, и царь услышит!

Им ответил за спиной Шурки кто-то из мужиков, сказав ядовито-насмешливо и знакомо-непонятно:

— Услышал в пятом году... на нашу беду. Забыли? Эх, мы-та-ри!

Шурка стремительно обернулся. Позади его стоял Ося Бешеный в ледяном рванье, с пешней в руках, с багорком и рыбацкой добычей в мешке. Лохматый, в сосулях, Катькин отец глядел исподлобья на народ, на пленного, на подводы и ухмылялся вразумительно.

— Э-эх, жить весело... да жрать нечего! — промолвил он, присаживаясь на край саней. Вся его рваная охотничья сбруя, залитая водой и замороженная, не гнулась, стояла дыбом, скрежетала, как железо. Даже лапти и онучи звенели, когда он переступал этими ледяными глыбищами. Растрепа не утерпела, тут же, при народе, сунулась к мешку смотреть, много ли наловил, набагрил отец налимов. А ведь на ней пальто какое, испачкать можно, как она этого не понимает! Нет, поняла, отошла опять к бабам. Ну, и правильно, пальто следует беречь... Второго такого счастья, наверное, не бывает в жизни. Только не надо воображать, что ты уж такая стала большая, сама прямо баба, раз в дареное пальто с лисой вырядилась. И в пальто ты все равно Катька Растрепа!

Тем временем Никита Аладьин, уронив на плечо голову, блестя темными выпуклыми глазами, обнимал австрияка, втолковывал ему ласково:

— Ну вот, камрад, теперь сообрази: дрови-

шек у народа нема́, кончились, холодище, потому рождество на дворе... А в лесу господском сухостоя прорва... Зачем ему пропадать зазря, верно?

— Я! Я! — отвечал пленный, будто он понимал Аладьина.

— Ну, так слезай, камрад, генаша, с возу, пусть с богом едут по домам! — распорядился Никита и выразительно пригласил австрийца сойти на шоссейку.

— Зэр гут! — еще больше просиял, засветился морозным солнышком пленный, должно, на самом деле поняв, что от него хотят, и живо вскочил с подводы на снег, долговязый, прозябший, принялся стучать башмаками с подковками, потирать крепко синие худые руки, весело приговаривая: — Гут!.. Гут!

— Я тебе дам гут! — захрюкал, заорал Платон Кузьмич, очутившись наконец рядом с пленным.— Ты чему его учишь? — набросился он на Аладьина, и поросячьи лопухи его и обвислые щеки налились еще больше нехорошей кровью.— Эй, разойдись! Не ваше дело! Сами разберемся! — кричал он, поправляя накинутое Марфой, сваливающееся с плеч мохнатое пальто.— Дайте дорогу подводам!.. Степан, ты чего ждешь?

Но никто не давал дороги Платону Кузьмичу, не давал дороги Степану с подводами. Смолкла Фекла, испуганно глядя на управлялу, как он спешит к ее возу и не может протолкаться. Повернул в проулок, к своей избе, Ваня Дух, пошел торопливо так, не оглядываясь. Перестал без толку суетиться и хлопать по штанам рукавицами глебовский мужичонка. Не светился больше, не кивал понятливо кепчонкой с длинным козырьком и тремя пуговками над ним австриец; он, как столб, торчал перед Платоном Кузьмичом, руки по швам, и не сводил с хозяина сумрачного, настороженно-неприязненного взгляда. Еще сильней тянула к себе узду, вырывала ее из рук Степана молодуха в шапке-ушанке, и гнедой мерин ее сызнова беспокойно рвался и пятился. А Быков не уходил с крыльца лавки и ничего уже не кричал управляющему, не пугал его простудой, сам замерзал в жилетке. Народ молча грудился и словно оттирал Платона Кузьмича и хромого Степана от подвод. Слышался один спокойный, ласковый говорок Никиты Аладьина:

— Я их всех добру учу, Платон Кузьмич. С пленным вашим маленько покалякал, а теперь вот с соседями разговариваю. Не хорошо, говорю, в чужую рощу с топором ездить. По грибы — пожалуйста, за дровами — как можно! Ай, срам какой, взаправду! Пускай гниет, валится сухостой, под ногами трещит, не ваше дело. Ломай его, жги, а трогать не смей. Вот что я им говорю. Знаем мы вас, соседушки дорогие, зна-аем: седня — сухостой к рукам прибрали, завтра — волжский луг задарма скосите, а там, глядишь, и до барского поля доберетесь... Это что же получается, Михайло Данилыч? — обратился он укоризненно к глебовскому мужичонке.— Чего нельзя, того и хочется?.. Ну нет, раз чужое взяли — извольте платить. Ничего, раскошеливайтесь, наш мужик — богач, бей его сильнее в брюхо — целковый зараз выскочит!

И не разберешь толком: или он смеется, Аладьин, себе в нитяную бороду, потешает народ, издевается над управлялом, то ли всерьез корит глебовских воровством. Ребятня переглядывалась и ничего не понимала, косилась на управлялу, на мужиков и баб.

Платон Кузьмич, хмурясь, отдуваясь, достал папиросу, спички, принялся раскуривать, и золотое обручальное кольцо на безымянном пальце, как всегда, ослепило Шурку. Он уставился на кольцо, а видел еще и рыжую щетину на толстом пальце.

— Ну, бабы-мужики, во сколько же оцените три воза гнилья? По справедливости! — обратился Аладьин к народу, и все оживились вокруг, и Платон Кузьмич, догадываясь, швырнул закуренную папиросу в снег.

А Катькин отец, отдыхая на краю саней, с интересом разглядывал топор, который он выдернул из жердей. Он потрогал лезвие, повер-

тел топор в руках и громко, непонятно сказал невпопад:

— Без дела и топор ржавеет!

— Что-о? — зарычал, круто обернулся к нему Платон Кузьмич.

— А то... ничего нельзя, а все можно,— загадочно ответил Ося Бешеный и дико захохотал, поднялся с саней и, громыхая рваньем, пошел с топором на Платона Кузьмича.

Тот побледнел, попятился.

— Что ты?! Что ты?!

Но дядя Ося уже швырнул топор на воз. Он мычал, бормотал, как обычно, свое, непонятно-безумное, давал всем нюхать кукиш.

— Чем пахнет? Гляди-и!.. Эх, мы-та-ри!

Собрал рыбацкое добро, косолапо, с треском и звоном затопал к мосту, к дому.

А Никита все смеялся, разговаривая про дрова, точно он не видел Оси Бешеного с топором.

— Назначай цену! Как скажете, так и будет! — говорил Никита.

— Да вместе с хозяевами из усадьбы — трешница, больше не стоит! — крикнул Косоуров.

— Дешево, ребята,— покачал головой Аладьин.— Из одного Платона Кузьмича сажень дров напилишь и наколешь!

Вот когда грохнул гром среди зимнего дня! Хохотали оглушительно бабы и мужики, верещали, свистели ребята, дед Василий Апостол прикрыл варежкой рот, тряслась его сивая борода, даже что-то дрогнуло на каменнозлом, багровом лице глебовской молодухи. Сердито орал, брызгая слюной, управляло, хрюкал, не разберешь чего, Степану, тот даял в ответ, кидался, как с цепи рвался, к саням и лошадям, двустволка-шомполка болталась у него на ремне за спиной, мешала, а мужики и бабы, теснясь, двигаясь оранжево-огненной стеной, оттирали со смехом Степана и Платона Кузьмича все дальше от подвод с дровами. И голубым столбом торчал на шоссейке пленный австриец, таращась, хлопая изумленно белыми от стужи ресницами.

А мужики и бабы с хохотом, наперебой выкрикивали всякое, и Шурке казалось: это говорит-гремит опять многоглазый, разнолицый человек-великан, и нет ему нынче удержу. Очнувшись, поднимается он с примятого молодого снега, поводит сызнова, в который раз, богатырскими плечами, распрямляется, хлопает рукавицами, притоптывает валенками — хорошо, весело ему на морозе, на красном солнышке, на светлом снегу. Потому он и не гневается, как прежде, а смеется. Но от этого смеха корчится управляло, точно на огне горит.

— Не шуми, Платон свет Кузьмич! Это нам надо-тка шуметь, вон как в Питере, окна в магазинах бить! Ха-ха-ха!.. А что, братцы, в самом деле, пойдем выставим дверь в лавке Устина, может, найдем, чем Христа пославить? Да ему самому согреться нечем, звон в жилетке на крыльце мерзнет! Хо-хо-хо!.. Все ваши порядки, Платон Кузьмич, гниют, валятся, как сухостой, слава тебе... Война! С кем — вот вопрос... Смотри-и, Кузьмич, полетят стекла в барском доме, убирайся, пока цел, пока мы седня до-обрые... О-ой, ой, ой, матушки! Уморили!.. А то ведь на Волге, в проруби, можно очутиться... как в Мойке. Один уж там, чу, утонул!.. Вот бы сунуть в эту самую Мойку али в Неву, пес знает куда, в прорубь вместе с Распутой его полюбовницу, немку, да и муженька ее, пьянчужку, заодно!.. Га-а, га-а-а!.. Возьми нас на прокорм, чем мы хуже австрияков, мы тоже пленные. Корми досыта, будем рощу твою сторожить. Вот уж когда полена никто не возьмет, доход-то какой!.. Как Ося ноне сказал про топор? Хи-хи-хи! А что, не так разве, бабы? Нет, точно, железо ржавеет, коли без толку валяется. От пашни, от по́та лемех блестит, не от земли... Погодите, мужики-бабы, и до нее, матушки, черед дойдет!.. И-эх! До-бе-рем-си-и-и!.. Верно, Ося, умница, ноне баял; бешеный, а правду сказал: ничего нельзя, а все можно... С то-по-ром! Ох-ха-ха-а!

— Ворона, где подводы? Прозевал! — толкнул Шурку радостно в бок Яшка Петух и запелзасвистел в самое ухо.

Шурка опомнился, огляделся.

Подвод с дровами на шоссейке у моста не было...

Цветы — поэту

Чарльз СНОУ

День рождения Шекспира, ежегодно празднуемый в Стратфорде-на-Эйвоне, — пожалуй, самое непринужденное выражение любви и благодарности великому поэту. Представьте себе ясный весенний день: распустились желтые нарциссы и примулы, деревья в цвету. Позади красного кирпичного театра величаво скользят по реке лебеди, и вслед за каждым ложится на воду серебряная стрела. От берега, вдоль Бридж-стрит, ведущей в город, высятся пока еще голые флагштоки; вскоре на них взовьются стяги многих стран. Часы показывают половину третьего. Большая толпа гостей и горожан уже собралась у стен театра, люди сходятся группами на тротуарах Бридж-стрит и Хэнли-стрит, где родился поэт.

В здании театра заканчивается официальный праздничный завтрак, там мэр и члены муниципалитета Стратфорда, местные знатные люди, представители Шекспировского фонда, научных и культурных организаций, актеры и актрисы, дипломаты.

Шекспировский вымпел — черное копье на желтом фоне с почти ироническим девизом «Не без права» — развевается над театром, над домом, где родился поэт, над муниципалитетом, над строящимися домами на Новой площади. Улицы тоже подернуты разными тонами желтого — у большинства гостей в руках букеты весенних цветов, нарциссов, жонкилей, у школьников преобладают фиалки и примулы.

Воздух насыщен радостным ожиданием. Здесь ничего не устраивалось заранее, исключая разве официальную процессию, которая скоро выйдет из дверей театра; горожане и приезжие готовятся по-своему выразить признательность великому поэту за всю ту радость, которую он дарит им, как дарил их предкам четыре столетия назад.

Шекспировский фонтан — не очень высокое произведение искусства, но чем-то он вызывает теплое чувство, со статуей поэта на вершине и фигурами Генриха IV, Фальстафа, Гамлета и леди Макбет по углам; его окружает густая толпа туристов. Моторные лодки пыхтят на Эйвоне — у прибрежных ив, под старым мостом, у крикетных площадок, за островом, где приют лебедей.

Но вот процессия выходит из театра. Поют трубы горнистов. Солнце сверкает на золоченых цепях официальных лиц, на жезлах, которые несут перед мэром и олдермэнами. Послы шествуют в полнейшем единстве, вселяющем надежду в сердца всех людей, ибо Шекспир обращался ко всем людям и до всех доходил его голос. Идут актеры, их знают в лицо многие; куда ни глянь — цветы. Процессия растягивается вдоль прибрежных садов, вначале это сверкающий красками и золотом поток, но чем дальше, тем больше в него вливается ручейков простых горожан — и вот уже течет целая река. Первый посол подходит к флагштоку, он поднимает флаг своей страны, и полотнище трепещет в ярком весеннем воздухе. За первым флагом взлетает второй, и скоро флаги почти всех стран планеты сверкают на Бридж-стрит пестрой радугой красок.

Толпы людей устремляются на Хэнли-стрит — процессия должна пройти мимо дома, где появился на свет Шекспир. Человеческая река течет и течет — теперь уже по окраине Новой площади, к муниципалитету, вверх, мимо тенистого кладбища, в церковь — возложить цветы на могилу, которая уже превратилась в огромный цветущий холм.

На это как бы несколько свысока глядит знаменитый стратфордский бюст Шекспира. Некоторых посетителей это изваяние разочаровывает. Оно сделано руками мастера, но изображает дородного лысого человека, с округлыми щеками и острым носом. Позвольте, разве может так выглядеть поэт? Поэтам — так считают некоторые — полагается иметь внешность Шелли, Байрона, Лермонтова. Но Шекспир был не только величайшим поэтом: он был драматургом, актером, антрепренером, дельцом, собственником. Взгляните же на стратфордский бюст и представьте себе на этом лице пару живых карих глаз. Разве все это, вместе взятое, не есть НАШ Шекспир?

Шекспировский день — очень английский праздник; но если бы все сводилось лишь к этому, он не волновал бы людей многих стран. Гений Шекспира так велик, что он принадлежит всем — это и ВАШ Шекспир.

Сам Стратфорд, в общем, сохранил свой облик, но окружающая его сельская местность сильно застраивается, и сегодня, проезжая по дороге, по которой молодой Шекспир в 80-х годах шестнадцатого века направлялся свататься в Шоттери, уже трудно представить себе эти поля такими, какими видел их он:

Среди полей обширных ржи
Живет чудесный сельский люд...

Вспоминая эти строки, мы уже вынуждены бормотать их про себя: направо — большая современная школа, вся из стекла и бетона, налево — ряды домов не весьма высоких архитектурных достоинств. И дело тут не в сентиментальности: Стратфорд, пожалуй, не так захватывал бы нас, если бы он целиком остался музеем. Мы заняты сейчас реставрацией «Круглого театра» в том виде, каким, нам кажется, он был в шекспировские времена. Но я невольно думаю, что если бы призрак Шекспира сидел среди нас на юбилейном представлении в этом театре, то это был бы невероятно взбудораженный призрак, с широко раскрытыми глазами, зачарованно следящими за современными сценическими эффектами, за театральной аппаратурой, уже прикидывающий, как бы использовать новые чудеса в очередной, еще не написанной пьесе.

Он был человеком своей эпохи. Но он был и остается современным. Мы это ощущаем всем своим существом. Вот почему, говоря словами Броунинга, Мильтон был С НАМИ, Бэрнс и Шелли были ЗА НАС, а Шекспир — это МЫ САМИ.

Мы ощущаем это каждый год в день 23 апреля в Стратфорде-на-Эйвоне, когда с благодарностью несем дары весны к его неувядающей могиле.

Перевел Л. Чернявский.

Стратфорд

Город Стратфорд расположен на берегу реки Эйвон. Во времена Шекспира это был совсем маленький городок, население которого едва насчитывало две тысячи жителей.

Дома здесь были крыты черепицей, а многие соломой и камышом. Около каждого были разбиты садики. Окрестности Стратфорда утопали в зелени.

Шекспир родился и провел свои детские годы в доме на Хэнли-стрит. Сейчас в этом здании размещен литературный музей, где хранится коллекция книг, рукописей, картин шекспировского времени. Но три комнаты сохраняются как мемориальные: гостиная, кухня и та, где, по преданию, родился Шекспир. В этой комнате стоит кровать и тумбочка — подлинные вещи XVI века. Здесь низкий неровный потолок, причудливый камин из камня и кирпича. В саду вокруг дома деревья, цветы, упоминающиеся в произведениях драматурга.

Шекспир учился в местной, так называемой грамматической школе. Это — длинное здание, примыкающее к часовне. На верхнем этаже в большой классной комнате, повидимому, занимался вместе с другими и маленький Вильям. Внизу же, в длинном помещении — месте собрания гильдии ремесленников, выступали обычно актерские труппы, приезжавшие в Стратфорд. Возможно, что там будущий драматург впервые увидел театральные представления.

Шекспир приобрел на углу Чепел-стрит и Чепел-Лайн один из самых больших домов в Стратфорде. В этом так называемом «Новом месте» он провел последние годы своей жизни по возвращении в Стратфорд. Здесь и умер. Сейчас можно видеть фундамент этого дома, окруженный прекрасным садом.

На берегу реки Эйвон расположена церковь святой троицы, где Шекспира крестили. В алтаре церкви находится его могила и памятник. На могиле начертаны строки, заклинающие не трогать праха писателя. В те далекие времена выкапывали останки умерших, чтобы освободить место для новых покойников.

В 1769 году великий английский актер Гаррик организовал в Стратфорде первый театральный фестиваль в честь Шекспира. А через 110 лет здесь открылся мемориальный театр, именуемый сейчас Королевским шекспировским театром.

А. ШТЕЙН

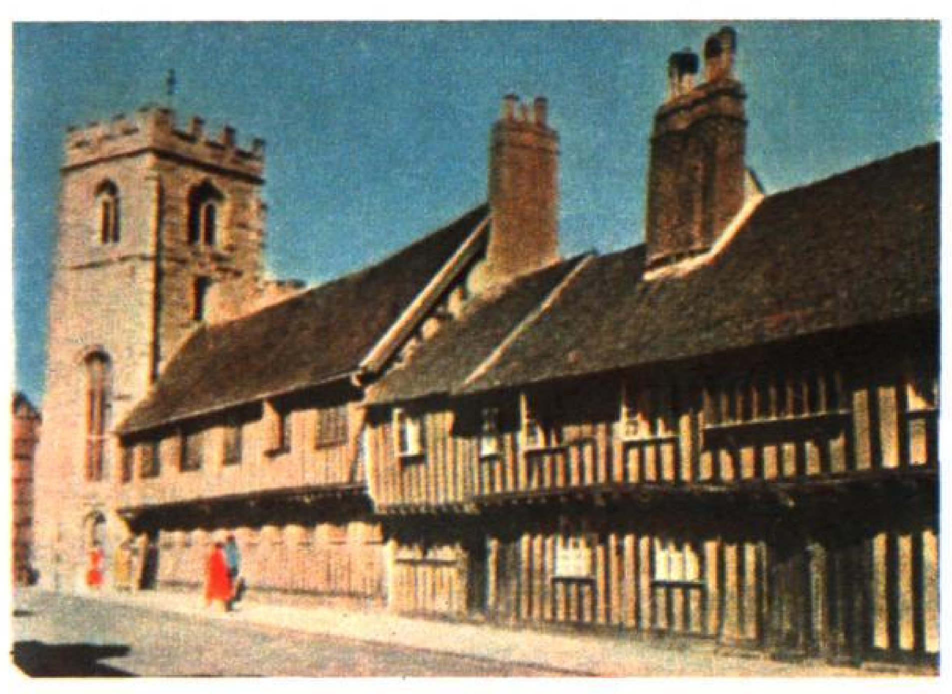

Дом, где родился Шекспир.

Комната, в которой родился великий драматург.

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Стратфордская грамматическая школа

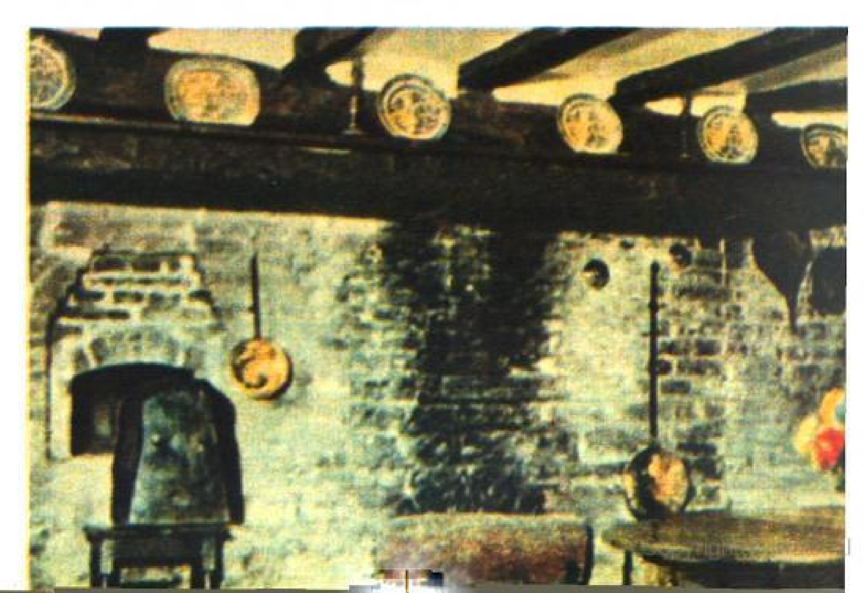
Здесь до замужества жила Энн Хэсуэй, жена Шекспира.

1564—1964

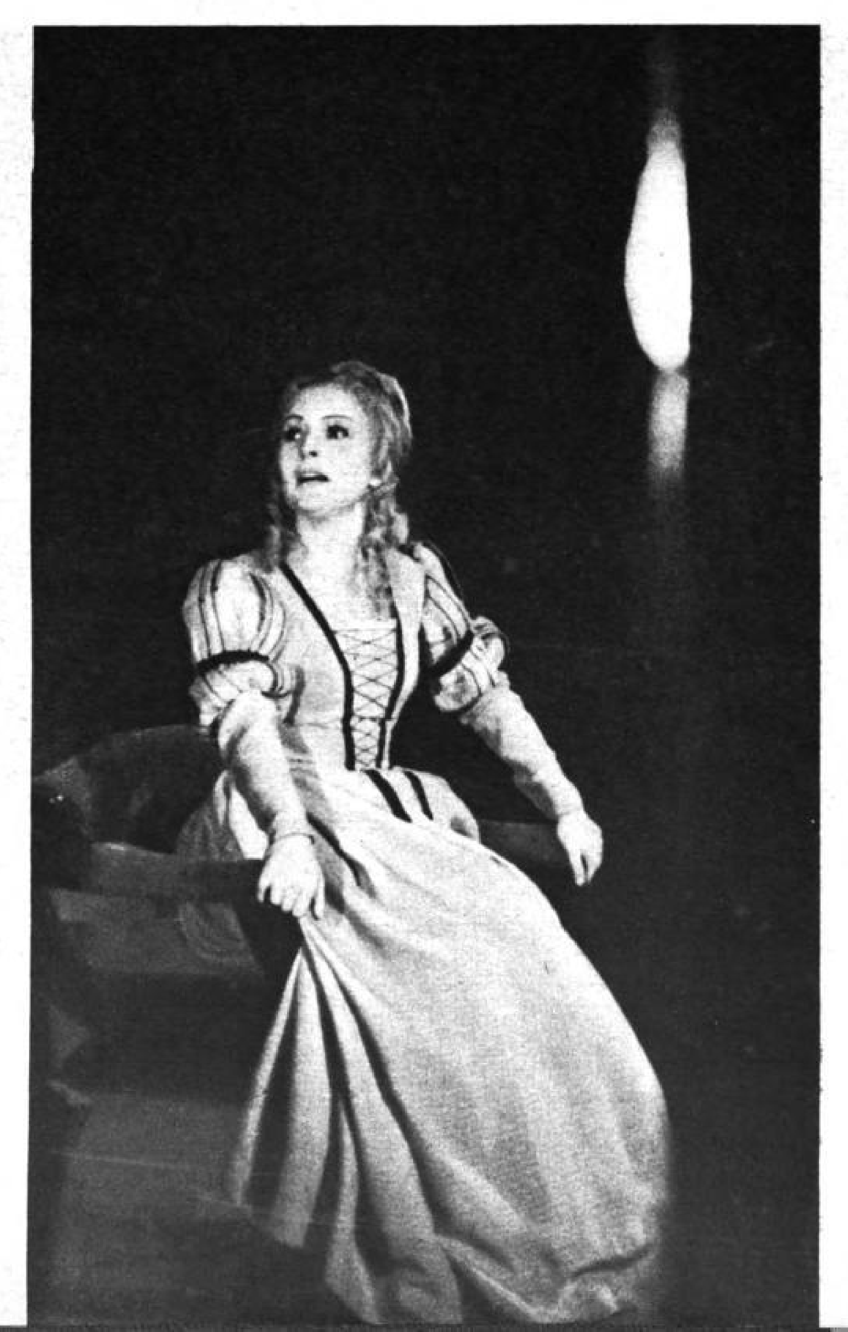
Фундамент дома, где Шекспир жил в последние годы

Одна из комнат дома Энн Хэсуэй.

Зеркало природы

Сегодня мы публикуем с небольшими сокращениями одну из статей крупнейшего советского шекспироведа, которая при жизни ученого была известна небольшому кругу читателей.

М. МОРОЗОВ

Зарубежные шекспироведы, зная о единстве шекспироведения и театра в нашей стране, испытывают нечто близкое чувству зависти, ибо у них продолжает существовать глубокая вековая пропасть, отделяющая друг от друга шекспироведение и театр.

Когда говорят о зарубежных шекспироведах прошлого века, перед нами возникает образ важного старца, работающего только в тиши своего кабинета. Он редко зайдет в театр посмотреть актеров в шекспировских ролях. А когда зайдет, то в течение всего спектакля на его губах будет играть чуть заметная снисходительная улыбка. С другой стороны, какое дело театральным «звездам», срывающим аплодисменты публики, до мнений этого ученого-педанта?!.

Конечно, тут бывали исключения. Какая-нибудь знаменитая актриса, сидя за чашкой чая с профессором, беседовала с ним о шекспировской роли. На следующий день она вносила в свое исполнение новые черты, а доверчивая критика восхищалась гениальной «интуицией».

В России дело обстояло иначе. Недаром В. Г. Белинский сочетал в своей знаменитой статье литературный анализ трагедии Шекспира с описанием актерского исполнения роли Гамлета. В 70—80-х годах прошлого века главными пропагандистами Шекспира на русской провинциальной сцене были студенты. И не только пропагандистами. Они, как это, например, видно из творческой биографии замечательного русского шекспировского актера М. Т. Иванова-Козельского, подробно консультировали актеров, сообщая им выводы шекспироведческих работ. Близок к театру был выдающийся русский шекспировед, профессор Московского университета Н. И. Стороженко. И все же лишь в советское время — уже не отдельными учеными или актерами, но общими усилиями тех и других — стал строиться широкий и прочный мост, соединяющий две столь, казалось бы, чуждые друг другу области.

Присматриваясь к постановкам пьес Шекспира на советской сцене, нетрудно заметить, что режиссеры и актеры все глубже и тщательней изучают смысловую сторону текста, стараясь до конца разобраться в каждой детали... Отелло, убив Дездемону, узнал, что она невинна. Он плачет. Согласно старым переводам, он сравнивает свои слезы с быстротекущей смолой аравийских деревьев, то есть будто бы говорит об обилии слез. На самом же деле Отелло сравнивает эти слезы с «целебной миррой аравийских деревьев». Это значит, что он плачет слезами счастья, он охвачен неизъяснимой радостью: Дездемона невинна! Исчезла мрачная мысль, витавшая над его душой, «как ворон над зачумленным домом». Эта деталь по-иному освещает всю сцену, придает ей иную «тональность»; тут не только отчаяние и скорбь, но и великое счастье. Конечно, режиссер и актер вправе не считаться с этой деталью, пройти мимо нее, но знать о ней они должны. Чем обширней такого рода знание, тем богаче, многокрасочнее режиссерская и актерская палитра.

Трагедию о венецианском мавре искони толковали исключительно как трагедию ревности. В гармонию «цивилизованного» венецианского общества врывался чернокожий дикарь и, бешено ревнуя, душил свою несчастную жертву. Мораль ясна: не выходи замуж за чернокожего! Вообще брак Отелло и Дездемоны был многим не по вкусу. Недаром во французской переделке Дюсиса (XVIII век) они лишь жених и невеста. В прошлом веке в Америке даже нашелся комментатор, который совершенно серьезно доказывал, что Отелло вовсе не чернокожий африканец. Это Мери Престон, которая в 1868 году писала, что черный цвет кожи Отелло — случайная «игра фантазии» Шекспира. По мнению комментатора, подобная «фантазия» является «единственным изъяном в остальном безупречной пьесы». «Отелло — белокожий»,—с упрямством повторяла Мери Престон.

Советский театр поднял великую трагедию на небывалую высоту, разгадав в ней прежде всего восхваление любви чернокожего военачальника и венецианки как утверждение гениальным гуманистом **природного равенства людей.**

По сделанным нами подсчетам, эпитет «свободная» чаще, чем к кому-нибудь из других персонажей Шекспира, применяется к Дездемоне. И не случайно. Дездемона как бы вырывалась на свободу из тенет тех общественных отношений, в которых она воспитывалась и хранителем которых является угрюмый Брабанцио. Отелло и Дездемона наслаждаются счастьем на солнечном Кипре. Но окружающий их мир не может терпеть этого счастья и выделяет из себя — как свою злую квинтэссенцию — хищника Яго. Под воздействием хищника и гибнет Отелло, жертва Яго и своей доверчивости. «Отелло от природы не ревнив — напротив, он доверчив»,— заметил Пушкин. Эти проникновенные слова могут быть поставлены эпиграфом ко всей работе советского театра над «Отелло».

Советский театр создал здесь замечательную галерею образов. Напомним таких исполнителей роли, как А. А. Остужев — в Москве, Ю. М. Юрьев — в Ленинграде, А. А. Хорава — в Тбилиси, Г. Нерсесян и Г. Джанибекян — в Армении, В. Тхапсаев — в Северной Осетии, Абрар Хидоятов — в Узбекистане, М. Касымов — в Таджикистане. Даже представитель школы, кажущейся теперь старинной, Ваграм Папазян, блестящий мастер «немых сцен», согрел «традиционную» концепцию ревности светом гуманистического толкования, ибо, пользуясь словами самого Папазяна, его Отелло «требует своей доли счастья под солнцем».

Из режиссерских работ особо выделяется созданный Ю. А. Завадским стройный, продуманный спектакль, в котором роль Отелло играет Н. Д. Мордвинов. Постановка принадлежит к выдающимся достижениям советского театра, раскрывающим шекспировское произведение через ансамбль.

Были, конечно, отдельные черты гуманистического истолкования образа и у Сальвини. И все же в целом движение образа в исполнении Сальвини напоминало, по словам Станиславского, «лестницу, по которой Отелло спускается в адское пекло своей ревности». В сцене убийства, как рассказывает Аполлон Григорьев, Сальвини подходил к постели Дездемоны «...тихой походкой тигра. Все тут было: и язвительное воспоминание многих блаженных ночей, и сладострастие африканца, и жажда мщения, жажда крови».

К иному, гуманистическому истолкованию образа стремился проникновенный и мудрый знаток Шекспира А. П. Ленский, хотя в силу его актерских данных эта роль не могла ему быть близкой.

Все эти отдельные черты характера Отелло были как бы суммированы и нашли дальнейшее развитие в образе действительно «благородного мавра», созданном советским театром. И это тем более существенно, что истолкование произведений Шекспира является не только академической проблемой, но и полем идейной борьбы.

Конечно, и за рубежом можно найти в работе театра над Шекспиром много положительных фактов. Упомяну хотя бы исполнение Отелло великолепным негритянским трагиком и знаменитым исполнителем негритянских песен Полем Робсоном. Его толкование роли очень близко советскому театру.

Однако над мировым шекспироведением и мировым театром дуют не только добрые ветры. На страницах зарубежных книг и статей, посвященных Шекспиру, мелькает мрачная фигура кровожадного ревнивца, существа «низшей расы», носящего в себе семена собственного разрушения. И вместе с тем все более безобидным кажется «честный Яго».

Работа советского театра над Шекспиром приобретает, таким образом, глубоко принципиальное значение в общей картине мирового театра. И тут помощницей советского театра становится такая, казалось бы, далекая от жизни, такая специальная наука, как аналитическая текстология.

Точный анализ расшифровывает слова Отелло в его последнем и,

ШЕКСПИР В РЯЗАНИ

Шекспира ставят во множестве наших городов. А пройдет еще какое-то время, и журналисты будут привычно дописывать: и во множестве сел; я думаю об этом с завистью, так как в селах Шекспира пока еще нет. Хотя сильные народные театры — любительские, самодеятельные — уже принимаются осмысливать шекспировские творения; многие из них связаны прочной дружбой с сельскими клубами.

Удивимся же этому, вспомнив слова Чернышевского, восхищенно утверждавшего, что «понимать Шекспира — значит чувствовать в себе непреодолимый позыв к самостоятельному творчеству, быть чуждым всякой мысли о подражании кому бы то ни было, хотя бы и самому Шекспиру». Вот ведь что!

Ежевечерне в театрах страны очарованно затихают зрительные залы. Герои Шекспира выходят навстречу людям, открывшим в себе способность к самостоятельному творчеству, научившимся «понимать Шекспира».

Невольно связываешь в мыслях своих две совпавшие нынче даты: шекспировский юбилей пришелся в день рождения В. И. Ленина.

И пророческие слова Ильича, сказавшего в январе 1918 года с трибуны III съезда Советов, что «все завоевания культуры станут общенародным достоянием», предстают теснейше связанными с еще одной, новой — рязанской — страничкой в необозримой советской Шекспириане...

Н. ТОЛЧЕНОВА

НА ВКЛАДКЕ: «Ромео и Джульетта» в Рязанском драмтеатре. Постановка М. Ляшенко, художник В. Иванов. Джульетта — Л. Кутькина, Ромео — О. Бордзиловский.

Фото Д. Ухтомского.

Отелло — Ахмат Шамиев. Уйгурский музыкально-драматический театр.

Калининский театр драмы. «Мера за меру». Изабелла — Л. Борисова.

Отелло — Н. Мордвинов.

Свердловск. Сцена из спектакля «Антоний и Клеопатра».

так сказать, «объяснительном» монологе следующим образом:

— О том (Отелло говорит о себе.— М. М.), кто не легко ревнив, но, когда воздействовали на него, дошел до крайнего смятения чувств.

Следовательно, Отелло сам говорит о себе здесь как об объекте **воздействия**. В подлиннике глагол стоит в страдательном залоге. Тем самым он указывает как на виновника всех зол на Яго, жертвой которого является Отелло. Здесь сам Шекспир решительно отрицает, что мавр ревнив «от природы». Наоборот, Отелло говорит: «...не легко ревнив».

Так анализ текста Шекспира оказывается **союзником** советского театра.

Советский театр и советское шекспироведение идут рука об руку не только в области смыслового раскрытия шекспировских текстов. Немаловажное значение приобретает, например, и проблема разночтений. Несколько лет назад один из наших национальных театров поставил «Короля Лира». Спектакль кончался смертью старого короля. Завершающие трагедию слова герцога Альбанского были опущены. Режиссер рассуждал примерно следующим образом: действие закончилось, к чему ж тут слова какого-то герцога, не игравшего никакой существенной роли в трагедии? Слова эти неизбежно будут заглушены топотом ног, когда публика заспешит к вешалкам.

Режиссер не знал, что действие еще не закончилось. Дело в том, что тут имеются два разночтения. Согласно одному, финальные слова произносит герцог Альбанский; согласно другому, их произносит Эдгар, и это наиболее достоверно.

В. М. Бебутов — первый режиссер, отдавший эти слова Эдгару в своей постановке «Короля Лира» в Татарском академическом театре в Казани. Он достиг этим двойного результата. Во-первых, эволюция образа Эдгара получила логическое завершение. Эдгар, в начале трагедии «гуляка праздный», в конце трагедии предстает светлым рыцарем, победителем коварного брата, и становится правителем государства. Во-вторых, что особенно важно, спектакль завершается триумфом **положительного** лица. Последний аккорд приобретает мажорное, жизнеутверждающее звучание.

Не меньшую роль играет и та область шекспироведения, которая изучает стилевые особенности произведения Шекспира. Ограничусь одним примером. Режиссеры, ставящие «Ромео и Джульетту», не раз задумывались над тем, какова любовь Ромео к Розалине и для чего вообще нужно упоминание о ней в общей композиции трагедии. Стилистический анализ показывает, что все слова Ромео, относящиеся к его первой любви, до крайности выспренни и риторичны и что, следовательно, самая эта влюбленность является, если можно так выразиться, «риторичной». Это — **поверхностное**, легкое чувство. Для того оно и нужно в трагедии, чтобы **по контрасту оттенить** подлинное, серьезное чувство к Джульетте. В одном из своих монологов в начале трагедии Ромео говорит: «Увы! Любовь, у которой завязаны глаза, без зрения находит путь к своей цели. Где мы будем обедать? О, горе!» и т. д. Это «Где мы будем обедать?» великолепно! В неожиданном вопросе, прерывающем поток пышной риторики, заключен весь Ромео, каким он является в начале пьесы, юный и беспечный, веселый друг веселого Меркуцио.

Заметить все эти детали, из которых слагается целое, не так просто.

Еще не так давно, например, мы видели Озрика в «Гамлете» в облике какого-то глупенького порхающего существа с усиками и в пестрой одежде. И лишь совсем недавно шекспироведы обратили внимание на следующую фразу умирающего Лаэрта: «Я, как вальдшнеп, попался в собственные силки, Озрик».

Отсюда само собой напрашивается заключение, что Озрик был посвящен в тайну Лаэрта, в заговор отравленной шпаги... Клавдий посылает Озрика звать Гамлета на поединок. Озрик является судьей на поединке, а следовательно, наблюдает и за выбором шпаги. Там перед нами вырисовывается мрачная фигура легкомысленного на вид придворного; это один из приспешников Клавдия. Увеличивается число тайных врагов Гамлета, еще более оттеняя образ принца датского на фоне мрачного Эльсинора и придавая определенное значение общей идейно-художественной композиции пьесы и спектакля.

Проблема динамики шекспировских образов с каждым годом привлекает все более пристальное внимание шекспироведов. Джульетта из девочки, которую кормилица зовет «овечкой» и «божьей коровкой», вырастает на наших глазах в героиню. Ромео из юноши, томно вздыхающего о Розалине, становится взрослым человеком. Гамлет во втором акте говорит о своей слабости, а в четвертом — что у него есть «воля и сила».

Отжили свой век «статические» литературные портреты шекспировских героев. И никого теперь уже не удовлетворит простое перечисление разнообразных черт их многосторонних характеров. Образы, созданные Шекспиром, должны рассматриваться в свете их **динамического развития**. И относится это не только к отдельным образам, но и к целым произведениям.

...Созданные советским театром образы героев Шекспира не являются абстракциями, существующими вне времени и пространства. Они отличаются предельной конкретностью. Вместо душных тупиков «психоанализа», где бродят измученные «комплексами», искаженные тени шекспировских героев, вместо холодной пустоты тех «новейших» зарубежных «теорий», которые не хотят видеть в великом реалисте создателя галереи живых человеческих портретов и превращают его в изощренного «драматического поэта», а все творчество его в какой-то пестрый узор, решительно ничего не обозначающий,— перед советским шекспироведением и советским театром, пользуясь словами самого великого писателя, творчество его предстает как «зеркало природы».

Все чище, глубже и светлей отражается в нем жизнь — от тех дней, когда жил Шекспир и когда давал свои спектакли театр «Глобус», до нашего времени.

Отелло — В. Чабукиани.

Макбет — Тито Гобби

Отелло — А. Хорава.

Король Лир — М. Касымов. Таджикский театр имени Лахути.

«Ромео и Джульетта» с М. Бабановой.

«Много шума из ничего». Сцена из спектакля Вахтанговского театра.

Отелло — А. Остужев.

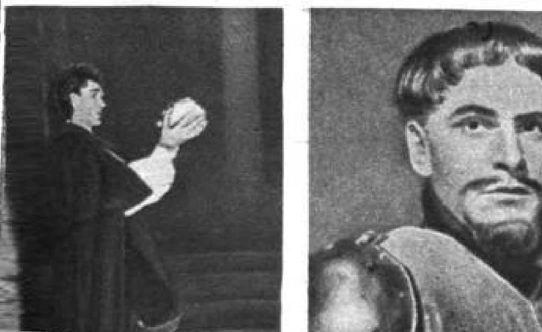
«Ричард III» в Горьковском театре драмы; в заглавной роли — В. Самойлов.

Гамлет — А. Ленский.

Гамлет — Пол Скофилд. Генрих IV — Лоуренс Оливье. Отелло — А. Южин.

АФИШИ СТАРЫЕ И НОВЫЕ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР, созданный в Лондоне осенью 1963 года, открыл свой первый сезон «Гамлетом». В заглавной роли выступает известный актер Питер О'Тул, а Клавдия играет знакомый советскому зрителю талантливый Майкл Редгрейв. Английская критика, привлеченная таким созвездием имен, отмечает, однако, некоторую перегруженность деталями в постановке директора театра Лоуренса Оливье. Быть может, не обязательно Полонию скрываться в маске Гамлета в сцене мышеловки. О'Тул играет Гамлета слишком трогательным и беззащитным. Однако бесспорной удачей спектакля англичане признают трактовку роли Клавдия Майклом Редгрейвом.

САРА БЕРНАР — великая трагедийная актриса — пробовала свои силы в роли Гамлета в возрасте 55 лет. Злые языки той эпохи говорили, что в исполнении «божественной Бернар» Гамлет был с ног до головы... благородной дамой!

ТАЙРОН ГАТРИ, известный американский режиссер, основал в прошлом году свой театр в Миннеаполисе. Гатри, как и Оливье, начал с постановки «Гамлета». Режиссерские новаторские поиски Гатри давно уже являются предметом яростных споров критики и публики. Гатри считает, что в пьесах Шекспира нужно прежде всего искать ситуации, мысли, конфликты, созвучные современности. Гамлет у Гатри движется по сцене-арене, воздвигнутой посреди зрительного зала, в костюме 20-х годов нашего века. Это здоровый, искренний, наделенный чувством юмора юноша, обдумывающий свой конфликт с благовоспитанным, ханжеским обществом. В сцене поединка Гертруда, наблюдая за ходом боя, потягивает коктейль.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ВУНДЕРКИНДЫ почти все включали в свой репертуар Шекспира. Мальчик Бетти играл Гамлета в 1805 году в возрасте 12 лет и пользовался огромным успехом. Увлечение Бетти было своего рода национальной эпидемией: толпа, рвавшаяся посмотреть его Гамлета, наносила друг другу увечья из-за мест. Бетти покровительствовала королевская фамилия; его именем называлось буквально все — от отелей до скаковых лошадей. Правда, увлечение это длилось всего один год; кончил Бетти свою карьеру посредственным, малоизвестным актером.

ВЕЛИКИЙ ГРАЖДАНИН БРУТ

«Он человеком был» — говорит Антоний о Бруте. И слова эти точно характеризуют образ Брута в исполнении Ш. Бурханова.

Трагедию Шекспира «Юлий Цезарь» на сцене Кремлевского театра показал москвичам Узбекский театр драмы имени Хамзы. Человеком высочайшего ума и несгибаемой воли предстал Юлий Цезарь — народный артист УзССР К. Ходжаев.

Когда опустился занавес, главный режиссер театра А. Гинзбург, он же постановщик спектакля, рассказал:

— Эта трагедия, очень трудная для постановки, не шла почти полвека. Последними ее ставили мхатовцы в 1904 году. Нас она привлекла своей гражданственностью. «Великий гражданин Брут» — таков наш замысел.

Брут — народный артист СССР Ш. Бурханов.
Порция — заслуженная артистка УзССР — Я. Абдуллаева.

Фото М. Радина.

АЛЕКСАНДР II «ОТМЕНЯЕТ»...

Сто лет назад в одном из тихих арбатских переулков силами кружка любителей драматического искусства исполнялся написанный к этому дню «Апофеоз Шекспира». Действующими лицами были известные шекспировские персонажи Джульетта и Ведьма (из «Макбета»). Как же удивились зрители, когда в образе зловещей старухи, предрекавшей несчастье юной Джульетте и всему роду человеческому, они узнали маститого профессора С. А. Юрьева — известного театрального деятеля и заявзятого «шекспириста»! Автором пьесы был талантливый театральный критик того времени Александр Боженов, страстный пропагандист произведений великого поэта на русской сцене.

В чиновном Петербурге память Шекспира почтило только Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым.

Намечавшийся торжественный вечер в стенах Александринского театра был неожиданно отменен по «высочайшему повелению»: Александр II счел неудобным чествование памяти «иностранного писателя» в помещении императорского театра.

Литературно-музыкальный вечер, проведенный Обществом в специально нанятом для этого зале, оставил у присутствующих тягостное впечатление. Как писал очевидец, «празднество можно считать вполне неудавшимся... Публики почти совсем не было... Нам казалось, что и сам Великий Вилиям с высоты своего пьедестала как-то конфузливо и недовольно смотрел через оркестр в пустую залу».

Мих. ЗИЛОВ

Моя Джульетта

Г. УЛАНОВА

Это было давно, еще в годы моего ученичества.

Я шла по набережной Невы и повторяла врезавшиеся в память слова одного из моих учителей: в балете можно танцевать и стихи и прозу, в балете можно передать и самого Шекспира!

Танцевать Шекспира? Какая невероятная, почти недосягаемая мечта! И все-таки я верила в нее.

Шли годы. Я выступила в «Шопениане», «Лебедином», «Жизели»...

Наконец, в моих руках партитура балета С. Прокофьева «Ромео и Джульетта». Звучит тихая, светлая, как бы отдаленная во времени тема Джульетты. Я слышу ее, но на душе смутно, неуверенно. Ведь это впервые большая литература приходит в искусство танца — одно из самых условных искусств. Правда, уже поставлены «Утраченные иллюзии» по мотивам Бальзака, но это только подступы в поисках бо́льших возможностей выражения мысли и характера языком балета. А здесь — исполненные великих страстей, душевной сложности и многогранности действенные герои великого драматурга. Их знают все, и у всех о них свое представление...

Как хотите, это почти парадоксально — танцевать Шекспира!..

Я начинаю работать, и передо мной открывается новый мир. Нередко в оперных и драматических трактовках Дездемона, Джульетта, Офелия прочитываются как образы женщин, прелестных в своем чувстве и... слабых. Их имена стали даже синонимами любви, покорности, нежности. А ведь в их характере — и протестующая властность и неисчерпаемая, несокрушимая женская убежденность в своем праве на счастье. Сколько разных красок! У Шекспира нет слабых героев: в душе каждого будто дремлет вулкан; их ум, страсть, энергия поистине титаничны.

Я и теперь так думаю. И сожалею, что не успела воплотить на сцене ни Дездемону, ни Офелию.

...И вот после долгих репетиций, когда танцевальный язык уже усвоен и технически чувствуешь себя свободной, начинаются поиски образа Джульетты.

Я искала в движениях, в пластике кратчайшие ходы от чувства к мысли. И шекспировский текст будил вдохновение:

> ...Столь легкая нога
> Еще по этим плитам
> не ступала.
> Влюбленный дух, наверно,
> невесом,
> Как нити паутины бабьим
> летом...

Мое мироощущение, мое понимание сегодняшней жизни должны были подсказать мне те краски, те черточки, которые вдруг оживили бы Джульетту не только для зрителя, но и для меня. Ведь в искусстве искренность — одно из главных условий творчества.

После занятий в репетиционном зале и работы на сцене я иногда — это бывало вечерами или в минуты отдыха — закрывала глаза и мысленно повторяла только что сделанное. Видела каждую сцену, каждое па. Я старалась будить свою фантазию. Джульетта представлялась живой: поначалу застенчивой и неловкой, потом самоуглубленной, победительно прекрасной. В ее женственной прелести жило настоящее, высокое мужество. Такой мне хотелось ее сделать.

Эта роль стала одной из самых моих любимых. Я танцевала ее многие годы. Что-то менялось во мне, богаче становился опыт жизненных ощущений. И все, что я видела и находила в жизни, искусстве, я отдавала моей Джульетте. Мне всегда было радостно думать о ней, всегда было интересно готовиться к спектаклю.

Во время гастролей в Лондоне и посещения Стратфорда мне запомнились малейшие детали путешествия по городу Шекспира. Надгробная плита в церкви с надписью-заклинанием: «Да благословен будет тот, кто не тронет эту плиту, и да будет проклят тот, кто потревожит мои кости». Скульптурный бюст на стене храма. В руках драматурга гусиное перо. Настоящее, им можно писать. В дни ежегодных шекспировских празднеств Шекспиру торжественно подносят новое перо и вкладывают его в руку изваяния.

В его доме больше всего меня поразил столб-балка с привязанными к нему кожаными постромками. Ими-то и опутывала мальчика мать, чтобы далеко не убежал, не ушибся...

Как же далеко он убежал, двигаясь впереди своего времени!

Сильнее, живее стало у меня ощущение личности великого драматурга. Величие его творений, переживших века, обрело плоть...

Моя Джульетта стала мне еще ближе.

Ю. ЗАВАДСКИЙ

Галерке и партеру

Во времена Шекспира партер театра заполнялся веселыми, грубоватыми и удивительно непосредственными зрителями: это были фермеры, ремесленники, портные, сапожники... Чуть только представление казалось недостаточно увлекательным, им ничего не стоило бросить его ради травли медведей, благо это зрелище находилось тут же, по соседству.

Шекспир не потакал партеру, но никогда и не игнорировал его. Он обращался к ложам и галерке, но именно с «колодцем» партера в первую очередь, а не с аристократами и лавочниками беседовал он самым искренним, непринужденным или патетическим языком.

В наши дни мы вовлекаем в искусство на материале шекспировских пьес самого широкого зрителя; шекспировский театр доступен каждому независимо от способностей и уровня развития. Одних в нем увлечет только фабула, другие же проникнут в глубину авторского, актерского и режиссерского замысла. Но увлечены будут все! Театр, по природе своей глубоко демократичный, возможен только тогда, когда захватывает не избранных, а всю аудиторию, когда объединяет он людей самых разных. Сегодня вновь и вновь возникает у нас, советских художников, потребность обращаться к творениям Шекспира: он помогает нам строить театр, обладающий большой широтой дыхания, мощным диапазоном воздействия на публику.

Шекспир — англичанин. Но в России он так значительно, широко и объемно показан, что он давно наш! Мы прочитываем его по-своему, но имеем на это право. Это право дал нам сам Шекспир, когда искал человеческое в человеке — то, что близко любому народу, близко людям разных времен. Он объединяет всех в стремлении к добру и справедливости, оставаясь живым для каждого времени.

Я убедился в удивительной емкости и отзывчивости Шекспира на сценической биографии нашего «Отелло». Впервые мы поставили его в Ростове в 30-х годах. Он был принят горячо, но уже через несколько спектаклей я почувствовал, что характер восприятия его зрителем своеобразно и закономерно видоизменяется. Сначала выросла тема Яго, тема лицедейства и двуличия во имя зла, потом Яго стал как бы воплощать в себе тему фашизма, он стал как бы прообразом фюрера — яростный захватчик и себялюб, для которого человеческая жизнь — ничто.

А в 1944 году, когда спектакль был поставлен мной с коллективом Театра имени Моссовета, поиному зазвучала и тема Отелло. Выросла тема возвышающей, победоносной, великой и светлой любви.

Шекспир был великим провидцем, мудрейшим философом, постигшим трагедии человеческих судеб, но он был и великим жизнелюбцем, весельчаком. Он понимал, что унылая и пасмурная будничность, холодная рассудочность, отсутствие юмора — великие грехи против человечества. Он умел озорничать, находя высокую прелесть в остроумии, в шутке.

Задумывая постановку «Виндзорских насмешниц», я хотел создать спектакль, в который были бы вовлечены и зрители, который стал бы спектаклем-праздником для всех его участников.

В эти дни наш театр готовит шекспировскую комедию «Бесплодные усилия любви» в великолепной сценической редакции Корнея Чуковского. Это дипломная работа моего ученика, студента ГИТИСа Л. Шатуновского.

И опять перед нашим театром, его молодым составом встает та же задача создания спектакля-праздника. Шекспир неисчерпаем, как природа, как бурно текущая жизнь, которая его вдохновляет.

Вновь и вновь черпая из его творений, мы вновь и вновь будем решать насущнейшие задачи нашего театра — задачи рождения зрительской улыбки, активного зрительского отклика и в партере, и в ложах, и на галерке — всюду, где смотрит спектакль сегодняшний новый человек.

Ю. А. Завадский на репетиции комедии Шекспира «Бесплодные усилия любви» в Театре имени Моссовета

Фото Р. Лихач.

ПРОСТО ЧЕЛОВЕК...

Ваграм ПАПАЗЯН

Всю жизнь шекспировский «Отелло» был моим спутником, моей тенью. И каждый год я праздную два дня рождения — тот, когда сам увидел свет, и еще один — когда впервые появился перед зрителями в костюме и гриме своего любимого героя.

Я сыграл Отелло свыше трех тысяч раз — в различных странах и на различных языках: французском, итальянском, турецком, армянском, русском. И всегда он становился уже перед началом спектакля неотделимой частью моего существа. Я физически чувствовал его прикосновение и дыхание, а своим внутренним слухом слышал его голос.

Я отправлялся в театр за два-три часа до начала спектакля и уединялся в своей гримерной. Парикмахер или костюмерша, неожиданно открывая дверь, заставали меня мурлыкающим мавританские песни или отрывки молитв арабских муэдзинов, распеваемых с высоты минаретов. Эти мотивы помогали мне вернуться к тем впечатлениям, которые в свое время поразили мое воображение, когда я путешествовал по родным местам Отелло. Тогда в Алжире, в сопровождении моего друга и его отца, старого мавра, закутанного в белый бурнус, с хищным взглядом, всегда устремленным вдаль, с эластичной, размеренной походкой тигра и широкими царственными жестами,— мы целыми днями пропадали в маленьких кафе, в банях, школах, казармах. Я видел ночные драки, нередко кончавшиеся убийствами, бывал в судебных залах.

Однажды во время гастролей в Париже ко мне в уборную пришел представитель большого мавританского племени. Отстегнув с моего пояса бутафорский кинжал, он заменил его своим: «Ты слишком похож на настоящего мавра, чтобы удовлетворяться этой игрушкой».

Его кинжал стал для меня талисманом. Прикосновение к нему помогает мне ощущать рядом с собой, а потом и в себе присутствие Отелло.

Я пытался покинуть гримерную в последний момент и выходил на сцену, стараясь в то же время не чувствовать, что я выхожу на сцену. Я умышленно иду мимо дома отца Дездемоны, чтобы узнать, что творится там сейчас. Ночь теплая, но сырая; мне, человеку пустыни, сырость неприятна, и я набрасываю на себя огромный мавританский машлах; иду спокойно, отнюдь не чувствуя себя донжуаном, вскружившим голову молодой девушке, а мужем, гордым своим счастьем и сознающим свое право перед законом...

Но близок и дорог Отелло мне другим. Это — настоящее дитя природы и пустыни. Цельный человек, еще не испорченный ядом буржуазной цивилизации, не испытавший никогда чувства любви, если не считать любовью те безрадостные встречи, которые он мог иметь в глухих военных гарнизонах. И этот человек вдруг почувствовал близость прекрасной и чистой Дездемоны.

Для него она луч зари, живое олицетворение счастья. Отелло не сатрап, и не семейный деспот, и не экзальтированный безумец.

Это просто человек... Он хочет получить свою долю счастья под солнцем и борется за сохранение этого счастья до самой смерти.

Современность вечного

В. ВОРОНОВ

Много было Гамлетов; после того, как в лондонском театре «Глобус» в 1601 году сыграли шекспировскую трагедию, образ датского принца обошел все театральные подмостки мира; его не раз пытались вывести на киноэкран. И вот сейчас — еще один Гамлет, в киноленте Григория Козинцева, созданной на «Ленфильме».

Об этой картине будут много писать, анализировать режиссерский замысел, актерскую игру, степень исторической достоверности... Сейчас хочется говорить лишь о первых впечатлениях.

Прежде всего о целостности черно-белого фильма, который почти два с половиной часа смотрится на едином дыхании. В сосредоточенной тишине кинозала иногда взрывается смех, или вдруг вы чувствуете, как соседи замерли, подобно вам самим... «Гамлет» Козинцева забирает зрителя целиком. Мелкие недоделки не в счет. Картина сильна именно целостным художественным ощущением трагедии. Режиссер, сумевший вобрать в свое прочтение пьесы высокие постижения советской шекспировской науки, позволяет нам считать «Гамлета» высоким достижением этой науки, а не только явлением сегодняшнего киноискусства.

Гамлет — И. Смоктуновский.

На съемках. Слева — режиссер фильма Григорий Козинцев. Королева — Э. Радзинь, Клавдий — М. Названов.

А. Вертинская – Офелия.

Не будем спорить, насколько точна экранизация трагедии. Наверно, это даже и не экранизация в ее обычном понимании, а творческий акт, приведший к созданию нового произведения искусства, которое раскрывает незнаемые ранее глубины шекспировской пьесы. Гениальность ее с веками все полнее и полнее осознается людьми. Поэтому без преувеличения можно утверждать, что нынешний «Гамлет» весомее, значительнее, нежели многие прежние «Гамлеты». Чтобы доказывать это, понадобятся сотни страниц. Но можно доказать иначе. Надо просто посмотреть козинцевского «Гамлета». Наверно, это не только Шекспир начала XVII века, но и Шекспир середины XX века.

Гёте говорил по поводу своей пьесы «Ифигения»: «...В напечатанном виде она представляет лишь бледный отблеск той жизни, которая кипела во мне, когда я ее замышлял; но актер должен снова вернуть нас к этому первичному пылу, который воодушевлял поэта, когда он создавал свой сюжет».

Лента Григория Козинцева использует всю мощь языка современного кино: пластическую выверенность каждого кадра, контрастное сочетание ближних и дальних планов, богатство психологической игры. Глубоко раскрыты таланты актеров: И. Смоктуновского (Гамлета), А. Вертинской (Офелии), М. Названова (короля Клавдия), Ю. Толубеева (Полония), В. Эрлнберга (Горацио), В. Колпакова (Могильщика) и еще многих.

И. Смоктуновский говорит:

— Понимаете, был Шекспир с условностями своего времени. Моральными. Этическими. Литературными. Каждая последующая эпоха на эти условности накладывала свои. Освободить первоначальную мысль Шекспира... И все делать просто, скромно, мужественно.

Искусство освободить от условностей, конечно, нельзя: оно перестанет тогда быть искусством. Авторы фильма воссоздали реальную средневековую Данию, но события, развернувшиеся в Эльсиноре, стали очень важными для современника.

Мучительные поиски мысли, напряженная духовная жизнь героя трагедии, и рядом тот истошный, почти нутряной вопль, который издает Гамлет, сидя в фургоне бродячей актерской труппы (этот кадр снят изнутри фургона, и Гамлет дан со спины)... Таков эмоциональный диапазон фильма. Самые трудные моменты трагедии эстетически преображены в фильме благодаря безупречному вкусу режиссера и оператора.

Сотни раз показывали в кино фехтовальные бои. И все же финальный поединок Гамлета с Лаэртом, стремительное движение раненого, упоенного боем Гамлета — эти сцены войдут в хрестоматии, столько в них правды и отточенного мастерства.

...Правда и справедливость никогда не станут отвлеченными словами. Трагедия наследного принца из Эльсинора волнует людей вот уже четвертое столетие; нас она волнует так же, как убийство Патриса Лумумбы или судьба безвестного рыбака, погибшего в океане от смертоносного пепла. Вахтангов говорил, что не все современное — вечно, но то, что вечно — всегда современно. Вот почему жизнь Гамлета, студента из Виттенберга, оказывается такой поучительной сегодня.

Разговор с Питером Бруком

«Мы не хотим больше играть «в память» о Шекспире, мы хотим показать вам живого Шекспира, нашего современника!» — заявили молодые режиссеры Питер Холл и Питер Брук. Ставши директорами Шекспировского театра, они выбросили из названия слово «мемориальный»: «творческий коллектив должен дышать воздухом современности». И у известного уже здания в Стратфорде-на-Эйвоне появляется в Лондоне младший брат, «Олдвич»; там наряду с Шекспиром идут пьесы современных драматургов. Так, за шесть лет, прошедших после первых гастролей Королевского шекспировского театра в СССР, он стал ведущим театром Англии, а его звезды, режиссеры Питер Брук и Питер Холл, актер Пол Скофилд (незабываемый Гамлет) — первыми фигурами британской сцены. Летом 1963 года «Королю Лиру» в постановке Брука, со Скофилдом в главной роли, тому самому спектаклю, который только что видели ленинградцы и москвичи, присуждается первая премия на ежегодном фестивале в Театре Наций в Париже.

После спектакля мы говорили с Бруком. Он долго и щедро рассказывал о себе, о своей работе над Шекспиром.

— Я считаю Шекспира величайшим реалистом всех времен. И если в пьесах его действуют короли, герцоги и шуты, то это совершенно не значит, что их надо играть, заламывая руки, воздевая глаза к небу и надрывая голос. Шекспировские короли — такие же люди, как все. Только они поставлены в исключительные, «королевские» условия. Правда, образность Шекспира особая. Потому-то мы и воспринимаем его действующих лиц как героев любого времени и места, где злой кощунствует над добрым, где власть противопоставлена человеку.

Очень трудно было найти принцип оформления «Короля Лира» — современный и исторический в одно и то же время; в нем, если хотите, должна быть воплощена перекличка всех времен,— Брук задумывается...

— Помните сцену бури в спектакле? Там у нас висят огромные ржавые железные щиты, к ним наверху прикреплены маленькие моторчики, которые, вибрируя, создают эффект грома. Все это навевает зрителю картины старых замков, поединков, жестокости стихии и помогает создать атмосферу «Короля Лира». На одной из репетиций такой щит упал буквально в сантиметре от меня, и я чудом спасся от кары за свои режиссерские дерзания!

А костюмы! Вы заметили, что у нас все костюмы сделаны из кожи, даже женские платья? Мы долго думали, какой материал выбрать. Шелк, бархат не годятся — слишком много романтических и классицистских трагедий в них играли; это одежда для героев Гюго, но не Шекспира. Шерсть — тяжеловесно. А кожа связывается в нашем воображении с охотой, верховой ездой, жизнью в единении с природой. Кожа — гибкий, суровый, элегантный материал, в нее могут быть одеты короли и принцессы далеких времен. Я считаю, что костюмы из кожи — удачная находка в спектакле еще и потому, что этот естественный материал не создает впечатления «разодетости» и не отвлекает внимание зрителя от главного — развития характеров, борьбы чувств шекспировских героев.

И действительно, как помогли Бруку эти костюмы создать настроение спектакля! Гонерилья, в своем кожаном платье, гибком, как змеиная кожа, наускивает придворных на своего отца; Лир, возвращающийся с охоты в кожаном плаще, на котором следы дождей и бурь.

...На сцене — никаких декораций. Рамы, обтянутые домотканым холстом. Железные щиты, покрытые ржавчиной времени и непогоды. Грубо сколоченные скамьи и столы.

В начале спектакля Лир — взбалмошный, упрямый старик, с капризно нахмуренными бровями, зычным окриком. Но за властностью и самодурством Лира скрываются у Скофилда доброта и доверчивость. Впервые Скофилд — Лир не допускает мысли о подлости. «Нет»,— говорит он, узнав об измене дочери. Жизнь стала немыслима для него без веры в людей. В этом-то — в показе красоты и силы человеческой души — заключается главная удача режиссера и актеров.

М. МАРЕЦКАЯ

Публикуемые произведения Эрнеста Хемингуэя помещены в последнем номере американского журнала «Лайф» и относятся к периоду после первой мировой войны, когда он в качестве журналиста жил в Париже и был еще начинающим писателем. Как сообщает редакция «Лайф», копии этих рассказов и очерков Хемингуэй оставил тогда в Париже на хранение. В 1956 году, возвращаясь из Испании на Кубу через Париж, Хемингуэй остановился в той же гостинице, в которой жил в те далекие годы. Забытые рукописи оказались снова в его руках. Это были записные книжки, в которых молодой Хемингуэй записывал карандашом короткие заметки и рассказы, обычно сидя в кафе «Клозери де Лила». Часть этих рассказов была отклонена издательством, другие были напечатаны.

На основе этих рукописей Хемингуэй решил создать книгу «A Moveable Feast»— «Праздник, который носишь с собой», воспроизводящую картины его тогдашней жизни в Париже. Но он не успел этого осуществить. Через несколько лет, когда Хемингуэй еще работал над книгой, трагически окончилась жизнь писателя.

ПРА
КОТОРЫЙ

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

КАФЕ НА ПЛОЩАДИ СЕН-МИШЕЛЬ

Это было славное кафе — уютное, чистое, теплое. Я развесил свой старый дождевик на вешалке, чтобы он просох, ткнул видавшую виды фетровую шляпу на крючок над скамейкой и заказал café au lait[1]. Официант принес кофе, и я, достав из кармана пальто блокнот и карандаш, принялся писать. Я писал «У нас в Мичигане», и поскольку день был очень холодный, ветреный, я сделал его таким же в рассказе. Я не раз видал, как поздняя осень отражается на детях, юношах, молодых мужчинах, но знал, что об этом можно написать по-разному: в одном месте лучше, в другом — хуже. Это, кажется, называется переходом из одного состояния в другое, думал я, и с людьми должно происходить так же, как и с растительным миром. В рассказе ребята пили, и я тоже, почувствовав жажду, заказал ром «Сент-Джемс». В холодный день он был необыкновенно вкусен, я продолжал писать и чувствовал, как этот чудесный напиток с Мартиники согревает не только мое тело, но и душу.

В кафе вошла девушка и села за столик у окна. Она была очень хороша, ее лицо сияло, как только что отчеканенная монета, если монеты можно чеканить из мягкой, освеженной дождем кожи. Черные, цвета вороньего крыла, волосы резкой линией пересекали по диагонали ее щеку.

Я смотрел на нее, и меня охватывало какое-то беспокойство и волнение. Мне захотелось описать ее в рассказе или еще где-либо, но она села так, чтобы ей было удобно наблюдать за улицей и входом в кафе, и я понял, что она кого-то ждет. Я снова принялся за рассказ.

Рассказ сам ложился на бумагу, и я с трудом успевал его записывать. Я заказал еще одну рюмку рома, и, когда поднимал голову или точил карандаш точилкой, из которой на блюдце с рюмкой падали тонкие деревянные колечки, все время смотрел на девушку.

Я увидел тебя, красавица, и сейчас ты принадлежишь мне, кого бы ты ни ждала и если даже я никогда тебя больше не увижу, так думал я. Ты принадлежишь мне, и весь Париж принадлежит мне, а я принадлежу этому блокноту и карандашу.

Затем я снова начал писать. Я так увлекся рассказом, что он целиком поглотил меня. Сейчас он уже не ложился сам на бумагу, сейчас я его писал, не поднимая головы, забыв о времени, не думая о том, где я нахожусь, не заказывая больше рома «Сент-Джемс». Мне надоел ром, хотя я и не думал о нем. Наконец рассказ был закончен, и я почувствовал, как устал. Я перечитал последние строки и поднял голову, ища глазами девушку. Ее не было. Надеюсь, она ушла с хорошим человеком, подумал я. Но мне было грустно.

[1] Кофе с молоком (фр.).

ГОЛОД УЧИТ

В Париже, когда живешь впроголодь, у тебя обостряется чувство голода, потому что в витринах булочных выставлены такие вкусные вещи и люди сидят за столиками прямо на тротуаре, и ты видишь еду и вдыхаешь ее запах. Если ты бросил журналистику и стал писать такое, на что в Америке не находится покупателей, то лучше всего говорить дома, что ты приглашен кем-то на обед, а самому отправиться в Люксембургский сад, где на всем пути от площади Обсерватории до улицы Вожирар ты не увидишь или не услышишь запаха чего-либо съестного. Там можно всегда зайти в Люксембургский музей, а когда желудок пуст, как дупло дерева, все полотна кажутся более четкими, ясными и красивыми. Когда я бывал голоден, я гораздо лучше понимал Сезанна и научился видеть, как он создавал свои пейзажи. Я спрашивал себя: неужели он тоже голодал, когда работал? Нет, думал я, наверное, он просто за работой забывает поесть. Такие болезненные, но поучительные мысли обычно приходят на ум от бессонницы или постоянного недоедания. Позднее я сообразил: Сезанн, вероятно, все-таки испытывал голод, но другой.

Из Люксембургского музея можно было пойти вниз по узкой улице Феру до площади Сент-Сюльпис, там все еще не было ни одного ресторана — просто тихая площадь со скамьями и деревьями. Стоял фонтан со львами; голуби бродили по мостовой и усаживались на изваяния епископов. В северной части площади была церковь и лавки, торгующие церковной утварью.

Если пойти отсюда по направлению к реке, то не миновать лавок, где продают фрукты, овощи, вино, булочных и кондитерских. Но, тщательно выбрав направление, можно было повернуть направо и, обогнув серо-белое каменное здание церкви, выйти на улицу Одеон, откуда рукой подать до книжной лавки Сильвии Бич, и по пути тебе не так уж много попадется продовольственных магазинов. На улице Одеон нет и закусочных, пока ты не выйдешь на площадь с тремя ресторанами.

И вот ты у дома 12 по улице Одеон и уже не так ощущаешь голод, но твое восприятие обостряется снова. Другими кажутся тебе фотографии, ты видишь книги, которых прежде никогда не замечал.

— Вы очень исхудали, Хемингуэй,— обращается ко мне Сильвия.— Хорошо ли вы питаетесь?

— Разумеется.

— Что вы ели на обед?

Мой желудок выворачивается наизнанку, но я отвечаю ей:

— Я как раз иду домой обедать.

— В три-то часа?

— Я и не подозревал, что уже так поздно.

— На днях Адриенн сказала, что хочет пригласить вас с Хэдли на ужин. Мы бы позвали Фаржа. Вам он, кажется, нравится, правда? Или Ларбо. Этот вам нравится. Я ведь знаю, что он вам нравится. Или же кого-нибудь, кто вам действительно по душе. Поговорите с Хэдли, хорошо?

— Я уверен, она пойдет с удовольствием.

— Я пошлю ей письмо по пневматической почте. Если вы плохо питаетесь, вам не следует много работать.

— Не буду.

— Ну, идите домой, пока еще не поздно обедать.

— Ничего, мне оставят.

— И не ешьте всухомятку. Вам нужен горячий, сытный обед.

— Мне есть письма?

— Кажется, нет. Впрочем, я посмотрю.

Она заглянула в ящик своей конторки и весело обернулась ко мне, протягивая конверт.

— Это пришло, когда меня не было,— сказала она.

На ощупь в конверте были деньги.

— От Веддеркопа,— сказала Сильвия.

— Должно быть, это за «Квершнитт»[2]. Вы виделись с Веддеркопом?

— Нет. Но он заходил сюда с Джорджем. Он найдет вас, не беспокойтесь. Должно быть, он хотел сначала заплатить вам.

— Здесь шестьсот франков. Он пишет, что будет еще.

— Как хорошо, что вы напомнили мне о письмах, дорогой мистер Прелесть!

— Чертовски забавно, что мои вещи покупают только в Германии. Он да «Франкфуртер цайтунг».

— Правда, забавно. Но не стоит огорчаться. Можете продать свои рассказы Форду,— дразнила она меня.

— По тридцати франков за страницу. Скажем, по рассказу раз в три месяца в «Трансатлантик». Значит, за рассказ в пять страниц — сто пятьдесят франков в квартал, иначе говоря, шестьсот франков в год.

— Слушайте, Хемингуэй, важно не то, сколько вам за них сейчас платят. Важно то, что вы умеете писать.

— Я знаю. Я умею писать. Но ведь никто не берет мои рассказы. С тех пор, как я бросил журналистику, я совсем не получаю денег.

— Ничего, они пойдут. А потом, смотрите, вы же получили за один.

— Извините, Сильвия. Простите, что я заговорил об этом.

— За что же извинять? Говорите об этом сколько угодно или о чем-нибудь другом. Разве вы не знаете, что писатели только и говорят, что о своих бедах? Но обещайте мне, что перестанете волноваться и будете питаться хорошо.

Выйдя на улицу, я почувствовал отвращение к самому себе за все эти жалобы. Я по своей воле бросил журналистику — и вот веду себя так глупо. Надо было купить большой кусок хлеба и съесть его, а не ходить голодным из-за того, что нет обеда. Я даже почувствовал вкус румяной, хрустящей корочки. Но без питья во рту сухо. «Ах ты, чертов нытик, притворщик несчастный, эдакий святой мученик!»— клял я себя. Сам ведь бросил журналистику. В тебя верят, и Сильвия всегда одолжила бы денег. Она уже не раз это делала. Тут нечего сомневаться. Но ты все стараешься найти себе оправдание. Все-таки голод — полезная вещь, да и картины выглядят куда при-

[2] Немецкий журнал.

ЗДНИК,

НОСИШЬ С СОБОЙ

влекательнее на пустой желудок. Но еда — тоже чудесная штука, и знаешь ли ты, куда пойдешь сейчас пообедать?

У Липпа — вот где ты поешь да и выпьешь тоже.

До Липпа было недалеко, и все злачные места на пути к нему, которые мой желудок отмечал так же быстро, как глаза или нос, делали сейчас этот путь особенно приятным. В brasserie[1] было мало народу, и когда я сел за столик у стены, на которой позади меня висело зеркало, и официант спросил, хочу ли я пива, я заказал distingué[2] — большую литровую кружку — и картофельный салат.

Пиво было очень холодным и приятным на вкус. Салат был приготовлен превосходно, оливковое масло было чудесным. Я поперчил картофель и обмакнул хлеб в оливковое масло. После первого жадного глотка пива я стал есть не торопясь. Когда салат кончился, я заказал еще порцию, а также cervelas — большую, толстую сосиску, разрезанную вдоль на две части и политую особым горчичным соусом.

Я и не огорчился, рассуждал я. Я знал, что мои рассказы хорошие и что рано или поздно кто-нибудь напечатает их и в Америке. Уже тогда, когда я перестал работать на газеты, я был уверен, что рассказы там пойдут. Но что бы я ни отправлял, все возвращалось назад. Уверенность поддерживало во мне лишь то, что Эдвард О'Брайен включил рассказ «Мой старик» в сборник «Лучшие рассказы» того года и посвятил этот сборник мне. Я рассмеялся и отхлебнул глоток пива. Этот рассказ не был напечатан ни в одном журнале, и вопреки своим правилам О'Брайен все-таки поместил его в сборник. Я снова рассмеялся, и официант взглянул на меня. Самое смешное, что при всем том он ухитрился неправильно написать мое имя. Это был один из двух рассказов, сохранившихся после того, как все написанное мною было похищено у Хэдли с чемоданом на Лионском вокзале,— она хотела тогда преподнести мне сюрприз и взяла с собой все рукописи, чтобы я мог поработать над ними во время отпуска в Лозанне. Она упаковала в папки все оригиналы, даже вторые экземпляры. Рассказ, о котором идет речь, сохранился только потому, что Линкольн Стеффенс отправил его какому-то редактору, а тот прислал его обратно. Он лежал на почте, все же остальное украли. Второй рассказ назывался «У нас в Мичигане», я написал его до того, как впервые появилась у нас дома мисс Стайн. Я так его и не переписал на машинке, потому что она назвала его inaccrochable[3]. Он завалялся в каком-то из ящиков.

Когда же из Лозанны мы уехали в Италию, я показал свой рассказ о скачках О'Брайену, мягкому, застенчивому человеку, бледному, со светло-голубыми глазами и прямыми, жесткими волосами, которые он подстригал сам. Он жил тогда в монастырском пансионате неподалеку от Рапалло. Это было трудное время, и я не думал, что смогу еще когда-нибудь писать, и я показал ему рассказ, как некую диковину, как если бы ни с того, ни с сего вы стали показывать ящик с компасом от своего корабля, погибшего каким-то невероятным образом, или принесли бы свою ногу в башмаке, ампутированную после катастрофы, и стали острить по этому поводу.

Когда он прочитал рассказ, я увидел, что он расстроен еще больше меня. Я в жизни не встречал человека, которого, как О'Брайена, могло сильно расстроить что-либо, кроме смерти или невыносимых страданий. Зато как была расстроена Хэдли, когда она решилась сообщить мне о пропаже! Сначала она все плакала и плакала и не могла ничего сказать. Я говорил ей, что, каким бы печальным ни было случившееся, все это не так уж страшно, и будь что будет, не надо расстраиваться, все уладится. Потом наконец она рассказала мне. Я решил, что она не взяла с собой вторые экземпляры, и нанял человека, который временно выполнял бы мою работу в газете — тогда я неплохо зарабатывал на журналистике. И я отправился поездом в Париж.

То, что сказала Хэдли, оказалось правдой, и я не забуду ту ночь, когда я вошел в нашу квартиру и убедился в этом. Что ж, с этим было покончено, я больше никогда не говорил об этой потере. Поэтому я и О'Брайена попросил не расстраиваться. Быть может, и хорошо, что я потерял свои первые работы, сказал я ему в утешение. Я собираюсь снова начать писать рассказы, добавил я, солгав, лишь бы он так не убивался. Но тут же понял, что я вовсе не лгу.

Когда приходится урезать себя в питании, надо уметь хорошо владеть собой,— тогда голова не будет целиком занята мыслями о голоде. Голод хорошо дисциплинирует и многому учит. И покуда люди этого не понимают, ты впереди них. Еще бы, подумал я, сейчас я настолько впереди них, что не могу позволить себе регулярно питаться. Было бы неплохо, если бы они немного подтянулись.

Я знал, что должен написать роман. Но мне с трудом давались даже абзацы, которые должны были составить самую основу романа, и эта задача казалась непосильной. Нужно было приступать к более длинным рассказам, как при тренировке к бегу на бо́льшую дистанцию. Когда я писал тот роман, который украли с чемоданом на Лионском вокзале, у меня был еще лиризм юности, такой же непрочный и обманчивый, как и сама юность. Я понимал, что, быть может, и хорошо, что этот роман пропал, но понимал и другое: я должен написать новый. Но я начну его лишь тогда, когда не смогу не сделать этого. Будь я проклят, если напишу роман, только чтобы регулярно питаться! Но уж когда я начну его, то не стану заниматься ничем другим, и иного выхода у меня не будет. Пусть напряжение растет. А тем временем я напишу повесть о том, что знаю лучше всего.

Я расплатился и вышел, повернул направо и пересек улицу де Ренн, чтобы избежать искушения выпить кофе в «Дё-Маго», и пошел по улице Бонапарта кратчайшим путем домой.

Что же из не написанного и не потерянного мною я знаю лучше всего? Что я знаю всего достовернее и больше всего люблю? У меня вообще не было выбора. Я мог в эту минуту выбрать только улицы, которые быстрее привели бы меня к рабочему столу. По улице Бонапарта я дошел до Гинемер, потом до улицы д'Асса и двинулся дальше по Нотр-Дам-де-Шамп к кафе «Клозери де Лила».

Я сел в угол, освещенный вечерним светом, и стал писать в блокноте. Официант принес мне café crème[4], и, когда он остыл, я выпил полчашки и оставил ее, продолжая писать. Когда я кончил писать, мне все не хотелось расставаться с рекой, где в тихой заводи виднелась форель и полное и упругое течение плавно рассекалось о бревенчатые опоры моста. Мой рассказ был о возвращении с войны, но о войне в нем не говорилось.

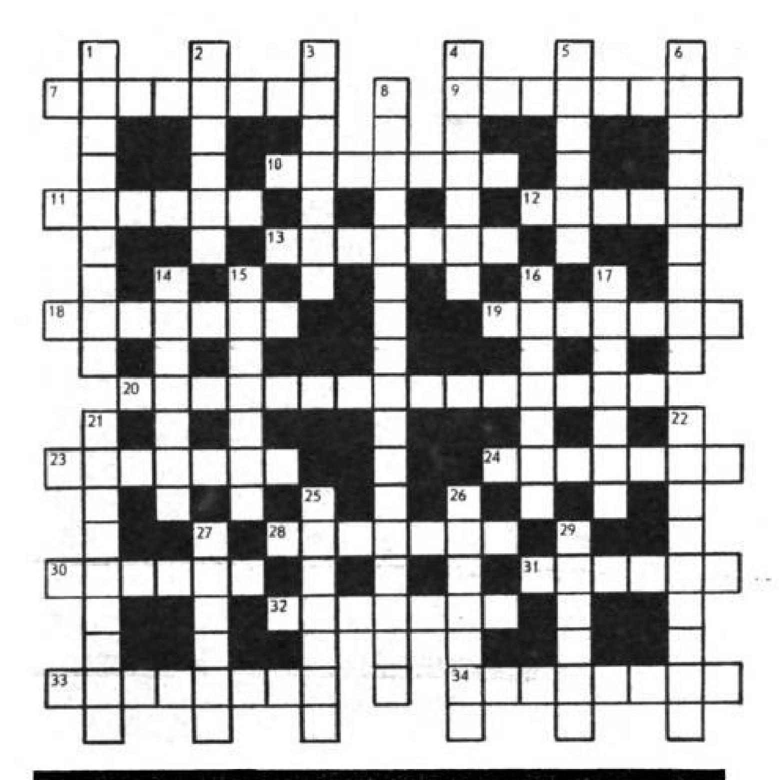
Наутро снова будет река, я должен создавать и ее, и страну, и все события. Для этого у меня впереди много дней. Все остальное ничего не значит. У меня в кармане деньги из Германии, так что никаких проклятых вопросов больше нет. Когда деньги кончатся, появятся другие.

Сейчас же от меня требуется лишь одно: голова должна быть ясной и свежей до утра, когда я снова приступлю к работе.

Продолжение публикации следует.

Перевели с английского Л. Петров, М. Брук, Ф. Марков.

[1] Пивной бар (фр.).
[2] Порция подороже (фр.).
[3] В нем не за что уцепиться (фр.).
[4] Кофе со сливками (фр.).

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Столица Австралийского Союза. 9. Газетно-журнальный жанр. 10. Учреждение связи. 11. Остров в Эгейском море. 12. Нижний ярус лож. 13. Танец. 18. Первый журнал пионеров. 19. Французский поэт-песенник. 20. Русская актриса. 23. Старинный экипаж. 24. Веслоногая птица. 28. Оперетта И. Кальмана. 30. Потолок, украшенный живописью или лепкой. 31. Спортивное оружие. 32. Пьеса М. Горького. 33. Аппарат для подводного плавания. 34. Основоположник высшего пилотажа.

По вертикали:

1. Немецкий микробиолог. 2. Спутник планеты Марс. 3. Кипятильник. 4. Советский легкоатлет, рекордсмен мира. 5. Складные очки с ручкой. 6. Универсальные клещи. 8. Наука, изучающая художественную литературу. 14. Река в Индии. 15. Соус из уксуса, масла и пряностей. 16. Ансамбль из шести исполнителей. 17. Металл. 21. Струнный инструмент. 22. Прибор для насыщения углекислотой прохладительных напитков. 25. Безрогий олень. 26. Способ переработки нефти. 27. Шахматная фигура. 29. Денежная единица страны.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

3. Бирюза. 6. Трос. 7. Щука. 9. Матч. 10. Фирдоуси. 11. Институт. 12. Волна. 14. Каркас. 16. Каука. 17. Микеланджело. 20. Груша. 22. Импорт. 25. Аллея. 27. Интервал. 28. Динамика. 29. Чита. 30. Ария. 31. Уран. 32. Циклон.

По вертикали:

1. Пирамида. 2. Излучина. 4. Лондон. 5. Куница. 6. Тритон. 8. Алупка. 13. Анива. 14. Клещи. 15. Сюжет. 16. Колба. 18. Бронза. 19. Щепкин. 21. Швеция. 23. Молчалин. 24. Редактор. 26. Ламарк.

На первой странице обложки: Лаборантка Наташа Смирнова берет пыльцу огурцов, выращиваемых гидропонным способом. Крымский совхоз «Горный» одним из первых в стране начал применять этот способ получения высоких урожаев овощей.

Фото Я. РЮМКИНА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00675. Подписано к печати 17/IV 1964 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 2 050 000. Изд. № 738. Заказ № 1 002.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ВЫПУЩЕНЫ В РАЗНЫХ СТРАНАХ

Многие филателисты, составляющие тематические коллекции, с большой любовью собирают марки, посвященные памяти В. И. Ленина.

Сейчас у филателистов около двухсот марок с изображением В. И. Ленина, выпущенных у нас и в странах социализма.

Н. САТАРОВ

ВЕСНА, 1964

Эти весенние платья очень просты по форме; нарядная отделка придает им изящество и женственность. Сейчас модны оборки, рюши, банты, драпировки; ткани же применяются различные: кружево, тюль, капрон гладкий и жатый, набивные легкие шелка.

1. Платье из жатого капрона для молодой девушки. Лиф удлиненный, чуть приталенный. Юбка из двух оборок. Пояс из репсовой или атласной ленты.

2. Платье-рубашка из хлопчатобумажного кружева на подкладке из сатина-дубль. Лиф и юбка спереди у талии слегка драпируются. Пояс из блестящей ткани.

3. Набивной крепдешин однотонного рисунка очень хорош для нарядного весеннего платья. Лиф драпированный, юбка в складку. Пояс — в цвет рисунка ткани.

4. Вечернее платье из черного капрона на черном чехле из сатина-дубль. Чехол узкий, прилегающий; платье с мягким лифом и свободной юбкой. По вырезу платья густая оборка. Платье может быть также выполнено из тюля или кружева; пояс из блестящей ткани закончен бантом и брошкой.

Художник по костюму Н. Голикова.

Вешние воды.
Фото М. САВИНА.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663